

Константин Асимонов

Черная Башня Осткройца

*Ах, я закидывал свою сеть в их моря, желая наловить хороших рыб,
но постоянно вытаскивал я голову какого-нибудь старого бога.*

Ф. Ницше

*Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и всё это время
у него непрерывно текло из носа.*

Р. Шекли

Глава 1. Дыра в форме башни

I.

Они явились на рассвете. Четверо, все говнюки. Еле слышно шаркая по ковру из листьев, они подбирались к скамейке. На ней на потертом спальном мешке дремали неопрятный, растрепанный парень и небольшая собачка, на вид помесь шотландского терьера и кучи тряпья. Песика звали Карман, а человека – Арк. Запомните его получше: растрепанная светлая борода, прямой нос, резкие скулы, кустистые брови, копна спутанных волос, зеленые, в данный момент закрытые глаза. Именно он станет главным героем нашей истории.

Четыре говнюка нестройной цепочкой подошли метров на десять, и Карман тихонько зарычал. Первый из говнюков сделал осторожный шаг в сторону скамейки и попался в «ловушку Вуйчича». На земле перед скамейкой была нарисована порталная октаграмма. Вела она в какую-то Изнанку, до того жуткую, что никто не удосужился придумать ей название. Работала ловушка не больше секунды, чтобы оттуда ничего не вылезло, и активировалась от веса начиная килограммов с тридцати, чтобы не тратиться на лис и прочих мелких ночных хищников. В темноте ее совсем не было видно, да к тому же она была присыпана листьями. Первый из четырех говнюков наступил на ловушку, мигнуло нестерпимо-зеленым, и он по поясу провалился под землю. Ноги его достались на ранний завтрак изнаночным тварям. От неожиданности он икнул и умер.

Это смутило остальных, но только на секунду. Больше опасности они в Арке не ощущали. Колдовской силы в нем было немного. Самый дальний щелкнул фонариком, и Шёнхаузер-аллее озарилась голубоватым светом. Стоявший ближе всех к скамейке кинул в Арка молнию. Молния – одно из самых простых и эффективных заклинаний. Знают его все. Создать разницу электрических потенциалов между своей рукой и целью – делов-то. Кроме того, миньоны

Иммануила, к которым, несомненно, принадлежали изначально четверо, а теперь уже трое нападавших, любили подобные световые эффекты. В общем, на молнию Арк рассчитывал и подготовился. Та сорвалась с пальцев говнюка номер два, резко изменила направление посередине полета и вместо скамейки угодила в стоявшую рядом урну. Урна превратилась в огненный шар диаметром метра три, который пожрал второго говнюка, сбил с ног остальных и перевернул скамейку. Не рассчитал количество спирта. Бывает.

Карман с диким лаем вскочил на ноги первым. За ним поднялся Арк и сразу взял песика на руки. Серая шерсть на спине терьера стояла колом, и сам он тяжело дышал. Арк успокаивающе погладил своего друга, давая оставшимся в живых противникам прийти в себя.

Видок у них был ошарашенный. Только что Арк ополовинил их боевую силу, не шевельнув ни пальцем. Оба они носили смешные балахоны цветов Иммануила и его Амулеты Верности – жуткие штуки, предназначенные для миньонов параноидальных Хозяев. Говнюк поближе оказался девушкой. Ее волосы с застрявшими в них листьями слегка дымились, балахон был измазан в грязи. Говнюк подальше, наверняка главный в четверке, выглядел поопрятнее. Переглянувшись, они пошли в атаку вместе. Арк всё еще не казался им серьезной угрозой. Колдовских сил в нем было едва ли с полкопейки. Артефактов на нем не наблюдалось. Арк казался им обычным бездомным, кем, собственно, и являлся. Но у него тоже был Хозяин.

II.

Закончить заклинание Арк им не дал. Телепатически коснулся дрожащего от благородной ярости Кармана, и тот открыл Пасть. Арк выхватил из Пасти боевой жезл и высвободил спавшее в нем парализующее заклятие-тазер. Два говнюка застыли.

Тут, наверное, стоит отойти от этой мизансцены и быстро, пока они сами не сообразили, пояснить, что же, собственно, случилось. Одним из коньков Хозяина Арка были стабильные порталы в небольшие и неопасные Изнанки. Соединив такой портал с пастью Кармана, он сделал, грубо говоря, удобный самоходный и практически безразмерный чемодан. В такой Пасти можно было хранить всё что угодно, и отдельным плюсом было то, что засечь это извне было чрезвычайно сложно. Поэтому непутевые ночные нападавшие и не заметили подвоха.

Тазер Хозяин изготовил и зарядил сам, и сила у того была убойная. У парня с девушкой полностью замкнуло все мышечные функции. Они не могли больше двигаться, говорить, закончить заклинание... Они не могли даже дышать. Арк сфокусировался на тазере и снял заклятие с их грудных клеток и дыхательных путей. Явственно послышались два глухих сипа. Арк смог рассмотреть противников получше. Девушка была совсем молодой и миловидной, хоть и растрепанной.

Парень – постарше, лет двадцати пяти. У обоих на шее висели зачарованные Иммануилом Амулеты Верности, больше похожие на корпоративные бейджики, чем на могущественные артефакты. Они-то и были главной целью недельной экспедиции Арка в район Пренцлауэр-Берг на северо-востоке центра Берлина.

Амулет Верности – стандартный предмет в арсенале любого миньона. Прямая ниточка к могуществу Хозяина, с парой заряженных в него боевых заклятий, а также пропуск в хозяйскую Башню. И иногда – гаррота, отрывающая миньону голову в случае неповиновения или захвата в плен. Аналог таблетки с цианидом или вживленной в голову бомбы на дистанционном управлении – как повезет. Захватить такую штуку – отличный первый шаг к взлому охранных систем Башни. Проблема была в том, что со смертью миньона Амулет Верности обычно дезинтегрировался. А порой в нем были спрятаны и другие сюрпризы.

Арк начал с парня. Поднял с земли обгорелую палку и потыкал его Амулет. Тот отозвался еле слышным гулом. Кроме того, он ощутимо сопротивлялся движению палки. Было понятно, что так просто его не снять.

Арк покопался в Пасти и вынул на свет электрошокер – на этот раз самый настоящий, не колдовской. Заклинания – не самая надежная штука в плане контроля. Практически любое из них потенциально смертельно. Быть колдуном – значит постоянно ходить с заряженным и взведенным пистолетом в руке. Поэтому пригодились и более мягкие методы. Арк поставил шокер на минимальное значение и дотронулся им до Амулета. С легким хлопком голова парня превратилась в облако красного тумана. Забрызгало шокер, собаку, девушку, спальник Арка, а больше всего, естественно, самого Арка. Он выругался, вытерся рукавом и перешел к девушке. В ее глазах отпечатался невыносимый ужас. Здравомысленно рассудив, что так дело не пойдет, Арк убрал шокер. Карман в его руках тревожно твякнул, и краем глаза Арк заметил, как за его спиной кто-то появляется из маскирующего заклятия.

Он вынул из Пасти револьвер и три раза выстрелил новому персонажу в голову, почти в упор. Тот рухнул на землю. Арк присмотрелся: мертвый мужик был сильно старше, и его балахон был другого оттенка. Арк весьма удачно убил одного из личных учеников Иммануила, Бартоломью.

Это меняло дело. Хозяин не мог не почувствовать внезапную смерть ученика, а значит, времени у Арка не оставалось. Пара миньонов – ерунда, расходный материал. Но ученики – это важно, на них тратилось много времени и сил, они сами были без пяти минут великими колдунами, и значит, возмездие последует очень скоро. Убрав оружие и опустив собаку наземь, Арк свалил то, что осталось от мертвых противников, в кучу, полил бензином из пластиковой бутылки, лежавшей в другой урне, и чиркнул зажигалкой. Замороженную девчонку он, поразмыслив, оставил как есть. Дышать она дышит, а остальное с нее снимет отряд карателей Иммануила. А убивать – нет смысла. Туго свернув слегка обгоревший от взрыва

урны спальник, Арк подхватил свой рюкзак, свистнул Карману, который храбро писал девчонке на ногу, и быстрым шагом пошел по Шёнхаузер-аллее. Но перед этим обернулся к парализованной и сказал: «Привет Иммануилу от Нигоша Черного».

III.

Хозяин Арка владел Черной Башней Осткройца. Идти до нее пешком было около двух с небольшим часов. Арк взял быстрый темп, так что Карман едва поспевал за ним, семеня короткими лапками. Погони пока не было заметно, но это временно, и следовало торопиться. Сейчас, когда они идут по засыпанному мокрыми желтыми листьями бульвару, можно отдать должное экспозиции.

В далеком 2013 году произошло Великое Смещение Изнанок. По невыясненной причине ткань нашего мира скомкалась, пошла складками и местами потрескалась. Это, конечно, был не полновесный Апокалипсис а-ля Откровение Иоанна и не атомный или, на худой конец биологический армагеддон, который был популярен тогда в поп-культуре, но всё-таки полновесная колдовская катастрофа. Армагеддон-лайт с легким лиловым оттенком. Как и полагается, огромное количество людей умерло или исчезло, многие другие трансформировались, а десятки тысяч стали богами. Остальным – как всегда – пришлось приспособливаться и выживать. Тогда, в 2013-м, Арк был студентом и поехал в Берлин на интернатуру в программистский стартап. Большинство этих слов с тех пор исчезло из словарей навсегда. Тогда его звали Аркадий Колесничий, и он учил математику. Сейчас его зовут Арк, и он служит великому колдуну, который выглядит как сгусток щупалец, слизи и тьмы.

Удивительным оказалось то, что гибель значительной части населения Земли не стала для выживших таким шоком, как можно было подумать. В этом, кажется, один из секретов человечества – в психической адаптации. В первую очередь – выживание, а свывкание с новой реальностью, скорбь и рефлексия отошли на второй и третий план. Пирамида Маслоу в действии. Чудный новый мир стал жить по чудным новым правилам, и в слове «чудным» ударение решительно падает на «ы».

Во-первых, возникло колдовство, а с ним и колдуны. Возможность творить чудеса появилась почти у всех, как способность пользоваться электрическими приборами. Но лишь немногие получили поистине божественные способности: силу эти «приборы» создавать, менять реальность под себя и передвигать запасы колдовской энергии. Одной из главных сил оказалась способность путешествовать по Изнанкам – вывернутым, изломанным мирам с другими физическими и колдовскими законами. Большинство из них оказались населены лавкрафтовской чудью, но даже там нашлось чему и у кого поучиться. Первые пару лет, пока остальные пытались выжить и смириться с происходящим, великие колдуны

путешествовали по иным мирам, где время течет с другой скоростью, учились и постигали новые правила Мироздания. Многие провели там сотни лет субъективного времени, но вернулись через мгновение: безумцами, чудовищами, мудрецами. Вернувшись, они перекроили мир под себя и быстро поделили его на зоны влияния. Оказалось, что колдовская энергия, которая питает заклинания наподобие электричества, накапливается в предметах, и почему-то особенно эффективно – в серых камнях, бетоне и обожженной глине, из которых сложены уцелевшие после Смещения здания. Колдуны расселились по Башням. На роль таковой годилось любое строение постарше и повыше – шпиль церквей, к примеру, работали как антенны. «Радиус охвата» определялся высотой Башни, ее возрастом и способностями колдуна, и он напрямую коррелировал с площадью подконтрольной колдуну территории. Некоторые люди пытались называть их Твердынями, но название не прижилось.

Многие пошли колдунам в услужение, стали миньонами, а те, что поспособнее, – учениками. Остальные адаптировались. Кто не смог, тот не смог.

Арк с Карманом дошли до перекрестка Шёнхаузер-аллее с Данцигер-штрассе. Когда-то по ней ходил трамвай. Теперь асфальт потрескался, и пути были оплетены разноцветным выюном – типичным сорняком для нового Берлина. Два ряда домов по краям широкой улицы щерились выбитыми окнами. Осмотревшись, Арк не заметил ни погони, ни слежки и пошел посередине штрассе, быстро, но настороженно. Карман бежал впереди и вынюхивал опасности.

IV.

Пренцлауэр-аллее нужно было переходить особенно осторожно – она лежала прямо в центре владений Иммануила, заклятого врага Хозяина. Последнюю неделю Арк описывал круги вокруг них, ночуя под осенним небом. Он рисовал на домах разработанные Черным Нигошем руны, маскируя их под граффити. Они должны были оттянуть копившуюся в домах колдовскую силу и втихую перенаправить ее в Башню Хозяина в обход воли Иммануила. По сути, Арк занимался затяжной хакерской атакой.

Арк осторожно вышел на пересечение Данцигер-штрассе и Пренцлауэр-аллее. На большом открытом перекрестке было тихо. Не стоял кордон с колдомётами, не было хитроумных ловушек. Перекресток пустовал. Арк медленно вышел на середину, в перекрестье трамвайных путей, и посмотрел на юго-запад. Там хорошо виднелся шпиль Иммануилкирхе, за ним облака практически протыкала телебашня на Александрплатц. Всё было чуть озарено мягким розовым рассветом. Солнце на этот раз встало, как полагается, на востоке.

Арк нахмурился, присел на корточки и почесал Кармана за ухом. В удачу Арк не верил и был убежден, что через Пренцлауэр-аллее нужно будет пробиваться. Но

было тихо. Осень еще не принесла с собой промозглую слякоть и слизистые дожди, деревья только начали терять листву. В Берлине было весьма красиво.

Чертыхнувшись, Арк зашагал дальше. Минут через сорок, когда они с собакой уже почти дошли до Карл-Маркс-аллее, следующей большой городской артерии, сзади послышался какой-то гул. Арк отошел на тротуар, потрескавшийся и забросанный мусором, прислушался. Гул нарастал. Карман о чём-то недовольно проскулил. Арк кивнул песику, и они спрятались за массивным выступом одного из подъездов. Данцигер-штрассе в том месте строили уже после Второй мировой, и этот дом старательно эмулировал помпезный советский ампир.

Гул перетек в резкий свист, замигало лиловым, фиолетовым и белым, и на Данцигер-штрассе появился Тараск. Тараски были порождениями одной из страшнейших Изнанок, которые перебрались в наш мир вскоре после Смещения. Не до конца понятные существа, они предпочитали жить под землей, лишь изредка выползая на солнечный свет. Размером они напоминали поезд, поэтому системы метро оказались для них идеальным жилищем. На счастье, они были индивидуалистами и предпочитали селиться в городах поодиночке. Внешне Тараск был похож на смесь китайского дракона, боевого дредноута и кошмара Говарда Филлипса Лавкрафта. Покрытый присосками, гибкими отростками и слизью, которые каким-то образом позволяли ему передвигаться с дикой скоростью, накачанный под завязку с трудом сдерживаемым колдовством, Тараск швырял в стороны молнии, пылал огнем и открывал за собой нестабильные порталы в Изнанки. На своем пути Тараск оставлял исключительно разрушение и ужас. Кроме того, Тараска часто сопровождали колдовские паразиты, этикие изнаночные рыбы-прилипалы, которые с удовольствием подъедали не до конца уничтоженное монстром, в том числе и людей. Сам Тараск людей за еду не считал, и вообще его диета оставалась в тайне. Изучать таких тварей было трудно, да и некому.

Арк достал из собаки револьвер и еще один заряженный Хозяином жезл. Его навершие украшала вычурная серебряная ложка. С его помощью можно было создавать сильные электромагнитные и гравитационные поля, чем Арк и воспользовался накануне, ставя отражающую молнию ловушку.

Тараск летел довольно быстро, так что поднятый им ветер прижал Кармана к массивной двери подъезда. Арк почувствовал подступающий кошмар – еще один «милый подарок» Тараска. Его давление на человеческую психику свело с ума не одну сотню людей. Арк зажмурился. В его голову полились непрерывные потоки мыслей, образов и воспоминаний. Некоторые были личными страхами из детства: он вдруг вспомнил, как года в четыре, еще в Твери, перебежал дорогу, отпустив мамину руку, как взвизгнули тормоза, какой синей была летевшая на него машина, как сильно мама схватила его за плечо... Другие воспоминания были о Смещении, о последовавшем хаосе, о том дне, когда он одновременно лишился дома и самого близкого человека, когда на лице девушки, с которой он тогда жил, открылся третий

глаз – выпученный, набухший, желтый, весь в сплетении сосудов, как он горел, а потом открылся четвертый глаз, пятый, как она, как же ее звали, Жастин, Лина, Кэйтлин, нет, как она превратилась в беспорядочный сгусток глаз и волос, Анника, конечно, Анника, и завывала, и потом стала расти, бугриться, заполняя собой коридор и всё пространство их уютной однушки во Фридрихсхайне... Как он, обезумев, вылетел на улицу, как вокруг рушились дома и кричали, о, как кричали, и рычали, и визжали, и свистели, и как он несколько дней скитался по улицам залитого адом города, потерявший разум, голый, голодный, раненый, пока в какой-то момент в привычной уже какофонии он услышал ровный холодный голос Хозяина:

– **Арк.**

V.

– **Арк.**

Это уже не было частью кошмара. Хозяин звучал наяву, как всегда бесстрастно и четко.

– **Арк. Сфокусируйся. Слушай меня.**

Безумие отступало. В мареве мозга Арка мелькнул всполох разума.

– **Успокойся. Приди в себя. Вспомни.**

Волна облегчения нахлынула на Арка.

– **Успокойся. Слушай. Слушай.**

– Эй, парень!

Этот голос был совсем другим – хриплым, надрывным, человеческим. Арк оглянулся и увидел, как из дома, у подъезда которого он скорчился на земле, из окна на третьем этаже машет рука.

– Вставай! Быстрее!

Дверь в подъезд оживилась дребезгом домофона, Арк вскочил на ноги, подхватил Кармана, подобрал упавший боевой жезл, налетел плечом на тяжеленную дверь и провалился внутрь, в темноту и тишину. Дома были безопасны – безопаснее улицы. Накопившие колдовство камни и кирпичи экранировали, защищали от внешнего вмешательства. За закрывшейся дверью снаружи слышалась какая-то возня. Мигнув, зажегся свет, и наверху раздались шаги.

– Поднимайся, парень! Всё в порядке.

Арк вскарабкался на третий этаж по широкой лестнице, держа пистолет в руке. Дверь в одну из квартир была приоткрыта. Арк шагнул внутрь и попал в джунгли. Закрашено и разрисовано было всё: стены, потолок, мебель. Яркие, широкие зеленые мазки изображали листья и лианы. Они вились по коридору в сторону кухни.

– Давай! – крикнул тот же голос. – Не разувайся, так ходи.

Арк вошел в кухню. Джунгли без предупреждения переходили в радугу, а та – в гигантский, на всю стену, пацифик. Кухня не страдала избытком мебели, зато была

переполнена банками с краской, мольбертами и всевозможными рисовальными принадлежностями.

– Привет! – спасительный громоподобный голос подходил своему обладателю идеально. Здоровенный, мощный мужик лет шестидесяти, в шерстяном свитере и размалеванном халате, из которого пучками торчали кисти. На голове у него была бандана, а глаза скрывались за темными очками. Нос и щеки были малиновыми, а последние еще и покрыты белой щетиной.

– Йорг, – протянул он огромную мозолистую ладонь.

– Арк.

Рукопожатие у Йорга было стальное, напоминающее пресс для машин на свалке. Затем Йорг присел на корточки и совершенно серьезно протянул руку и собаке. Песик неуверенно дал лапу.

– Это Карман, – сказал Арк.

– Хорошо, углядел вас, – Йорг выпрямился во весь рост. – Почти што вас тойфели сожрали.

– Спасибо. Мы бы там пропали.

– Пустяк! Мелочи. Чаю, што ли?

Говорил Йорг по-немецки, да еще и на страшном местечковом говоре. Арк понимал его исключительно благодаря помощи Хозяина. Немецкий он учил еще в школе, до Смещения, но даже живя в Берлине, пользовался в основном английским. Подобрал Арка на улице, Хозяин научил его понимать любой язык и говорить на нем через подсознание, колдовским методом. Это было не совсем заклинание, скорее, умение, вроде горлового пения. Мысли формулировались в понятные слова, а рот произносил их на нужном языке как бы опосредованно. На прием это работало так же, но наоборот. Арк не до конца понимал, как это происходит, но в Берлине это было довольно частым явлением. Должны же быть какие-то преимущества у колдовского апокалипсиса, правда?

От чая Арк не отказался, и Йорг сдвинул в сторону один из мольбертов, за которым оказался небольшой столик с электрическим чайником. Откуда-то взялись и стеклянные чашки, многое повидавшие, но чистые. Карман получил блюдце воды и принялся шумно лакать.

– Ты куда направлялся, пока тебя Тараск не зацепил? – грохотнул Йорг. – Во Фридрих, што ли?

– Ну да, к Осткройцу.

– К Осткройцу? А там чего? Там сейчас неспокойно. Темные дела идут.

– В смысле?

– Не слыхал, што ли? Тамошний колдун решил с Музейным островом воевать. Темные дела.

Музейный остров находился в центре Берлина и был настоящим островом на Шпрее. Представлял он собой довольно большой комплекс из старинных дворцов

и огромного кафедрального собора, Берлинер Дома. Владели островом Лихтенхерцы, целая семья колдунов, совокупно, наверное, самых могущественных в Берлине, а то и в Германии. Если не считать Александра, конечно. Лихтенхерцы занимали три места из одиннадцати в Совете Города и, без сомнения, находились на самом верху любого списка опасных и влиятельных противников в Берлине. Иммануил считался их преданным вассалом. Хозяин всегда ненавидел Лихтенхерцев по собственным, хозяйским мотивам, но до открытой войны дело пока не доходило.

– Слыхал я, што Нигош Поезд заминировал, и тот рванул аккурат после Хаккешер-Маркта, – продолжил Йорг. – Мост к острову повредил.

В это было трудно поверить. Закона как такового в Берлине не было, но некоторые места были объявлены нейтральной зоной, и нейтралитет этот поддерживался всеми. В числе таких мест была центральная железная дорога, проходившая по городу с востока на запад, которую звали просто Поезд. Любое нарушение мира в поездах или на станциях считалось одним из сильнейших преступлений в Берлине и каралось Советом Города неукоснительно. Кроме того, на поезда и сами пути было наложено такое количество защитных заклинаний, что вмешательство в их работу казалось попросту невозможным. Ситуация с взорвавшейся в Поезде бомбой была чем-то неслыханным. Впрочем, если кто-то и мог проверить подобное, то только Хозяин. Арку стало обидно, что он ничего не знал об этом плане. «Наверняка всё дали делать Клаусу, – подумал он, – а меня шпионить за мелкой сошкой послали». Проглотив эмоцию, он спросил:

– А это точно был Нигош? Мало ли кто...

– Да откуда ж мне знать? Я слыхал – я сказал, – рассмеялся Йорг. – Ко мне много кто ходит: и торговцы с Фридриха, и с Мауэрпарка, и с Александрплатц. Всякое говорят.

Чай закипел, и Йорг аккуратно разлил мутно-зеленую жидкость по чашкам. Она обжигала нёбо и быстро ухала в желудок. В животе у Арка заурчало. Он не ел уже около суток.

VI.

Йорг понимающе усмехнулся, достал из небольшого шкафа, оказавшегося мини-холодильником, красное свежее яблоко и кинул его гостю. Арк немедленно в него впился.

– Так какие у тебя дела в Осткройце? – спросил Йорг.

Арк на секунду задумался, маскируя это повышенным интересом к яблоку. Нужно было что-то соврать, но складно и не обижая спасшего его человека.

– Я работаю курьером, – наконец ответил он. – На своего отца. Возвращаюсь со сложной доставки в Гезундбруннен.

– Дело, – одобрил Йорг.

– А ты? Чем ты тут живешь, на границе жилой зоны? Я был уверен, что все эти дома пустые.

– Спокойно тут, – сказал Йорг. – Тихо обычно бывает. А так я художник, – Йорг сделал энергичный глоток чая. – Как видишь, рисую. Иногда што сам придумую, иногда што из окна увижу. Завтра вот, наверное, тебя нарисую, песика твоего тоже, Тараска точно нарисую. Всю жизнь тут живу, и рисую тоже почти всю жизнь, задолго до Смещения, как видишь, – Йорг обвел широким жестом свою кухню. На стенах действительно висели картины, некоторые преотвратно изображали прежнюю жизнь. Большая часть из них неизменно содержала женские тела в разной степени обнажения, из-за чего вся кухня пестрила розовым.

– Я тут в самом деле родился, – продолжил Йорг. – Так и живу. И уж помру тут, наверное.

Арк кивнул и смутился, поняв двусмысленность жеста.

Йорг расхохотался и добавил:

– Мне слишком редко удается с кем-то поговорить, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Арк тоже неловко засмеялся и вдруг понял, как давно это не делал. Он тоже в последнее время общался в основном с Карманом. Собеседником тот был отличным, но вот чувства юмора ему не хватало.

Все помолчали, каждый о своем.

– Мне нужно идти, на самом деле, – наконец сказал Арк. – Отец ждет. Огромное спасибо. И за то, что спас, и за яблоко. Я могу заплатить.

– Денег не надо, – махнул рукой Йорг. – Спас я тебя за так, за удовольствие человеческого общения. А вот за яблоко, если хочешь, можешь подарить мне што-то красивое. Я это тоже нарисую.

Арк усмехнулся и стал копаться в рюкзаке. Благодаря Карману тот был не очень полон и действительно скорее напоминал рюкзак курьера, нежели бездомного. В нем были одежда, баллончики с краской и трафареты для нанесения хакерского граффити, пара банок консервов на всякий случай, карманный нож и прочая мелочевка. Всё оружие было надежно спрятано в собаку. Наконец, вспомнив о чём-то, Арк полез в боковой карман и достал оттуда каштан, подобранный два-три дня назад, крупный, налитый цветом. Он чуть подсох, но всё еще хранил глубокий, сложный коричневый узор, за который и был подобран.

Йорг благодарно принял подарок. Они пожали друг другу руки, и Арк с Карманом начали спускаться по лестнице. Дверь в гостеприимную квартиру за ними закрылась, но щелчка замка Арк не услышал.

Человек с собакой осторожно вышли на улицу. Тараск оставил за собой оплавленный асфальт, обуглившуюся растительность и слизистые следы. Открытые им порталы давно захлопнулись, и кто знал, что еще могло успеть из них вылезти на улицы многострадального города, но ничего опасного видно не было.

«По крайней мере, можно предположить, что погоня Иммануила сбилась со следа», – решил Арк, и они с собакой пошли дальше.

VII.

Карл-Маркс-аллее была рекой бурлящей гнили. Запах от нее чувствовался издали – острый, нашатырный, проникающий в нос, как раскаленный щуп. Арк достал из рюкзака маску для себя и бандану для собаки, завязал Карману рот и нос. Карман был недоволен, но претерпел издевательство стоически. Пересекать Реку Гнили было опасно, и в другой день Арк сделал бы крюк до Александрплатц, но он переживал за Хозяина из-за новостей, рассказанных Йоргом. Слухи есть слухи, разносятся они быстро и могут дойти до опасных людей.

Они прошлись вдоль вьезшегося глубоко в землю потока неизвестной жидкости, пока не нашли нечто похожее на мост. Одна из башен, стоявших по углам площади Франкфуртер Тор, была повалена таким образом, что пересекала реку и была полуутоплена в гнили. Колдовская сила, накопленная в камнях башни, хранила ее от полного разложения, но было видно, как зловонная субстанция постепенно окрашивает камни в гнойно-землистый цвет. Арк широко расстегнул рюкзак, посадил туда Кармана и поднял обратно на спину. Собака вцепилась когтями Арку в шею, и ее мохнатая мордочка высунулась из-за его правого плеча. Не глядя открыв Пасть, Арк достал оттуда жезл, сотворил перед собой гравитационное поле и вспрыгнул на него. Поле подкинуло его, как персонажа компьютерной игры, он шмякнулся о стену поваленной башни и вцепился в торчавший наружу кусок арматуры обеими руками, чуть не потеряв жезл. Подтянулся, залез наверх, перепрыгнул через пару опасных щелей, пробежался, прыгнул, еще раз подтянулся и оказался на верхнем ребре башни. Мост был неудобным, но выглядел ровным и надежным. Арк быстро пошел по нему, стараясь не смотреть вниз. Мерзкая жижа угрожающе хлюпала. Арк вспомнил, как кто-то ему рассказывал, что Река Гнили обладает собственным разумом, что она – живое и крайне злобное существо, которое якобы проводит длительные беседы с Александром, колдуном Александрплатц. Кто-то еще говорил, что Александр сам сотворил Реку Гнили, чтобы люди чаще ходили через его площадь. Последнее точно было неправдой.

Арк добежал до конца моста. Тот чуть-чуть не доходил до края реки, и между ним и тротуаром оставалось метра четыре. Арк создал еще несколько гравитационных полей и, словно по серии батутов, перелетел на ту сторону, с силой врубившись в асфальт. Карман напуганно урчал у него за спиной, но Арк уже встал на ноги. Как он надеялся, самая опасная часть путешествия была закончена. Между ними и Осткройцем оставался лишь Фридрихсхайн, такой знакомый и любимый, один из немногих «свободных» районов, не разделенных между собой высшими силами.

Да, там жила пара человек, называвших себя великими колдунами, но, по стечению обстоятельств, ни один из них не был достаточно силен, чтобы захватить власть во

всём районе, оставляя Фридрихсхайн довольно крупной территорией без хозяина. Кроме того, этот район был неплохо защищен: с севера – Рекой Гнили, с юга – железной дорогой и рекой Шпрее, а с запада – Александрплатц. В результате туда собрались беглецы и отщепенцы, слишком слабые, чтобы дать какой-либо отпор высшим силам, и превратили Фридрихсхайн во что-то среднее между кварталом художников и лагерем беженцев. Арк любил Фридрих – он жил тут со своей девушкой до Смещения и часто ночевал на его улицах после, во многом из-за близости к Осткройцу и общей дружелюбности его обитателей. Тут же жили люди, которые были ближе всего к тому, чтобы называться друзьями Арка. Тут всегда можно было найти вкусную еду, узнать последние новости и в целом расслабиться. Арк еще немного прошел по Данцигер-штрассе, а затем свернул на восток и зашел в жилой район. Уже было часов восемь утра, поэтому некоторые магазины и кафе лениво открывались, и Арк смог кивнуть паре знакомых. Те не ответили. Смутившись, Арк ускорил шаг. Видно, что-то из рассказанного Йоргом было верным. Люди провожали его взглядами, кто-то опасливыми, а кто-то сочувственными.

VIII.

Путь до Осткройца занял еще минут двадцать пять. Арк остановился лишь в любимой булочной, потому что сытости от йорговского яблока хватило ненадолго. Тереза и Лана, две хозяйки, встретили его, как всегда, радушно, но в их глазах читалась тревога. Арк попросил бутерброд с сыром, который варили тут же, за углом, и чашку кофе. Покопавшись в рюкзаке, он выудил оттуда старую брошку. – Вот, нашел вчера в заброшенном доме, – сказал он. – Тут, наверное, на месяц хватит.

Прежние ценности после Смещения потеряли старый смысл. Но неожиданно приобрели новый: оказалось, что колдовскую силу накапливают не только дома, но и некоторые предметы, которые их прежние владельцы сильно любили. Обручальные кольца, детские игрушки, подарки супругов и медали за первые места в давно забытых соревнованиях лучились энергией и жизнью. Такие предметы быстро стали разменной монетой и получили собирательное название «добро». Йорг, к примеру, очень любил рисовать, и его картины имели сентиментальную ценность, хоть и не имели художественной. То, что он считал красивым, насыщалось колдовством, становилось могущественным. Затем он менял эти картины на еду и прочие нужды. Многие люди промышляли чем-то подобным. Антиквариат, старинные предметы, древние артефакты накапливали еще больше силы и оценивались еще выше. Их поиском занимались бесстрашные люди, и это был большой промысел на Александрплатц и в некоторых других районах города.

– Недели на три, – извиняющимся тоном сказала Тереза, присмотревшись к брошке. Оценить силу предмета мог каждый, а дальше начиналась торговля. – Да и то не каждый день.

Арк кивнул и протянул брошку хозяйке. Кофе уже налили в его походную кружку, и эмаль приятно обжигала пальцы. Ел и пил Арк на ходу, не глядя поворачивая в знакомые переулки, пока перед ним не предстала вся громада Осткройца.

До Смещения Осткройц был крупной пересадочной станцией городского поезда, название которой буквально означало «Восточный крест». Здесь пересаживались с кольцевой на пучок линий, проходивших сквозь город с востока на запад. Сейчас же Осткройц продолжил быть станцией, но она, благодаря железнодорожному нейтралитету, превратилась в отдельный квартал. Две широкие перекрещенные платформы, одна над другой, что и дало станции название, были заполнены пестрыми палатками и сбитыми на скорую руку сараями. Свободными были только узкие проходы вдоль путей. Но Арку не нужно было внутрь. Перебежав железную дорогу по навесному мосту, он повернулся и впервые за долгое время увидел ее во весь рост – Черную Башню Осткройца.

Когда-то это была обслуживающая проходившие поезда водяная башня. Форму башни иначе, чем фаллической, назвать было трудно. Ровный, облицованный черной плиткой столб метров сорок в обхвате интригующе возвышался над железнодорожным полотном, а его навершие напоминало, чтобы не скатываться исключительно в анатомические аналогии, пикельхельм – шлем немецкого генерала начала XX века. Усиливая сходство с шлемом, увенчивал его короткий хищный шпиль. До Смещения башня казалась забавной, была объектом насмешек. Но после того, как ее занял Нигош, смех прекратился. Башня слегка преобразилась: черная плитка приобрела особенный, поглощающий цвет оттенок, а шпиль еще больше заострился и, если верить досужим слухам, иногда был окрашен рубиновой кровью. Сама Башня, казалось, выросла и абсолютно доминировала над окружающим пейзажем. На нее никогда не садились птицы, и на восходе она источала еле заметное зеленое свечение. Именно туда шел Арк. Он привычно сбежал с моста, перелез через несколько ограждений и взобрался на небольшой, но пологий холм, на котором стояла Башня. Входа как такового у нее не было. Арк в последний раз оглянулся по сторонам в поисках погони, приложил к холодной черной стене руку и послал мысленный сигнал. Башня поглотила их с Карманом. По ее матовой поверхности прошло что-то вроде еле заметной ряби, но всё быстро стихло.

IX.

Внутри Башня была больше, чем снаружи, но всё еще оставалась башней, то есть более высокой, чем широкой. Колдуны часто увеличивали или вообще полностью меняли внутреннее пространство своих жилищ: в конце концов, жить в церкви или

в телебашне не так уж удобно. Изнутри Башня Остройца была... чужой. Словно Хозяин, вернувшись из странствий, прихватил кусок Изнанки с собой. Возможно, так и случилось. По ту сторону черной стены не было ни наружного лоска, ни строгости форм. Всё казалось *не таким*. Стены цвета болота и жженой карамели были покрыты чем-то, напоминающим слюну. На них виднелись волдыри, бубоны и фистулы, как на коже при смертельной болезни. Некоторые из них достигали огромных размеров и заменяли мебель. Башня изнутри напоминала гниющий труп кашалота, который кто-то шулки ради установил на хвост. Кроме того, в ней была проблема с гравитацией: со стен часто капало горизонтально на другие стены, и нельзя было ничего куда положить: всё моментально укатывалось, падало и кривилось.

Пол был мягким, но не приятно пружинящим, а чуть-чуть липким. Везде несильно пахло мертвой рыбой. Находиться внутри Башни было неприятно, поэтому Арк предпочитал, закончив свои дневные обязанности, спать на улице. Карман также не любил Башню.

– **Арк**, – раздался голос Хозяина, и стало полегче. Запах рыбы исчез, пол перестал липнуть к ногам. Хозяин позволял смириться с любым неудобством Башни.

Арк вошел в специальную трубу, напоминающую полупрозрачную кишку, и та всосала его на самый верх, в личные покои Нигоша. Тот явно был в плохом настроении – окружавшая его тьма клочьями расходилась на полкомнаты, а откуда-то изнутри него на стену напротив, чуть минуя Арка, капала слизь. Арк никогда не задумывался, был ли его Хозяин когда-нибудь человеком и как он стал тем, что являл собой сейчас. Арк любил Хозяина и был благодарен ему за спасение жизни и разума, и эти чувства пересиливали ростки скепсиса и любопытства, которые когда-либо распускались в его душе, и пресекали любые попытки разузнать побольше о природе существа, зависшего в воздухе перед ним. Это просто не было достаточно значимым.

– **Клаус умер**, – сказал Хозяин. Голос его был скрипучим и кашляющим. Когда Арк его слышал, ему представлялись скрюченные голые ветки высыхающего дерева.

– Его убили Лихтенгерцы? Иммануил?

– **Я... не знаю**, – ответил Хозяин. Даже в его голосе отчетливо слышались неуверенность и разочарование. – **Он взорвался на Поезде**.

– Но не по Твоему приказу?

– **Нет. Я не знаю, почему он там оказался. Я этого не чувствовал**.

Клаус был, так сказать, «коллегой» Арка: чем-то большим, чем миньон, но меньшим, чем полноценный ученик. Ни тех, ни других у Хозяина не было, только Арк, Клаус и Юджин. Но сомневаться в верности любого из них было странным.

– **Что у Иммануила?** – сменил тему Нигош.

Арк сжато пересказал события последних пяти дней. Услышав об убийстве Бартоломью, Хозяин легонько завибрировал. Это означало смех.

– Когда начнется настоящая война, любое ослабление этого напыщенного кретина пойдет только на пользу.

– Война, Хозяин?

– Нас уже окружили. Мы... мы опоздали. Иммануил – я думал, он ключ ко всему...

– Что мы будем делать?

– Воевать. До конца. Какие-то элементы уже заложены.

– Я с тобой, Хозяин.

– Я знаю, Арк. Клаус умер, Юджин исчез, возможно, сбежал, но ты мне верен. Хорошо, что ты убил ученика Иммануила. Нам пора заявить о тебе погромче. Он будет не последним.

– Не последним, – эхом отозвался Арк. Его распирали ярость, желание вцепиться врагам в горло, желание отомстить.

– Отдохни, Арк. Поспи. Копи силы. Скоро всё начнется.

Х.

Башня чуть заметно вибрировала от переполнявшей ее колдовской силы. Арк спустился на второй этаж, который служил хранилищем артефактов. Положил на место боевые жезлы, трафарет с рунами, краску. Сел рядом на гигантский бубон с полупрозрачным гноем, торчащий из пола. Бубон был мягкий, как мяч для фитнеса. Так, сидя, Арк и задремал. Карман свился калачиком у его ног. Сны были беспокойные, темные, как всегда в Башне. Арк видел в них смерть Хозяина, видел, как Башня рушится и как она ракетой летит сквозь неясные Изнанки в пространстве без воздуха и без духа. Видел кровь, каменную крошку, желеобразные тучные массы, видел Аннику, у которой вырастают глаза, видел бампер синей машины и не мог рассмотреть ее номер. Проснулся он за секунду до того, как всё началось, из-за надрывистого лая Кармана.

Башня тряслась, от основания до острого шпиля. Это было не обычное ее легкое подрагивание в моменты, когда Хозяин колдовал. Она тряслась, будто ее раскачивал великан, будто Тараск врезался в нее всей огромной тушей, еще и еще. Появился Хозяин. Он вдруг показался маленьким, а его обычная темнота – тусклой и мутной.

– Арк, – сказал он, – началось. Они... Иммануил, он в этом замешан. Ты должен...

Вспыхнул ослепительный свет, не давая Хозяину закончить, словно в Башне зажглось собственное небольшое солнце. Арк почувствовал страшное давление изнутри и снаружи, его кидало в стороны, словно его вывернули наизнанку и швырнули в стиральную машину на полных оборотах, как старый носок без пары. Всё несколько раз перевернулось, во рту возник нестерпимый вкус ржавого металла, дико заболело горло. А потом Башня пропала. Исчезла, как будто ее и не

было, и Арк с Карманом оказались зависшими в воздухе на уровне второго этажа. Непонятно откуда взвился костоломный ветер, и они упали на землю. Песик взвизгнул, и Арк пресильно ударился бедром о выступающий камень. Вначале было очень тихо, а потом вернулись крики.

Арк, с трудом соображая, попытался быстро встать на ноги. Его шатало, как при хорошей качке. Крики становились громче, затуманенным зрением он углядел вдалеке несколько человеческих фигур. Все бежали в его сторону. Он поглядел туда, где только минуту назад стояла Башня, и сложился пополам. Его сильно вырвало, а потом чуть полегчало. Достаточно для того, чтобы начать соображать. Это была атака, атака врагов Нигоша, а пленных они не берут. По всему выходило, что нужно бежать. Арк вытер рукавом губы и присел на корточки около Кармана. Песику было совсем худо, он лежал на боку с закрытыми глазами, веки его подрагивали. Арк открыл Пасть, достал оттуда револьвер. У него оставалось пять пуль. Запас амуниции исчез вместе с Башней, как и рюкзак, и прочее снаряжение. Арк сгреб Кармана в охапку, поднялся и, припадая на ногу, побежал в сторону атакующих. Они уже были на подходе: семь или восемь фигур окружали его с разных сторон. Часть из них носила балахоны Иммануила, часть была хундескопфами – псоглавыми миньонами Лихтенхерцев.

Арк бежал в сторону входа на станцию Осткройц – это было его единственным спасением. Нейтралитет станции был свят, и там никто не причинил бы ему вреда. Там можно было перевести дух. На пути у него было только старое шоссе, разделяющее станцию и холм с Башней. И враги – четыре псоглавца и иммануиловский миньон – приближались к нему с той стороны, остальные пошли в обход. Холм и шоссе были заряжены ловушками Хозяина, и Арк был готов поклясться, что противники несколько раз в них наступили, но никакого эффекта это не дало. Значит, магия Хозяина каким-то образом сбоит. Но пару из этих ловушек ставил Юджин – оставалось только вспомнить, какие.

Арк сунул пистолет в задний карман своих брюк карго, огляделся, поднял из аккуратной стопки камней у бывшего основания Башни один, размером с кулак, и швырнул его в сторону врагов. Камень не попал ни в одного из них, чуть отскочил от земли и врезался в полусгнившую шину ржавевшего на шоссе автомобиля. Псоглавцы не обратили на камень никакого внимания. Их хищные оскаленные морды были направлены на Арка. Все они были немецкими овчарками. У одного из них капала слюна. Миньон-человек опасливо отошел от камня в сторону. «Он уже знает, что случилось с его друзьями сегодня утром, – с юношеским восторгом подумал Арк. – Он меня боится. И другим пора!»

Арк вынул пистолет и быстро, почти не целясь, выстрелил четыре раза. Две пули полетели в сторону ближайших хундескопфов, беспомощно смялись об их защиту и срикошетили в стороны. Третья пуля оставила дыру в старой машине. Четвертая попала в камень. Арк был к этому готов и зажмурился. Остальные готовы не были.

Камень раскрылся, как цветок, и из него хлынул свет. Юджин был большим фанатом световых эффектов, и они с Хозяином потратили много времени, лазая по Изнанкам за интересными их вариантами. Одна из них была заполнена светом, получившим название «ползучий»: он тек, как вода, заполняя все выемки и пространства, он проскальзывал тебе в глаза, даже если ты стоял спиной к его источнику. Из нестабильного портала в эту Изнанку получалась отличная световая граната, которую можно было активировать сильным ударом. Юджин отлично разбирался в Изнанках, но силу удара камня об асфальт не рассчитал, и для детонации пришлось стрелять. Человеческие глаза и мозги не были готовы к такому свету, и, как оказалось, собачьи тоже: псоглавцы взвыли, некоторые из них покатались по земле, пытаясь выцарапать свет из своих глазных яблок. Но Арк ничего этого не видел, он, спотыкаясь и чудом не падая, неся вслепую к входу на станцию, наткнулся на камни и машины, лавировал и старался не обращать внимания на крики вокруг него. Наткнулся на что-то мягкое, в нос ударило псиной. Арк с силой оттолкнул псоглавца и продолжил бег. «Главное – не запутаться», – думал он, пока, наконец, не ударился всем телом о решетчатый забор. Держась рукой, побежал вдоль него ко входу, и когда рука нащупала пустоту, рванул туда что есть силы. Споткнулся, упал, развернулся в воздухе, стараясь не придавить Кармана, снова вскочил, пробежал еще каких-то метров пятнадцать и буквально ввалился на станцию, падая на колени. Ползучий свет уже почти рассеялся, и Арк открыл глаза: он смог. Вокруг него толпились ошарашенные полуслепые люди, которых задело ползучим светом по касательной. Арк аккуратно опустил собаку на асфальт, закрыл лицо руками и разрыдался.

XI.

Шок, боль, беспомощность – всё это навалилось на Арка одновременно. Он вдруг очень явственно почувствовал исчезновение Хозяина, его небытие в глубоком месте души Арка, которое Хозяин занимал, как казалось, всегда. Эта потеря ощущалась резко, словно из легких Арка выкачали весь воздух и он тщетно пытается вдохнуть.

Люди на станции уже вернулись к своим делам. Они аккуратно обходили стоящего на коленях человека с собакой. Всё это не было для них ни новым, ни интересным. Наконец Карман открыл глаза, осторожно встал, хромая, подошел поближе к хозяину и лизнул его безвольную руку. Это помогло. Арк немного пришел в себя – достаточно для того, чтобы его мозг начал анализировать ситуацию, а ладонь нежно стала трепать собаку за ухом. Всё это слегка отвлекало от чувств опустошенности и лишения.

«Во-первых, что произошло? – начал думать он. – Башня с Нигошем исчезли, и его магия перестала действовать. Это значит, что Нигоша либо убили, либо, скорее всего, куда-то переместили, в недоступное место, откуда он не может напрямую

влиять на происходящее. Во-вторых, как они это сделали? Пока не ясно. В-третьих, какие у нас цели на данный момент? Найти, вернуть Хозяина. Больше ему всё равно надеяться не на кого. Клаус мертв, а Юджин, похоже, тоже пропал. Интересно. В-четвертых, какая у нас ситуация в данный момент? Плачевная. Мы оба ранены. Магических ресурсов нет, исчезли вместе с Башней, как и рюкзак. В револьвере остался один боевой патрон. Осталось ли в Пасти что-то ценное? Да, но не очень много. Нужно где-то спать и что-то есть. Нужна защита, ведь за нами, очевидно, охотятся. Нужно найти безопасное место. Оставаться жить на Осткройце или в любой другой нейтральной зоне, вроде Александрплатц или Цоо, можно, но это недешево. Можно, подобно Йоргу, поселиться в заброшенном доме, спрятаться там на время. Кто-нибудь приютит нас и во Фридрихе, на крайний случай. Оба эти варианта весьма небезопасны и не спасают от противников. Можно совсем убежать из Берлина, но это равносильно самоубийству – вне защиты больших городов жизнь крайне коротка и неприятна. Можно пойти в услужение к другому великому колдуну, с секретами Нигоша меня, скорее всего, возьмут, – от этой мысли у Арка скопилась во рту желчь. – Нет уж. Существует еще всего один вариант. В данный момент он кажется маловыполнимым, но в долгосрочной перспективе он – чуть ли не единственно возможный.

Сражаться. И победить.

Но сперва нужно вылечить собаку».

Глава 2. Старые вещи

XII.

На Острокройце, как и на любой большой станции, были свои врачи, но Арк предпочитал знакомых, особенно в такой ситуации. Подождав Поезд, следующий на запад, он в последний раз огляделся и зашел внутрь. За ним вроде бы никто не следовал – слишком мелкая сошка, чтобы рисковать нарушить из-за него железнодорожный нейтралитет. Поезд был почти пустым. Длинная, кажущаяся живой колбаса из металла и стекла, обвешанная защитными оберегами и щитами, разрисованная рунами. Концентрация магической энергии в вагоне мешала сосредоточиться. То, что кто-то сумел здесь что-то взорвать, казалось невозможным.

Поезд медленно отошел от станции, и Арк посмотрел в окно – туда, где еще двадцать минут назад стояла Башня. На холме уже собралась толпа. Были там и хундескопфы, и иммануиловцы, и другие. Поезд набрал скорость. Арк помахал им рукой, но его, впрочем, никто не заметил. Арк аккуратно положил Кармана на сиденье рядом с собой, нежно погладил его по шерстке. Песик тяжело дышал. Арк телепатически потянулся к нему, ощутил его боль, взял часть на себя. На глаза его снова навернулись слезы.

До Александрплатц Поезд ехал минут пятнадцать. Это был целый город внутри города, одна из самых больших зон Берлина. Александр, помимо самой площади, захватил еще несколько рядов близстоящих многоэтажек, и население зоны даже по самым скромным меркам составляло около двадцати тысяч человек. Почти в самом центре резко входила в облака телебашня, и на ее верху, в зеркальном шаре с длинным шпилем, жил сам Александр. Он милостиво гарантировал всем жителям Алекса защиту и спокойное проживание и очень редко вмешивался в дела, творящиеся на земле. Управляли ежедневными делами площади несколько специально нанятых им людей. Александр был мудрым и спокойным правителем и невероятно могущественным колдуном.

Поезд поехал дальше, через центр и Рошу в сторону Цоо, а Арк вышел со станции с собакой на руках. Площадь была полна народа. Люди торговали, колдовали, готовили еду, обменивались сплетнями. Повсюду стояли и играли музыканты, звуки их инструментов смешивались в веселую какофонию. Арк протиснулся через хлопающих и подпевающих зевак и быстрым шагом зашел в один из стоящих по центру домов, который когда-то был многоэтажным магазином электроники. Теперь электроника работала очень выборочно, и большинство товаров потеряли всякий смысл, а остальные растащили. Магазин был переоборудован в подобие больницы. Повсюду стояли лежанки и раскладушки, кое-где просто на полу валялись матрасы. Было пусто, но в здании всё равно пахло болезнью и потом.

Оксана, невысокая коренастая женщина лет пятидесяти, с молодежью лицом и длинными светлыми волосами, причесанными в тугий конский хвост, сидела в дальнем углу второго этажа и вязала крючком. Издалека завидела Арка, отложила пряжу, встала ему навстречу, улыбнулась. Оксана, врач, прекрасный специалист, была одной из немногих знакомых Арка еще до Смещения. Она приходилась какой-то дальней родственницей его отцу и помогала юноше, когда тот только переехал на стажировку в Берлин. Теперь она была одной из самых уважаемых и любимых людей на Александрплатц, а то и во всём городе. Говорили, что она колдунья необычайной силы, способная потягаться с самим Александром, но это была чепуха. Она просто была очень способна, как в колдовстве, так и в лечении людей, и обладала удивительным даром ставить больных на ноги, не прибегая к помощи сложных приборов и редких препаратов, что после Смещения было особенно важным качеством.

– Аркаша! Что с тобой? – ее взгляд сразу стал серьезным, как только она заметила, что Арк хромает.

– Я в порядке, посмотри Кармана, пожалуйста. Я знаю, что ты людей...

– Клади на стол, – ни секунды не сомневаясь, сказала она.

Стол был не медицинским, обычным письменным, и Оксане пришлось сесть на стул, чтобы внимательно осмотреть лежащую собаку. Посмотрела в полузакрытые глаза, чуть нагнулась и внимательно прислушалась к дыханию. Наконец очень осторожно положила на песика руку.

– Он упал, – сказал Арк торопливо, – с высоты где-то метра три, на камни.

– Ему повезло, он мог умереть. Всё еще может...

Сердце Арка болезненно сжалось.

– Ты его спасешь?

Оксана посмотрела на него. Небольшая, смешная в своем свитере, бабушкиных очках и с вязанием, она могла казаться милой и мягкой тетенькой, но Арк знал, что внутри у нее – сталь.

– Да, – спокойно ответила она. – Я никогда не лечила собак, но тут тонкой работы нет, нужно просто много силы.

– Я готов заплатить.

Арка, ни секунды не колеблясь, открыл Пасть. Оксана чуть ахнула и посмотрела внутрь с интересом. Он достал всё, что там было: три серебряные ложки, шелковый шарф с вышитым жирафом и старый, разрисованный орнаментом ящик с инструментами. Этого должно было хватить недели на три проживания на Алексее, с питанием и даже с горячей водой.

– Будешь должен, – вздохнула Оксана. – Много. Больше. Это оставь пока себе.

Она покопалась в картонных ящиках на полу, достала жезл из бамбука и три бесформенных крупных куска камня. На них виднелись разноцветные пятна краски.

– Смотри, что на тебя трачу. Это из Стены.

Арк присвистнул. Куски настоящей Берлинской стены невероятно ценились, особенно такие крупные. Почему-то именно эти камни были способны вобрать огромное количество колдовской силы.

Оксана тщательно вымыла руки в раковине неподалеку и положила камни на стол рядом с Карманом. Они образовали неравносторонний треугольник вокруг него.

– Смотри и запоминай, – сказала она и принялась за работу.

В помещении как будто стало темнее. Изнутри собаки, прямо из ее бока, вдруг выросла непроницаемо-черная сфера и чуть увеличилась в размерах, почти поглотив животное целиком.

«Оксана остановила время, – с восхищением понял Арк. – Там, где стоит время, свет тоже не движется, поэтому сфера абсолютно непрозрачна».

Три куса Стены загорелись бело-розовым светом, завибрировали и стали осыпаться серым мертвым песком. Оксана, полностью сосредоточенная, сделала пасс жезлом, и сфера стала тускло сиять, меняя цвета, став слегка похожей на диско-шар. Время в ней пошло вспять. Оксана не лечила, она отменяла повреждения. Когда она закончила, лечить было нечего. Карман радостно поднялся на ноги, завилял хвостом и попытался лизнуть Оксане руку. Та откинулась в изнеможении.

– Спасибо, – потрясенно сказал Арк. Он давно не видел такого сильного колдовства в действии.

– Так, теперь займемся тобой, – чуть сварливо сказала Оксана. Она встала со стула и пошла в подсобное помещение, оказавшееся кухонькой. Там она поставила чайник, достала две чашки, в одну налила заварки, а в другую положила странный марлевый сверток.

– Очищенная кора ивы, – объяснила она Арку. – Дешевая замена аспирина. Тебе немного полегчает.

Пока заваривался чай, Оксана осмотрела его ушибы. Арк, слегка смутившись, снял куртку и брюки карго, остался в белье. Бедро было красивого баклажанового цвета, с кровоподтеками.

– Это просто ушиб, – наконец сказала Оксана. – Будет болеть еще неделю, может, больше. Но серьезного вреда я не вижу. Тебе повезло.

– Очень.

– Пей чай и думай, как будешь отдавать долг за собаку. А пока расскажи, как ты вообще до этого дошел.

Арк кратко пересказал ей события сегодняшнего дня.

Оксана напряженно слушала, не перебивала. Наконец сказала:

– Тебе лучше спрятаться. Хотя бы здесь, на Алексе. С Иммануилом не шутят, не говоря уж об остальных. Затаись на пару месяцев.

– Я не могу. Я должен.

– Я понимаю. Я понимаю, – она поглядела Арку прямо в глаза, долго, словно что-то там выискивая, а потом прошептала: – Как же ты похож на отца...

Арк поморщился.

XIII.

Он вышел из больницы спустя полчаса, отдохнувший, даже будто помолодевший. Аспирин в чае подействовал, и нога болела не так сильно. Карман весело семенил следом. Денег у Арка было меньше, чем ему было нужно, и совсем не было оружия, но нечто ценное всё-таки было: информация. На Александрплатц всегда были люди, готовые за нее заплатить. Одним из таких – хитрых, прижимистых скупщиков всего на свете, от знаний до антиквариата и патронов – был Серб.

Никто не знал, был ли он на самом деле сербом, но прозвище прилипло к нему прочно. Обосновался он неподалеку от здания, где жила Оксана, в старом переходе метро. Вход на станцию был накрепко замурован, но всё равно постоянно охранялся наемниками с угрожающим на вид оружием. Серб каким-то образом договорился с ними, а может, и с самим Александром, чтобы они охраняли и его. Поэтому рядом с его лавкой всегда стояла пара бугаев с боевыми жезлами, что придавало солидности всему бизнесу.

– Аркадий, – улыбнулся Серб, когда Арк спустился по лестнице к нему в переход. – С чем пожаловал? – говорил Серб на хорошем берлинском немецком.

– Ты уже слышал про Башню Осткройца?

Серб кивнул. Смещение сделало невозможными любые виды электронных коммуникаций, от 5G и вплоть до радио, словно ввергнув человечество назад в XVIII век. Связь между городами оказалась прервана, потому что никто не был готов рисковать жизнью, передавая письма. Это был один из самых заметных эффектов воздействия Смещения на физическую реальность. Кроме того, по неясным причинам стали сбоить приборы измерения времени: от секундомеров и до солнечных часов. Солнце стало гораздо менее надежным ориентиром. Но у таких, как Серб, всё еще были свои способы всё узнавать первыми.

– Я могу рассказать, что там точно произошло. Правду, без слухов. Я только что оттуда.

Серб окинул Арка подозрительным взглядом, потом махнул рукой, и дверь сбоку от его прилавка открылась. Арк зашел в тесное помещение, залитое белым неоновым светом. Там стояли несколько табуреток и невысокий письменный стол. Откуда-то справа въехал Серб. На своей электрической инвалидной коляске он подъехал к столу, достал из ящика стола табак и небольшую пожелтевшую от употребления пенковую трубку, спокойно раскурил ее, давая Арку собраться с мыслями. Был Серб отвратителен с виду: Смещение прошлось по нему сильнее, чем по многим другим. Ног у него не было вообще, левая рука полностью заросла шерстью. За правым ухом, когда он поворачивал голову, виднелся третий глаз, обычно

застенчиво полузакрытый. Лицо Серба украшали многочисленные язвы. Тем не менее, несмотря ни на что, человеком Серб был опасным. Он обладал невероятной способностью убеждать и подкупать людей, предлагать ровно то, что им нужно, и просить взамен только то, что те способны отдать. Как хороший игрок в шахматы, Серб мог видеть на несколько ходов вперед и сразу понимал ценность той или иной информации. «До Смещения, – думал Арк, – он мог бы быть невероятным биржевым брокером или финансовым аналитиком». На самом деле Серб просто продавал на Александрплатц сосиски.

– Расскажи-ка, что случилось на Остройце на самом деле, – сказал он.

И Арк рассказал.

– Значит, исчез, не умер? – уточнил Серб. – И Башня просто пропала, не разрушилась? Опиши точнее, что при этом происходило. Ты был внутри? Что ты чувствовал при этом?

– Всё перевернулось, мигало. Меня выворачивало наизнанку. Потом Башни не стало, задул сильный ветер, и я упал вниз.

– А куда дул ветер? В то место, где была Башня, или как бы из нее?

– Как бы внутрь, со всех сторон.

– Очень интересно, – сказал Серб. – Есть шанс, что твой Хозяин жив. Но я не знаю колдовства, способного телепортировать на большое расстояние, особенно такой большой объект. А вот Лихтенхерцы, может быть, и знают. Спасибо за рассказ, Арк. Это ценно. Что тебе за это предложить?

– Мне нужно оружие. И информация.

– Ты пойдешь против Иммануила? Искать Нигоша?

Смысла скрывать это не было, Арк кивнул.

– У меня есть кое-что. Тебе понравится. Только скажи еще вот что: это ты убил сегодня утром Бартоломью, ученика Иммануила?

Арк кивнул еще раз. Серб кивнул в ответ, как китайский болванчик. Глубоко задумался. Наконец улыбнулся.

– У меня для тебя предложение. Слишком хорошее совпадение, чтобы его упускать. Есть работа.

Арк кивнул в третий раз, потом почувствовал себя глупо и спросил:

– Что за работа?

– Дней пять назад пришел ко мне старичок. «Давай меняться, – говорит. – Ты мне – жилье на Александрплатц для меня и жены, пропитание на всю жизнь, безопасность».

Арк взвинул одну бровь. В юношестве он долго учился этому жесту и до сих пор немного им гордился.

– Вот именно, – сказал Серб. – Деньги огромные. «В обмен, – говорит, – я тебе расскажу, где мой склад антиквариата был. Я до Смещения старой мебелью

торговал, картинами, скульптурами всякими. Магазин, конечно, разграбили, а вот склад остался. Никто до него не долез».

– А чего же он сам?..

– Склад в частном доме в Карове.

Арк присвистнул. Это было далеко на север, вне защиты города.

– И ты хочешь, чтобы я туда поехал?

– Не ты один. У меня есть команда антикваров. Отличные ребята. Но они ехать туда меньше чем вчетвером отказываются, уже третий день кого-нибудь подходящего ждем. Привезете мне, что нужно, и я тебя вооружу как следует. Расскажу, как к Иммануилу подобраться. И семь процентов добычи отдам.

Арк быстро посчитал в уме.

– Десять процентов, информация, оружие. А то дальше ждать будешь. А старичок твой это кому-нибудь еще разболтает.

Серб испытующе посмотрел на Арка, потом плюнул в себе в руку и протянул ее парню. Слюна у него была желтоватая, а ладонь заскорузлая, уродливая, но Арк повторил плевков и крепко ее пожал. Такой шанс упускать было нельзя.

– Когда начинаем?

– Сегодня. Пойдем, познакомлю тебя с командой.

XIV.

Серб открыл еще одну дверь и поехал по коридору вглубь станционных катакомб. Глубоко за стеной что-то громко ухало.

– Из тоннеля доносится, – пояснил Серб. – Бесится там иногда. Мы уже привыкли. Арк слегка переживал: антиквары, добытчики досмещенских сокровищ, считались людьми суровыми и крутыми. Коридор закончился т-образным перекрестком. Повернули налево и сразу направо, в открытую дверь. Там была комната побольше, на вид что-то среднее между оружейной и баром. По стенам висели разнообразные артефакты и оружие. На нескольких больших верстаках были разбросаны запчасти и от того, и от другого. В центре располагалось несколько удобных кресел и диванов. В комнате были три человека. Один, бугай под два метра ростом, толстый, будто надутый воздухом мишленовский человечек, целиком занимал самый большой диван. Он запоем читал книгу. Двое других сидели в креслах друг напротив друга и играли в странную игру. Большая доска была разлинована на клетки, и на ней в неясном порядке лежали белые и черные фишки. Одна из играющих была высокой черноволосой женщиной лет тридцати. Лицо у нее было суровое, напряженное, на нем особенно выделялись резкие смоляные брови и хищный нос. Ее партнером был небольшой темнокожий мужчина неясного возраста, в очках. Его тонкие изящные пальцы держали белую фишку, лицо выражало растерянность. «Турок», – поначалу подумал Арк, но приглядевшись, понял, что это скорее индус.

В комнате играл джаз, и на вошедших обратили внимание только тогда, когда Серб кашлянул. Три внимательные пары глаз уставились на Арка. Он оробел еще больше.

– Добро пожаловать в кают-компанию, – поприветствовал вошедших толстяк.

– Нашел вам четвертого, – весело сказал Серб. – Хватит бездельничать.

– А он в курсе, что случилось с предыдущим четвертым? – невинно поинтересовался бугай.

– Mierda! – отчетливо и зло сказала женщина, и Арк увидел, что белая фишка, которую держал в руке индус, оказалась на доске.

– Развлекайтесь, – сказал Серб, и его кресло дало задний ход. – Пшигода, пара часов у вас.

– Разберемся, – буркнул толстяк со странным именем. – Ну что, четвертый, давай знакомиться.

Он отложил книжку и одним движением оказался на ногах. Диван обиженно скрипнул. Карман от неожиданности тьякнул.

– И пятый, – посмотрел на него Пшигода.

Стали знакомиться, неловко, осторожно. Здоровяк оказался чехом. На вид ему было лет тридцать пять. Он работал в Берлине на стройке, когда Смещение перевернуло жизнь вверх дном. Теперь оказалось, что ему пригодилась и его служба в армии. Женщину звали Пилар, она говорила с сильным испанским акцентом. О прошлой жизни рассказывать отказалась. Индус Акхил – он действительно оказался индусом, а не турком – был раньше физиком и работал в университете Гумбольдта. Говорил он на английском без акцента. Акхил больше всех обрадовался тому, что Арк был программистом. Карман обнюхал их всех и признал годными, за что получил кусок вяленого мяса от Пилар. Арк кратко рассказал о своей жизни у Хозяина и об исчезновении последнего. Ни один из собеседников не выказал ни интереса, ни удивления.

XV.

Когда Арк дошел в своем рассказе до убийства Бартоломью, Пшигода горестно цыкнул.

– Иммануил, kurva, такого не оставит, – сказал он и полез куда-то в ящик стола. – И это может нам помешать.

Здоровяк достал потрепанную карту Берлина и его пригородов, испещренную значками и пометками, и разложил на верстаке. Все подошли поближе.

– Вот мы, – палец-сарделька врезался в Александрплатц. – Вот склад, – Пшигода показал на крестик далеко на северо-востоке. Вот тут, – Акхил подал ему пожеванный карандаш, и Пшигода прочертил аккуратную линию, – идут трамвайные пути до деревеньки Хайнерсдорф. Они вполне целые, а у нас есть дрезина. Мы думали поехать по ним. Доедем за полчаса. Оттуда пойдем пешком,

– он прочертил еще одну линию, – Идти нам чуть больше часа. Тут всё забираем, возвращаемся к дрезине. Едем обратно, и мы в домике. Но теперь у нас проблема. Арк кивнул. Первая линия проходила точно посередине зоны Иммануила. Мало того, она проходила прямо под Иммануилкирхе.

– На пути туда мы его спрячем, – сказала Пилар. – Поездка будет пустой.

– Этого хватит?

– Да, – подтвердил индус. – Она отлично экранирует, не хуже маскирующего заклятия.

Пшигода нахмурился, пожевал карандаш еще немного.

– Хорошо, тогда обратно можем так, – он нарисовал на карте еще пару линий. – Здесь свернем и сделаем крюк. Поедем по Грайфсвальдер, это всё еще в его зоне, но на самом краю. Если совсем стемнеет, может, и повезет.

– Это точно будет не самой тяжелой частью пути, – сказала Пилар. – Нам придется тащить добычу на себе уже в сумерках, по незащищенной местности. Переживем это – справимся и с Иммануилом.

– Хорошо, – Пшигода кивнул и посмотрел на стену. Там висели древние часы с кукушкой. Минутная стрелка у них была обломана. – Сейчас где-то полвторого, выступаем через полтора часа. Отдыхайте, ешьте, спите – вернемся только вечером и, возможно, не все.

Арк не боялся опасности, но от этих спокойных слов ему стало не по себе. Остальные же не обратили на них никакого внимания.

Пилар с Акхилом вернулись к игре, Пшигода уткнулся в книгу. Подумав, Арк решил присоединиться к играющим. Пилар раздумывала над своим ходом. Акхил изучающе смотрел на нового антиквара.

– Умеешь играть в го? – наконец спросил он.

Арк отрицательно мотнул головой.

Пилар решительно поставила на доску черную фишку и сняла две белых. Акхил задумался и, казалось, расстроился. Потом поставил свою совершенно в другой конец доски.

– ¡Mierda! – сказала Пилар.

– Го – игра захвата территории, – пояснил Арку индус. – Доска большая, фишек много, варианты игры растут экспоненциально.

– Арк, пожалуйста, достань мне из холодильника бутерброд, – попросила женщина.

– И себе возьми.

Арк понял, как он голоден, с удовольствием выполнил эту просьбу и вернулся смотреть игру. Пилар играла резко, агрессивно. Каждый ее ход был утверждением. Акхил ставил фишки осторожно, словно задавая вопросы. Но, судя по реакциям Пилар, ее ответы были неудовлетворительными. В какой-то момент Акхил перестал ставить фишки. Пилар ткнула еще две, и они стали считать очки. Выиграл

индус. Он начал объяснять Арку правила го, с подробными примерами и долгими отступлениями, но в какой-то момент Пшигода громко захлопнул книгу и объявил:
– Подъем, господа. Время. Акхил, экипируй, пожалуйста, Арка.

XVI.

Арк пошел за индусом в соседнюю комнату, оказавшуюся складом одежды.

– Твоя куртка не подойдет, – сказал Акхил. – Нужно больше защиты.

Он порылся в куче и достал оттуда выцветший и помятый серо-зеленый свитер с высоким горлом. Арк с удивлением обнаружил, что в свитере действительно содержится толика колдовской силы. Надев его, он почувствовал себя лучше и бодрее, словно после спокойного сна.

– Теперь ботинки.

Ботинки у Арка и в самом деле были старые и дырявые. Порывшись, он обнаружил что-то своего размера – тяжелую, но крепкую рабочую обувь со стальными вставками на носках.

– Хотелось бы чего-нибудь полегче, но сойдет, – одобрил выбор Арка Акхил.

Напоследок Арк прихватил небольшой рюкзак взамен утраченного в Башне, переложил в него барахло из карманов куртки, вернулся в кают-компанию и невольно подавился смешком. Более странной компании он еще не видел. Акхил быстро надевал шерстяной костюм-тройку. Ему не хватало только кепи, чтобы сойти за истинного английского джентльмена. На Пилар под тактическим жилетом с десятком карманов красовалось багровое кимоно с желтыми узорами. Но всех перещеголял Пшигода. Его необъятное тело было задрапировано в тяжелую, спадающую до пола бурую монашескую рясу. К чести присутствующих, надо сказать, что все эти наряды давали им заметную колдовскую защиту, особенно одеяние святого отца. Апокалипсис порождал необходимость. Она стирала все анахронизмы. Ряса Пшигоды еле заметно мерцала от заполняющей ее энергии.

– Угадай, кто будет танковать, – подмигнул он.

И Арк вдруг почувствовал всплеск благодарности к этой странно одетой горе мяса и мышц, к этому нелепому телепузику, за то, что тот так запросто бросил сленговое слово, которое никто и никогда больше не будет использовать по назначению. И за то, что на мгновение позволил Арку вспомнить другую жизнь.

– Что с собачкой делаем? – спросила Пилар.

– Он нам пригодится, – сказал Арк. – Он бывалый. Кроме того, куда я – туда и он.

В подтверждение этих слов Карман повил хвостом.

– Ты что умеешь использовать? – деловито спросил Акхил, проверявший и раздававший оружие. – Молнии, щиты, взрывахи?

– Всё это умею.

Пилар довольно хмыкнула. Индус протянул Арку несколько жезлов и взрывах – круглых шаров размером с теннисные, с понятным эффектом, и тот рассовал их по

карманам брюк. Остаток положил в рюкзак. Они оказались не очень сильными, видно было, что заряжал их далеко не великий колдун.

– А тазеры есть?

– Есть. Но нам вряд ли понадобятся.

– На всякий случай. Я привык с ними работать.

Индус пожал плечами и протянул Арку ручку от мясорубки. В ней действительно было заряжено парализующее заклятие.

Все закончили собираться и вышли из кают-компания. Прошли по коридору, поднялись наверх. Там, в крупном гараже, стояло самое уродливое транспортное средство, которое Арку приходилось видеть.

– Девочка моя, – произнес Акхил.

XVII.

Арк не мог оторвать взгляда от франкенштейна автомобилестроения, стоящего перед ним. «Девочка моя» напоминала одновременно фургон переселенцев с Дикого Запада, дрезину начала прошлого века и танк. У нее было несколько комплектов колес, закрытый толстой фанерой кузов, некое подобие облучка и пулеметная башня на крыше. К тому же она вся была адски размалевана, напоминая картины Йорга. Но Арк должен был признать, что, несмотря на малопривлекательный внешний вид, защищена чертова повозка была крепко. Стены кузова действительно экранировали, причем почти так же сильно, как стены домов. Колеса – две пары обычных, от внедорожника или грузовика, и две пары трамвайных – были прикрыты системой заклятий. Пулемет на крыше также выполнял функцию волшебного жезла и был заряжен дюжиной убойных заклинаний. Дрезина заряжалась посредством двух толстенных проводов от специальных розеток.

– Заряда километров на тридцать хватает, если по трамвайным путям, – разъяснил Акхил.

Электричество было еще одной вещью, которая строго охранялась Советом Города. Любые попытки прервать электроснабжение моментально карались. Вырабатывалось оно на электростанции в Вильмерсдорфе, которая снабжала весь Берлин. Управляла электроснабжением Ведьма из Вильмерсдорфа, великая колдунья и член Совета. Как и Поезд, электрическая сеть была залогом жизни города.

Акхил погладил дрезину по кузову и забрался на облучок. Пилар вскарабкалась по приставной лестнице и села в гнездо возле пулемета. Пшигода, Арк и Карман залезли внутрь. Дребезжа и лязгая, колымага тронулась. Управления как такового не существовало, по крайней мере ни руля, ни рычагов не было видно. По-видимому, дрезина подключалась к водителю телепатически, примерно как Арк мог в любой момент открыть Пасть быстрой мысленной командой. Внутри фургона

были приделаны несколько криво сбитых сидений и стоял какой-то дополнительный антикварский инвентарь. На стенах висели петли, чтобы привязывать грузы. Остальное место занимал Пшигода.

– Мы сейчас быстро зону Иммануила проедем – и сможешь вылезти, – сказал он. – А пока сиди тихо и думай положительные мысли.

Дрезина взяла довольно резвый темп. Трамвайные пути позволяли ей катиться без особых препятствий. Там, где они были прерваны, Акхил останавливался, внутри, под полом кузова, происходило какое-то шевеление, повозка вставала на резиновые колеса, объезжала препятствие и возвращалась на трамвайные пути.

Зону Иммануила они проехали за десять минут без особых проблем. Арк смотрел сквозь дырку в фанере на мелькавшие мимо дома. У самой Иммануилкирхе пришлось снова объезжать препятствие, и Арк воспользовался остановкой, чтобы получше рассмотреть это здание. Красивая краснокирпичная церковь не производила такого устрашающего эффекта, как Башня Нигоша. Наоборот, было в ней что-то приглашающее, гостеприимное. Акхил перевел дрезину обратно на рельсы, и они покатали. Когда первая опасность миновала, Арк вылез на крышу через люк и сменил Пилар в пулеметной вышке. Пулемет был настоящий, крупнокалиберный, с лентой блестящих патронов. Арк сидел наверху, крутился по сторонам и мог воочию наблюдать, как город постепенно уступает территорию неземным джунглям. Просветы в рядах домов мелькали всё чаще, а сами дома в основном были заброшенными и косыми. То же происходило с деревьями. Осенние желтый и красный менялись на фиолетовый, белесый и гнилостно-зеленый. То и дело из-под земли вспучивались бубоны с непонятным содержимым. Резко поменялся запах – ветер разносил оттенки серы, нашатыря, еще какой-то химии. Некоторые здания были облеплены чем-то серым, похожим на жвачку. Дрезина неслась мимо них на полной скорости, и Арк едва успевал рассматривать полусъеденные автобусные остановки, разрушенные парки, заброшенные торговые центры, наверняка хранившие еду, ужас и боль. Со Смещения Арк никогда не выбирался так далеко из защищенного Берлина. Наконец дрезина замедлилась, потом совсем остановилась.

– Приехали, – сказал Акхил.

– Тут где-то еще церковь должна быть, судя по карте, – стал осматриваться вокруг Пшигода.

Они остановились на небольшой площади. Всё вокруг было разрушено и мертво. Церкви не было.

XVIII.

Солнце уже начало садиться. Площадь – скорее, даже перекресток – заливал багрянец. Дома здесь напоминали расколотые, треснувшие, сгнившие арбузы. Вдалеке виднелась сиреневая туча.

Пшигода вытащил из дрезины две тележки и большую матерчатую волокушу. Пилар достала откуда-то из ящика в полу здоровенный деревянный посох. Ахил полез наверх, в пулеметное гнездо. Чех сверился с картой и глянул на компас, нашитый на рукав рясы. Стрелка слегка вибрировала, но направление показывала. – Нам туда, – махнул он рукой. – Где-то полчаса по прямой, потом сворачиваем. Идем быстро, по возможности зачищаем дорогу. Назад пойдём с грузом, будет тяжелее, но будет и больше колдовства. Наша цель – успеть до конца сумерек, пока еще немного светло. Совсем стемнеет – хватаем только самое легкое и бежим. Ахил, увидишь ракету – подъезжай к нам на помощь.

Индус кивнул. Пшигода закинул волокушу на одну из тележек и бодро повез ее вперед. Арк успел краем глаза заметить, как Пилар поцеловала нательный крестик и прошептала ему пару слов. Под ложечкой засосало, он взял вторую телегу, и они двинулись за здоровяком в рясе.

Дорога испортилась, как только они отошли от перекрестка. Асфальт полностью раскрошился, телеги застревали. Везде висел тяжелый сернистый запах, то и дело на крае слышимости раздавалось странное дребезжание. Деревья по краям дороги были облеплены сиреневой и фиолетовой слизью. Карман бежал впереди всех, нахохлившись. За ним, как танк, пер Пшигода. Он тянул тележку за собой и расшвыривал мешавшие обломки асфальта по сторонам тяжелыми армейскими ботами. Шея его блестела от пота. Лишь иногда он переходил на шаг и, подслеповато щурясь, сверялся с картой. Арк старался не отставать. И не смотреть по сторонам.

Несколько раз за время этой дикой пробежки собака громко лаяла, а Пшигода и Арк отходили в сторону и давали Пилар пространство для маневра. Та со всей силы раскручивала посох над головой, и от него вперед летело облако сине-белого тумана. Оно напрочь разьедало обломки асфальта, стены домов, деревья и всё, что могло бы причинить им вред. Арк так и не понял, что это было за колдовство. Один раз, прямо перед тем как они свернули с основной дороги на узкую проселочную, на них напало дерево, оказавшееся огромным щупальцем, торчащим из земли. Оно хлестко ударило, не целясь, по всей компании. Арк успел поставить гравитационный щит, щупальце отскочило от него, как теннисный мячик, а затем Пилар сожгла его молнией. Они стали идти медленнее и чаще останавливаться. Пшигода считал дома и часто сверялся с описанием на бумажке, которое оставил ему хозяин склада. До них доносились вой и хлюпанье, а иногда словно кричала какая-то адская птица. Они повернули еще раз, и вдруг Пшигода убрал бумажку и показал пальцем: справа, посреди довольно мерзко выглядящего болота, стоял дом. Не обугленные руины, не ком зеленой паутины, не сгусток желеобразной массы, а просто дом. Грязный, с покосившейся дверью и пустыми глазницами окон. – В нем очень много силы, – сказала Пилар. – Она сохранила склад в целости. Старик не обманул.

Пшигода подошел к самому краю болота и швырнул в него камень. Болото булькнуло, хлюпнуло и выплюнуло камень обратно – прямо чеху по голове. Тот увернулся, осклабился.

– Пи, а с этой кигвой что будем делать? Тут твоего кефира не хватит.

Арк понял, что тот имел в виду посох.

– Почему «кефира»?

– Потому что кислое и молочное.

– Надо перелезть, – сказала Пилар. – Только как?

– Гравитационное поле, – предложил Арк. – Мы сможем так его наложить, чтобы получился мост. Можно даже попробовать гравитрубу сделать, по которой всё будет на другую сторону перелетать. Только сила моего жезла уже почти иссякла.

– Внутри силы – рделом ешь. Залезем – можно будет перезарядить. Справишься?

– Посмотрим.

Арк посадил собаку в рюкзак, достал создающий поля жезл и сотворил гравитационное поле под нужным углом. Прыгнул, поле подкинуло его, как батут, и он довольно сильно влетел в стену дома. Сразу вспомнились и заныли все сегодняшние травмы. Пока он вставал и приводил себя в порядок, через болотную жижу грациозно перелетела Пилар. А потом оба они с удовольствием наблюдали, как Пшигода в своей нелепой рясе разбежался, сиганул, гуттаперчево отскочил от поля и пушечным ядром пробил подгнившую стену дома. Заодно не пришлось ломать дверь.

ХІХ.

Дом был очевидно пустым, но что-то в нем казалось неправильным. Сквозь проделанную в стене дыру Арк и Пилар осторожно вошли внутрь и помогли Пшигоде подняться. Дом немного глушил звуки снаружи, словно бы чуть-чуть сдвигал их частоты, из-за чего они казались еще более чуждыми и зловещими. На стенах и мебели лежал толстый слой пыли, паутины и какой-то подсохшей слизи. Лестница на второй этаж была сломана. Зато дверь в подвал оказалась в полном порядке и запертой. Из нее на грани слышимости доносился тихий электрический гул, который обычно исходил от переполненных колдовской силой предметов.

Пшигода с ходу вышиб дверь ногой. Из подвала дохнуло стариной. По дому пролетел поток ветра. Пилар поежилась. Гигант зажег фонарик и спустился вниз.

– Кигва! – донесся его чуть искаженный голос из недр подземелья. – Давайте грузить.

Старик, который жил тут раньше, не обманул: подвал был забит антиквариатом. Кресла, шкафы, картины, ковры, статуи, торшеры и люстры в беспорядке занимали большое помещение, закрытые полуистлевшим полиэтиленом. Многие из них были сильно заряжены колдовством.

– Давай, трубу делай, – сказал Пшигода. – На горбу всё не вынесем. Акхил нам вот это сделал, чтобы в бою заряжаться, – чех протянул Арку два кабеля с зажимами, похожих на автомобильные «крокодилы». На обоих концах у них были восковые печати с нанесенными рунами. Арк выбрал торшер помощнее, поднялся с ним наверх и попытался протянуть силу в жезл. Получилось, но не так эффективно, как он надеялся – большая часть силы «пролилась» на пол дождем из фиолетовых и оранжевых искр. Несмотря на это, жезл снова заработал. Арк сосредоточился и сотворил нечто напоминающее коридор между дырой в стене и оставленными снаружи тележками.

– Держи, – Пшигода протянул ему тумбочку.

Арк засунул тумбочку в трубу, она с громким чпоканьем улетела внутрь и разбилась в щепки о землю, с силой вылетев с другой стороны.

– Ничего страшного, – с преувеличенной вежливостью сказал Пшигода. – Это всего лишь наши деньги.

Арк выкачал немного силы из гравитрубы, и следующая передача прошла лучше. Не обращая внимания на гулявший по дому ветер, антиквары быстро переправили большинство интересующих их предметов на улицу. Остались только самые тяжелые и самые хрупкие вещи. Пшигода, кряхтя, втащил наверх здоровенный шкаф-трюмо. За ним поднялась Пилар, держа в руках две невероятной красоты и мощи хрустальные люстры.

– Там еще ящик остался, – сказал чех, и Арк спустился вниз. Там действительно стоял ящик – скорее, огромный сундук, набитый более мелкими предметами. Статуэтки, подсвечники, фотографии в рамках, значки, брошки и прочая бижутерия были аккуратно разложены по отделениям. На один этот сундук можно было жить на Александрплатц до глубокой старости, ни в чём себе не отказывая. Спустился Пшигода, и они вдвоем с Арком с трудом выпихнули сундук наверх. Гравитруба заметно разрядилась и опускала вещи на землю нежно и ласково.

– Пи, прыгай на ту сторону и принимай, – рассудил чех.

Пилар сгребла люстры в охапку, прыгнула в трубу, перегруппировалась в воздухе и приземлилась на ноги. Немного расчистила место доставки и махнула рукой: мол, всё готово.

Дом издал протяжный стон. Как будто вся мебель, все стены, полы и потолки в нем одновременно зашевелились и заныли. Откуда-то снаружи, издали послышался ответный стон.

– Что это? – спросил Арк.

– Потом узнаем, – ответил Пшигода, подхватил трюмо и нырнул в трубу.

XX.

Полет гиганта неожиданно прервался, и он чудом избежал бурлящего болота. Труба полностью иссякла и перестала работать. Дом трясся и дребезжал окнами.

Карман предупреждающе лаял. Арк махнул рукой, открыл сундук и быстро стал набивать рюкзак наиболее ценными артефактами. Пилар и Пшигода принялись грузить добычу на тележки и волокушу. Рюкзак заполнился, Арк горестно оставил полсундука артефактов, подхватил собачку и перелетел на ту сторону, воспользовавшись изначальным мостом. Дом издал очередной ужасающий стон, и что-то совсем близко ответило ему ревом. Все вдруг осознали, что стемнело.

Посмотрев наверх, антиквары обнаружили, что к ним приближается набухшая малиновая туча. В ней постоянно мелькало что-то, на расстоянии похожее на птиц. Приглядевшись, Арк увидел, что это не птицы и вообще не живые существа. Туча состояла из обломков зданий – дверей, окон, кусков стен и мебели, плавающих в красно-фиолетовом облаке. Она подлетела к ним, раскрылась, как хищный цветок, и вытянула некое подобие клюва, составленного из церковной колокольни. Арк заметил в ее оскале церковные скамьи, витражи, прочую церковную утварь. Мебельный дракон издал еще один леденящий душу рев, и ограбленный дом жалобно отозвался.

– Бежим! – крикнул Пшигода. – Бросаем всё и бежим!

– Я не могу, – сказал Арк. – Мне нужны эти деньги.

– Мне тоже, – тихо сказала Пилар.

– Чтоб вы все сдохли, – секунду спустя сказал Пшигода. – Будем вывозить.

Гигант вынул откуда-то из недр рясы сигнальную ракетницу и выстрелил вверх. Снаряд взорвался красной вспышкой. Она совершенно не побеспокоила зависшую над ними тварь, но где-то вдалеке в ответ мигнула подобная же, но зеленая искра. Пшигода впрягся в волокушу, титаническим усилием взвалил на спину шкаф-трюмо и побежал. Пилар и Арк покатали тележки за ним. Напоследок Арк кинул в дом взрываху – та взорвалась, подняв фонтан болотных брызг. Это, казалось, ненадолго отвлекло чудовище, подлетевшее уже совсем близко.

Нагруженные, они со всех ног неслись обратно. Набрав приличную скорость, главным было не дать инерции взять верх и перевернуть тележку. Дракон оказался быстрым, но не слишком умным – он отвлекался на взрывахи и вообще на любой шум, разбивал в каменную крошку руины домов в десятках метров от них и то и дело поднимался повыше, чтобы найти беглецов. По счастью, с локацией у него не задавалось – возможно, по причине отсутствия хоть какого-нибудь намека на глаза. Тем не менее бегущие были еще живы только за счет взятого темпа. Впереди, уже гораздо ближе, появилась еще одна зеленая вспышка, и через несколько минут бега Арк увидел дрезину. Она неловко и чуть скособочено неслась им навстречу. Более прекрасного транспортного средства Арк и представить не мог!

Дрезина начала стрелять, как только мебельный дракон появился в поле зрения Акхила. Ослепительно-белые снаряды вгрызались в малиновое облако. Дракон ревел и хлопал дверьми. Почти доехав до троицы, Акхил заложил крутой вираж и развернулся. Дверь кузова распахнулась. Воспользовавшись прикрывающим

огнем, антиквары стали быстро грузить добычу. Наконец чудовище решило, что ситуация ему не нравится, издало последний угрожающий рев и ретировалось. Всё добытое кое-как уложили в кузов. Не поместился только шкаф, который Пшигода всё это время пер на спине. Наверх он тоже не влезал. Со слезами на глазах Пшигода пнул шкаф ногой, пробив в нем огромную дыру. Все немного посмеялись, устало и истерично, и шкафом воспользовались, чтобы подзарядить дрезину.

– Что это было? – спросил Арк, когда они поехали назад.

Пилар заняла свое место у почти разрядившегося пулемета, чех лежал на крыше, тяжело дыша, а Арк с Акхилом теснились на облучке.

– У тебя есть выбор, – смиренно подал голос брат Пшигода. Его ряса была тяжелой от пота. – Либо ты об этом задумываешься, либо ты спишь по ночам.

XXI.

– А почему мы так весь путь не проехали? – спросил Арк, когда они немного оправились. Дрезина довольно неплохо справлялась с дополнительным грузом. – Зачем было тащить всё это на себе?

– Заряда бы не хватило, – пояснил Акхил. – Она по рельсам гораздо меньше жрет, чем по дороге. Хорошо, что удалось ее там подзарядить, а то могло бы выйти приключение.

– А колдомёт? Он же тоже разрядился.

– У нас снаряды всё равно почти закончились. Кроме того, мои кабели очень неэффективные, много теряется. Дома, на Алексе, гораздо дешевле заряжать.

Арк кивнул, но ему всё равно было тревожно. Пока они убегали от монстра, почти стемнело. В сумерках развалины домов выглядели особенно устрашающе. В них то и дело мелькали блуждающие огоньки, горели какие-то ультрафиолетовые облака. Дома жили своей, отдельной жизнью, и она, скорее всего, была несовместима с жизнью Арка. До города, впрочем, они доехали без особых приключений. Один раз на дрезину покусилось ожившее дерево, но Пшигода ловко плеснул в него бензином. Дерево решило не дожидаться зажигалки и смылось.

Согласно плану, они свернули с прямого пути и некоторое время ехали на юго-восток. Дорогу можно было разобрать с большим трудом, пришлось замедлиться почти до скорости пешехода. К счастью, дрезина хорошо сидела на рельсах. Фонари решили не зажигать. Внутри города опасностей тоже хватало.

Они еще раз повернули на Грейфсвальдер-штрассе, в сторону Александрплатц. Город словно вымер. Они тоже замолчали, перестав обсуждать мебельного дракона и найденные сокровища. Тишину нарушал только мерный гул моторов дрезины. И только они въехали в зону Иммануила, как за одним из домов по правую сторону вспыхнуло синим, и раздался треск молнии. Это дало им возможность подготовиться к засаде.

Рельсы спереди были основательно разобраны. Пришлось тормозить. Из темноты окрестных домов потянулись люди. Серые, почти бесформенные фигуры в балахонах. Дорога осветилась – и оказалось, что прямо посередине широкой штрассе стоит человек. Тоже одетый в балахон, с мощным посохом в руке, человек источал силу и уверенность. Это был Мельхиседек, старший ученик Иммануила. Серые фигуры постепенно окружали дрезину. Карман зарычал из рюкзака Арка.

– Ирджих Пшигода! – раскатисто произнес Мельхиседек. – Нам не нужны ни вы, ни ваша добыча. Мы не ссоримся с Александрплатц. Вы можете в полной безопасности ехать дальше. Нам нужны только человек Нигоша и собака.

Пару секунд по штрассе разливалось напряженное молчание. Крупная, накрытая рясой фигура Пшигоды, казалось, застыла в пространстве. Потом Ахил нажал на гашетку пулемета, и предпоследний оставшийся снаряд сбил Мельхиседека с ног. Свет моментально погас. И началась битва.

Дюжины молний ударили в обшивку кузова и отскочили, не причинив дрезине видимого вреда. Арк бросил взрываху налево, активировал электромагнитное поле и сам спрыгнул на правую сторону, вооруженный жезлом и револьвером, навстречу летящим молниям. Плечо обожгло, но свитер не подвел, а щит отбил остальное. Арк выстрелил по двум ближайшим говнюкам, кинул молнию в группу поодаль. Разряд впитали их Амулеты Верности, и они уже собирались ответить совместным залпом, как вдруг их планы были жесточайшим образом нарушены. На них налетело чудовище.

С первого взгляда Пшигода впечатлял, но не вызывал чувства опасности. Да, крупный, сильный, но не страшный. После непродолжительного знакомства он даже казался симпатичным. Теперь же Арк увидел его совсем в другом свете. Чех был истинной машиной для убийства. Он напал на группу из пятерых миньонов с тыла, вооруженный подобранным тут же обломком рельсы, и моментально расшвырял всех. Был он гол по пояс – его прекрасную, но весьма узнаваемую рясу пришлось оставить в дрезине как обманку, чтобы отвлечь внимание Мельхиседека. Пока тот предлагал разойтись по-хорошему, Пшигода и Пилар зашли врагам в тыл и теперь вносили в их ряды полный хаос – она слева от повозки, а он справа. В лиловых отблесках молний, чрезвычайно быстро передвигаясь по полю боя, чех казался мифическим существом гекатонхейром с сотней рук и с сотней обломков рельсы. Арк старался не отставать: тактически прикрываясь дрезиной, он отстреливался от говнюков, периодически обновляя щит. Карман порывисто лаял. Мельхиседек попытался встать на ноги и получил последний снаряд пулемета в грудь. Его снова откинуло, вмяло в асфальт.

В очередной вспышке Арк увидел знакомое лицо. Прямо на него бежала девушка, которую он оставил в живых сегодня рано утром, миллиард лет назад, с которой он не сумел снять Амулет Верности. Она бежала вперед, поднимая жезл с молнией, но в глазах ее читалось что-то другое. Не злоба, не ненависть, не угроза. Просьба.

Арк быстро выхватил из кармана штанов ручку от мясорубки и полоснул по девушке заклинанием-тазером. Та рухнула как подкошенная. Арк наклонился над ней, как и утром, снял заклинание с ее грудной клетки и дыхательных путей и заметил, что половина ее лица изуродована страшным ожогом.

Всю улицу залил яркий свет. Мельхиседек, оправившись от двух выстрелов, встал на ноги. Движением руки он отбил пущенную Пилар порцию «кефира», оплавил револьвер в руке Арка и пулемет на дрезине.

– DAMNARE AUTEM... – начал он, но вдруг осекся. Исходящий из него свет замигал и погас, как будто в неоновой лампе прохудился контакт. Из головы без пяти минут великого колдуна торчал обломок рельсы.

– K čertu, – сказал Пшигода, невесть как оказавшийся позади Мельхиседека.

XXII.

Спустя пятнадцать минут они уже были на Александрплатц. Грязные, обожженные и в пятнах крови, бесконечно уставшие, они загнали дрезину в гараж. Арк на руках отнес пленную девушку в кают-компанию, там уже все раздевались и разоружались.

– Это была славная охота, – сказал Пшигода. Его левая рука безвольно висела, после того как в нее попала молния. Надеть рясу после боя он так и не смог.

– Мне нужно идти, – сказала Пилар. Из-под разодранного кимоно виднелись ее мускулистое тело и спортивный лифчик. – Завтра всё обсудим, – она пожала всем руки и решительно вышла.

Аххил, единственный из антикваров сохранивший свой костюм в относительно порядке, снял жилетку и тоже пошел на выход.

– Мне нужно посмотреть, что там с дрезиной. Они ее всё-таки чуть не взорвали.

В кают-компании остались только Пшигода, Арк и Карман.

– Пойдем выпьем, – сказал чех. – За хорошую охоту. И за знакомство.

Арк кивнул. Он смертельно устал, всё его тело страшно болело, но выпить ему хотелось больше, чем спать – наверное, из-за переизбытка адреналина. Он крепко связал пленную девушку и оставил ее лежать на диване. Девушка была без сознания – само заклинание рассеялось, но остаточный эффект от него был довольно сильным.

Они вышли на шумную площадь. Громко играла музыка, люди плясали и веселились. Горело несколько больших костров, на вертелах жарилось мясо. Пиво – местное, сваренное тут же, на Алексе – лилось рекой.

По первой кружке они опрокинули не чокаясь и даже ничего не сказав, чтобы унять нервный тремор.

– Остальные к нам не присоединятся? – спросил Арк, отхлебнув из второй.

– Не. Ахил не очень любит большие скопления народа. Бойтся людей. Во время Смещения его чуть не раздавила паникующая толпа. А Пилар... У нее есть ребенок. Он... не вполне здоров. Она сейчас с ним.

– Значит, деньги ей...

– Нужны на лечение, да. Поэтому она и с нами. А ты сам? Что будешь делать со своей долей?

Арк задумался. Сейчас, когда всё приостановилось и появилась возможность поразмышлять, он вдруг стал совсем ни в чём не уверен. У него должно быть достаточно денег на что-нибудь еще. На свою жизнь, такую, как он сам захочет. Но всё-таки...

– Я должен найти Хозяина, – наконец сказал он. – Нигоша. И полагаю, Иммануил знает, где он.

– Ну и после того, как ты убил двух его учеников в один день, тебе всё равно придется с ним разбираться. Он это так не оставит.

– Но второго убил ты.

– Он искал тебя и умер. Этого будет достаточно. Вчера ты был никем. Завтра Иммануил будет повторять твое имя перед сном.

– А ты, Ирджих? Тебе зачем вся эта история?

– Я дерусь, потому что дерусь, – улыбнувшись, ответил Пшигода. – Потому что больше ничего не умею и не хочу.

И они выпили по третьей. Глаза у Арка уже слипались. Пшигода помог ему дойти обратно на базу Сербя в переходе, отвел в свободную комнату с матрасом на полу, дал плед. Арк лег, не раздеваясь. Карман залез под плед вслед за ним. Пшигода выключил свет и пошел спать.

Арк обнял собаку, закрыл глаза, и этот день наконец закончился.

Глава 3. Scarlett Johanssoon

XXIII.

Девушка с обожженным лицом открыла глаза. Она лежала связанная в темной комнате. Амулет Верности всё еще был на ней. Она вздохнула.

В комнату, еле слышно цокая когтями по линолеуму, вошла собака. Маленький терьер, с виду неопасный, но девушка знала, что это не совсем верно. Песик подошел к лежавшей на диване девушке, встал на задние лапы, понюхал ее лицо. Потом аккуратно лизнул в нос. Девушка улыбнулась. Песик удовлетворенно завил хвостом и улегся около дивана. Тишина нарушалась только его сопением. Девушку звали Луизиана. Сама она вспомнила об этом только вчера утром, после того как незнакомый бездомный мужик обездвижил ее заклинанием-тазером. Парализатор вступил в конфликт с Амулетом Верности, и Лу на четверть часа вернулась в себя из далей, в которых пребывала до этого.

Амулеты действительно предоставляли защиту. В них было заряжено несколько боевых заклинаний, ключ к Иммануилкирхе и пара других полезных вещей. Кроме того, они заставляли носителей беспрекословно подчиняться Иммануилу и его ученикам и запрещали делать или говорить что-либо, способное нанести великому колдуну вред. Это включало также любую форму общения с его врагами. Снятие Амулета неизбежно заканчивалось смертью его носителя. Амулет не блокировал чувства или мысли, но со временем притуплял их, а также волю, желания и даже память, будто всё больше и больше заворачивая их в плотное одеяло. Когда ее Амулет «перезагрузился» (Лу не смогла придумать более подходящего термина), все эти вещи к ней вернулись. Только после этого Лу поняла то, что знала уже очень давно.

Она ненавидела Иммануила.

В комнате зажегся свет, и вошел невысокий щуплый индус, одетый в застегнутую на все пуговицы рубашку, аккуратные, чуть ли не выглаженные брюки и домашние тапочки.

– Здравствуй, – сказал он девушке. – Меня зовут Акхил.

– Я не разговариваю с врагами Великого Иммануила, – заявила Лу. Каждое из этих слов вызывало у нее невероятный стыд, но даже покраснеть она не могла.

Индус понимающе кивнул:

– Амулет Верности. Я приготовлю что-нибудь на завтрак. Ты голодна?

– Сдохни, тварь!

Акхил еще раз кивнул и отошел к холодильнику.

Лу окинула взглядом комнату, в которой оказалась. Больше всего она напоминала студенческий клуб, если бы вместо настольных игр студенты увлекались коллекционированием колдовского и огнестрельного оружия. Удобные диваны, на одном из которых она и лежала, пара ковров, развешанные на стенах карты. Лу

вдруг явственно вспомнила свою досмещенскую жизнь, и ей захотелось заплакать, но из глаз не вытекло ни слезинки.

Индус подошел к ней. В руках у него были стакан воды и бутерброд с сыром. Он помог Лу сесть, дал ей как следует напиться. Развязывать, впрочем, не стал.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, после того как девушка откусила и прожевала гигантский кусок бутерброда.

– Гори в аду со щупальцами! – ответила Лу.

Акхил еще раз кивнул – больше в такт своим мыслям.

– Меня весьма интересует твой Амулет Верности, – сказал он. – Сегодня мы попробуем его деактивировать, после чего ты будешь свободна. Я персонально не намереваюсь причинять вреда ни тебе, ни Иммануилу.

– Умри от проказы! – сказала Лу с надеждой.

– Моя гипотеза состоит в том, что Амулет Верности заставляет тебя говорить только определенные вещи. Интонация, тембр голоса – всё под контролем. Эмпирически, кивать и качать головой в ответ ты тоже не можешь. Но власть Амулета не беспредельна, иначе ты не была бы способна принимать воду и пищу из рук противника, то есть меня. Для начала, чтобы снять с тебя Амулет, нам нужно наладить хотя бы какую-нибудь коммуникацию.

– Лопни от чахотки! – согласилась Лу.

Акхил снова дал ей откусить от бутерброда и запить водой.

– Ты каждый раз говоришь разные вещи. Если бы колдовской блок стоял именно на выборе слов, он бы просто ограничивал твой вокабуляр до десятка нужных выражений. Но в твоём случае формулировка более-менее свободна, ты только не можешь выражать словами смысл. Такую систему можно сломать, если перейти на другой уровень коммуникации.

– Тупой вонючий зомби! – не поняла девушка.

– Хорошо, попробуем. В следующий раз скажи мне только одно слово. Не важно, какое, но одно.

– Сволочь! – моментально отозвалась Лу.

– Отлично, а теперь четыре слова.

– Чтоб тебя драли осьминоги!

Индус заулыбался, словно ребенок, который верно ответил на сложный вопрос учителя.

– Теперь сделаем так. Если ты хочешь сказать «да», говори нечетное количество слов. Одно, три и так далее. Сами слова не имеют значения, только их количество. Если хочешь сказать «нет», говори четное. Понятно?

– Пойди съешь говна!

Индус рассмеялся.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Мразота!

– Хочешь еще бутерброд?

– Спрыгни с башни!

Ахил вернулся с добавкой и полным стаканом воды.

– Понимаешь, – сказал он, – я очень слабый колдун. Колдовство кажется чем-то непостижимым, чуждым нашему пониманию. Но внутри него, как и внутри всего на Земле, есть логическая цепь. Я слабый колдун, но был хорошим физиком и инженером, и я понимаю, что логические цепи бывают уязвимы. И каждый раз, когда мне удается взломать колдовство не силой, не брутфорсом, а логикой, я чувствую, что одержал важную победу над... – он замялся. – Над этим.

Лу отлично его понимала. Чувство беспомощности преследовало ее всю жизнь, и каждое его опровержение было целительным бальзамом.

XXIV.

Собака проснулась, встала на ноги, завиляла хвостом. В комнату, заметно хромя, вошел мужчина. Одет он был в дырявый зеленый свитер и брюки карго. Он кивнул Ахилу, присел, ласково потрепал песика и лишь потом внимательно посмотрел на Лу. Только тогда она его узнала. На вид ему было за тридцать, светлые растрепанные патлы переходили в бороду. Нос прямой, щеки впалые, брови широкие, кустистые. Она удивилась его глазам: вчера утром они были темные, безжалостные, спокойные. Когда к ней вернулась способность удивляться, Лу очень удивилась, что человек с такими глазами не убил ее, как остальных. Сейчас же глаза были живые, настороженные, изучающие. В них были и надежда, и недоверие, и запредельная усталость.

Лу была готова влюбиться в человека с такими глазами, если бы ее гормональный фон не был жестоко подавлен. Будто услышав ее мысли, мужчина перевел взгляд на Амулет Верности. Эта жестяная табличка с выдавленными на ней рунами на коротком плетеном шнурке всегда казалась ей похожей на автомобильный номер. Мужчина снова посмотрел ей прямо в глаза, взгляд его потеплел, и он сказал:

– Привет, меня зовут Аркадий.

– Сгинь в муках! – ответила Лу.

Ахил объяснил Аркадию их систему общения, и, к удивлению Лу, тот расхохотался. Это могло бы обидеть ее, но смех был искренний и заразительный, без насмешки и яда.

– Ты знаешь, как устроен твой Амулет? – спросил он, отсмеявшись.

– Подавись мочой!

– Э... ясно. Ахил, сможешь мне с этой штукой?

– Конечно, Арк.

Арк отошел к холодильнику, налил себе стакан воды и сделал бутерброд. Жадно съел, сделал еще один, съел его тоже. Достал из кармана завернутую в носовой платок косточку, дал собаке. Терьер с удовольствием в нее вгрызся.

– Подарок от Пшигоды, – сказал ему Аркадий.

Покончив с завтраком, он достал карандаш и большой лист линованной бумаги, разложил его на ближайшем верстаке.

– Что мы знаем об Амулетах Верности? – спросил он.

Знали они только общие вещи, и Лу тут могла помочь лишь немногим. Все Амулеты Верности делались колдунами по-своему, не было единой схемы или лекала. Общим было одно: нельзя было снять такой Амулет с человека, не убив его при этом.

– А эти предметы исключительно через голову функционируют? – спросил Ахил. – Что, если мы удлиним шнурок и снимем Амулет через ноги?

– Слишком рискованно, – сказал Аркадий. – Заклинание всё равно может сработать. И тогда всё что угодно, от потери ноги до смерти.

– Да, наверное, – сказал Ахил.

– Но с удлинением идея хорошая. У меня, кажется, есть идея. Давай посмотрим.

Оба они, как врачи на консилиуме, склонились над связанной Лу и стали изучать строение шнурка, на котором висел Амулет. Аркадий чуть заметно пах потом и мятой одеждой. Индус не пах ничем. Шнурок был сплетен из трех одинаковых черных бечевки, каждая толщиной не больше электрического провода. Такими их сделал Иммануил, после того как пара миньонов лишилась голов, случайно зацепившись и порвав предыдущие, более простые варианты.

– Скажи, пожалуйста, – обратился Аркадий к Лу, – а можно разрезать или порвать только одну из этих веревочек, не активируя заклинание?

Лу задумалась, вспомнила пару случаев, потом сказала:

– Помрите от поноса!

– Что ты предлагаешь? – спросил Ахил у Арка.

– Разрезаем по одной, привязываем кусок бечевки подлиннее, заплетаем обратно. Таким образом можно удлинить шнурок на пару метров.

– А потом что?

– Когда-то я ходил на лекции по топологии. Когда еще учил математику, а не был учеником чародея.

Ахил усмехнулся.

– Лектор задавал нам загадку с картиной и двумя гвоздями, – продолжил Арк. – Подожди, лучше это показывать.

Аркадий поискал в комнате, а потом просто вытянул длинную нитку из своего свитера и связал ее концами, превратив в большую петлю.

– Вытяни два указательных пальца, вот так. А теперь представь, что это два гвоздя, и ты хочешь повесить на них картину. Картиной будет узелок. Но повесить ее нужно так, чтобы на двух гвоздях она висела, а если убрать любой из них – упала бы. Попробуй-ка.

XXV.

Акхил покрутил петлю в руках так и эдак.

– Если убрать один палец, картина остается висеть на втором, – сказал он.

– Верно. А теперь смотри.

Арк надел Акхилу нитку на левый палец, сложил ее, обернул вокруг правого и, чуть повернув, снова надел на левый.

– Теперь убери один палец.

Акхил осторожно убрал правый. Нитка упала на пол.

– Ты ни разу не снял нитку с левого пальца, но она всё равно оказалась на него не надета, – сказал Арк. – И она держится, но только пока не снимешь ее со второго.

– Я не знаю. По факту ты всё-таки снимаешь. Вот, смотри...

Оба заспорили.

– Два полных придурка! Вы оба сдохнете! Во славу Иммануила! – сказала Лу.

– Три раза «да». Она готова рискнуть.

Для начала они удлиннили шнур, державший Амулет. Акхил принес откуда-то огромные ножницы и кучу старых шнурков от ботинок. Очень аккуратно, стараясь не повредить остальные, они по очереди разрезали каждую из трех бечевков, чуть расплели их, привязали новые, заплели и завязали обратно. Первый раз было страшно, а на третий у Лу и вовсе так сжались пальцы в кулак, что костяшки побелели, а ногти проткнули кожу, но всё обошлось. Шнур удлинился метра на два и оброс гирляндой узелков.

– Теперь нам нужна еще одна голова, – сказал Арк. – Которую не жалко.

Акхил кивнул, опять вышел и вернулся с безруким торсом резинового манекена.

– Это Норм. На нем мы проводим эксперименты с новыми заклинаниями и приемами, – пояснил он. – Ему уже всё равно.

Акхил и Арк посадили Лу и Норма спиной к спине. Арк дотронулся до Амулета. Тот тревожно завибрировал.

– Дай-ка я, – сказал Акхил. – У меня есть защита.

Он порылся в ящике верстака и явил на свет пару детских перчаток. Точнее, парой они как раз не являлись: одна перчатка была зеленая и на левую руку, а вторая, на правую, была розового цвета и оторочена мехом. Они с трудом налезли даже на тонкие руки Акхила, но было видно, что колдовскую защиту они дают что надо.

Арк еще раз медленно показал фокус с ниткой от свитера. Акхил осторожно взялся за шнурок Амулета. Между ним и варежкой мелькнула фиолетовая искра, но вибрация была заметно меньше. Так же аккуратно, будто убаюкивая змею, Акхил сложил шнурок вместе и обернул его вокруг шеи Норма.

Лу изнутри превратилась в ледяную статую. Ей хотелось плакать, хотелось дрожать, хотелось не сидеть сейчас связанной в этой комнате. Очень хотелось писать. Акхил бережно раздвинул сложенный шнурок, под строгим наблюдением Арка повернул его и надел на голову Лу.

Ничего не произошло. Все немного выдохнули. Топологически выходило, что Амулет больше на Лу не надет, но ни Лу, ни сам Амулет пока в это не поверили. Одним быстрым движением Акхил вынул Норма из петли шнурка. Арк зажмурился. Раздался резкий хлопок, и в лицо ему полетели какие-то ошметки. Он открыл глаза и увидел безголовый манекен, Акхила в дымящихся детских перчатках, Амулет на полу и Лу, пораженно сидящую на диване. Живую. Живую! Арк взял ножницы и разрезал веревки на руках и ногах девушки.

– Мерзкие, мерзкие суки, – сказала Лу.

– Не получилось? – упавшим голосом спросил Арк.

– Я думаю, это не про нас, – ответил ему Акхил и улыбнулся.

Девушка наконец расплакалась.

XXVI.

– Что тут у вас происходит? – спросила Пилар, которая только что вошла в комнату. Она окинула удивленным взглядом двух мужчин, рыдающую девушку, собаку и безголовый манекен.

Слезы лились из глаз Лу потоком, вперемешку с хохотом, и она никак не могла остановить ни то, ни другое. Левая часть ее лица горела болью. Поначалу Лу решила, что это ее задело взрывом головы Норма. Потом вспомнила.

– Пойдем, милая, – сказала Пилар, сориентировавшись в ситуации. – В туалет, умоем тебя.

Лу встала и с трудом пошла вместе с этой уверенной в себе женщиной по коридору. Собственные движения казались ей странными, будто она очень давно отлежала себе всё тело и только теперь кровь потекла по ее сосудам в полную силу.

Она тщательно умылась, стараясь как можно меньше трогать ноющую щеку, а потом подняла голову от раковины и посмотрела в зеркало. Всё было хуже, чем она думала.

Правая сторона ее лица была привычной. Карие глаза, тонкие черты лица, чуть вздернутый нос, две родинки-близняшки между глазом и бровью. Короткие, криво стриженные светлые волосы, аккуратное, чуть оттопыренное ухо. Левая же сторона превратилась в распухшее, оплавленное месиво. Ожог, жесткая скукоженная масса, начинался чуть ниже глаза и заканчивался на подбородке. Лицо саднило, говорить, смеяться, даже дышать было неприятно. Слезы текли из глаз и оставляли на левой стороне лица дорожки кислотной боли.

– Мы тебя отведем к доктору, – мягко сказала Пилар. – Может быть, это удастся исправить. Это мы тебя так?

– Нет. Иммануил.

Вчера утром великий колдун был вне себя от ярости, когда узнал о смерти Бартоломью. Лу была единственной, кто выжил. Он подлетел к ней, подавляющий, трехметровый, божественно красивый, с глазами, пылающими, как предзакатное

солнце, и коснулся перстом ее левой щеки. Вспышка белого огня и слепящая боль, которую, впрочем, быстро погасил Амулет. Иммануил посмотрел на дело рук своих и взглядом остановил, прижег кровь, заживил рану, но оставил шрам и уродство. Так и не сказав Лу ни слова, он улетел прочь.

Они вернулись в комнату, которую Пилар назвала кают-компанией, где Аркадий и Акхил ковыряли Амулет. Очень осторожно, стараясь не разрушить его, они разбирали тонкую сеть нанесенных на него заклятий.

– ...мастерская работа, – говорил Акхил, когда Пилар и Лу вошли в комнату. – Надо признать, великий колдун – это великий колдун.

Аркадий жестом показал на вошедших, и всё внимание переключилось на Лу.

– Меня зовут Луизиана, или Лу. – сказала она, решив, что стеснение и робость неуместны. – До Смещения я была студентом по обмену в школе дизайна. После, из страха и желания спастись, я стала миньоном Иммануила. Это была жестокая и необычная участь. Вы меня от нее спасли. Я всегда буду за это вам благодарна. Спасибо.

Все представились ей еще раз, хотя необходимости в этом и не было, просто чтобы заполнить образовавшуюся паузу.

– Это ты пустила молнию минут за пять до засады на Грейфсвальдер-штрассе? – вдруг спросил Аркадий.

– Да. С этой штукой, – Лу кивнула на лежавший на столе Амулет Верности, теперь такой непримечательный и неопасный, – сделать это было сложно. Я очень старалась споткнуться и упасть так, чтобы случайно, от боли выпустить накопленный заряд молнии.

– Это, скорее всего, и спасло наши жизни, по крайней мере мою, – просто сказал Аркадий. – Ты ничего мне не должна.

– Благодарность – это не долг, – улыбнулась Лу, хотя к ее глазам опять подступали слезы.

В комнату вошел Пшигода в необъятном халате. Даже сейчас, сонный, помятый, он передвигался почти бесшумно. Просто вдруг возник позади девушки. Она вскрикнула, попятилась, споткнулась и чувствительно упала на пятую точку. Он, конечно, отличался от вчерашнего ночного монстра, который голыми руками покалечил нескольких из миньонов Иммануила, но в глазах его всё еще виднелся отголосок той бури.

Вошедший крайне смутился. Его и без того красная рожа побагровела. Он пробормотал пару слов извинений и помог Лу встать. Его маленькие темные глазки при этом летали по комнате, собирая информацию, анализируя, запоминая. Рука его на ощупь напоминала буррито, наполненное свинцом.

– Ирджих, – сказал он.

Лу догадалась, что этот непонятный набор звуков, очевидно, означал его имя. Она оправилась от испуга, вежливо кивнула и также представилась ему. Пшигода был

немного известен в Пренцлауэр-Берге, и слухи о нем ходили страшные. События вчерашней ночи их только подтвердили.

– А ну, кому подарков? – раздался веселый скрипучий голос, и в кают-компанию въехал мерзкий мутировавший старик на электрическом кресле. На коленях у него лежала небольшая, но с виду тяжелая коробка. В комнате сразу стало тесно.

– Отлично вы вчера повеселились, ребята! – сказал старик. – Пшигода мне начал рассказывать о ваших приключениях, так я чуть со смеху не помер. А это кто? – толстый палец Серба ткнул в сторону Лу. Она было попыталась заново начать ритуал представления, но ее опередил Ирджих.

– Это бывший миньон Иммануила, – быстро сказал он. – Я еще до этого не дошел. Вчера вечером по дороге домой они напали на нас. Напали первыми. Пришлось защищаться. Мы убили нескольких, и еще мы убили Мельхиседека, который был с ними. Ее взяли в плен, а с утра эти двое гениев додумались, как снять с нее Амулет. Сальный, вязкий, изучающий взгляд глубоко посаженных глаз старика, казалось, облепил Лу, пригвоздил к месту. После долгой паузы инвалид проскрипел:

– Вы убили Мельхиседека.

– Он напал на нас. Я...

– Не хочу слышать. Я над политикой. Я не вмешиваюсь в политику. И вам запрещаю иметь с ним, – палец-сосиска нацелился на Аркадия, и тот вздрогнул, – ничего общего. Он будет вести войну с великим колдуном и сдохнет как собака, – на эти слова Серба маленький терьер поднял голову в безмолвном вопросе, а старик продолжал: – Если мы будем его поддерживать, это нас ослабит или уничтожит. Вы, – на команду антикваров старик даже смотреть не хотел, – больше не будете ему помогать. Это мое последнее слово. Пилар, уведи девчонку в лазарет. И не приводи обратно. Это не моя проблема.

Пилар взяла Лу за руку, и обе они вышли из комнаты.

XXVII.

– Теперь ты, – Серб злобно вперился в Арка. – Я знал, что рискую, приглашая тебя в команду. Но посчитал риск оправданным. Это больше не так. Вот твоя доля, – он грохнул картонной коробкой, лежавшей у него на коленях, об стол. Та была забита небольшими побрякушками из вчерашнего сундука. На вид там было меньше одной десятой, но стоимость этих вещиц всё равно была огромной, коробка пухла от распирающей её колдовской энергии.

Арк не стал торговаться о количестве, просто сказал:

– Мы договаривались о чём-то помимо денег. Мне нужна информация.

Серб ослабился:

– К твоему сожалению, большая часть моей информации была обесценена. Я, конечно, могу рассказать тебе, где жил Мельхиседек, правая рука Иммануила, кем

он был раньше и где его можно подкараулить в одиночестве. Но что-то подсказывает мне: со вчерашнего вечера ценность этих знаний слегка упала.

– Ты сказал «большая часть информации». Что насчет остального?

– Выйдите, ребята.

Пшигода и Акхил послушно вышли.

Когда старик и Арк остались наедине, лицо Серба заметно потеплело.

– Значит, вы с Акхилом додумались, как снимать Амулеты Верности? Это интересно. Это само по себе чего-то стоит. Запоминай, в общем. У Иммануила есть третий ученик. Бартоломью и Мельхиседек, мир с ними, постоянно проводили время на Алексе, и об их жизнях я знаю довольно много. Гастон же... Он стал учеником недавно, лишь полгода назад. До этого был антикваром и наемником на Цоо, а там мои контакты послабее. Парень способный, но опыта у него немного. Ему все еще... власть в голову бьет. Двое других – у них это чувство вседозволенности отыграло уже, они подуспокоились. А этот... В общем, он часто в Кройцберге развлекается. Есть два места: «Капля воска» и «Щелчок». Не знаю, продолжит ли он туда ходить после вчерашнего... Это всё, что я о нем знаю.

– Спасибо, – сказал Арк.

– И еще. Я сегодня ближе к вечеру пойду к Иммануилу. Что, мол, ничего не знал, не понимаю, как это вышло, что тут можно поделатать, и всё такое. Это мой сосед ближайший, понимаешь? Ссориться с ним мне нельзя. Валить всё буду на тебя.

– Хорошо.

– Пока можешь себе оружие и шмотки взять: всё, что найдешь, твое. А с завтрашнего дня ты у меня не показываешься и ни с одним из моих людей не встречаешься, вообще.

– Понял.

Серб уже почти выехал из комнаты, как обернулся и добавил:

– На публике.

Арк кивнул. Следующие полчаса он копался в кладовке, подбирал себе защитную одежду. В конце концов остановился на спортивной кофте с капюшоном и тяжелой куртке аляске с массой карманов. Выбрал рюкзак и сумку через плечо. Переложил свою часть добычи туда, набрал еды. Пошарил на полках с оружием, закинул несколько вещей в рюкзак. Набил карманы патронами к револьверу.

В комнату вошли Пшигода с Акхилом, тихие, пристыженные. Они попрощались, и Арк, не оглядываясь, вышел из катакомб Серба на улицу вместе со своим четвероногим другом.

День выдался промозглый, серый. Моросил дождик, вышка телебашни пряталась в туче. Арк присел и потрепал Кармана за ухом.

– Ну что, снова одни?

– Не одни, – раздался веселый голос.

Над ним стояла Лу и улыбалась – немного криво, но искренне. Шрам на ее лице никуда не делся, но врач Оксана успела поколдовать над ним, сняв боль, припухлость и красноту. Девушка смотрела на Арка светлым, спокойным взглядом карих глаз.

– Поможешь нам? – спросил он, догадываясь об ответе.

– Пойдем уничтожим этого мудака, – сказала она.

XXVIII.

Лу вышла погулять с Карманом. Со дня ее освобождения прошло уже около пяти недель, и всё это время они с Аркадием провели, планируя и готовясь. Они жили в двух тесных комнатах посередине высокого дома на окраине Александрплатц. Питались в одной из общих столовых, по площади старались ходить как можно меньше, не выделяться в толпе. Прогулки с собакой были важной частью работы Лу, которую они наметили. Помимо этого, она рисовала и наполняла силой различные руны, а также совершала вылазки в зону Иммануила. Там она и еще пара нанятых Аркадием специально для этого бродяг наносили руны на дома согласно специальной схеме. Аркадий называл это «хакерской атакой». Граффити они с ним разработали вместе. Это должно было быть слово или несколько слов, что-то относительно известное и с большим количеством повторяющихся букв. Перебрав в памяти разные некогда популярные музыкальные группы, они перешли к актерам и актрисам. Так на свет появилась Скарлетт Йоханнссоон. Руны были делом тонким и неочевидным. Они работали лучше, когда повторялись, а еще лучше, когда повторы шли подряд. Двойные «**t**», «**n**» и «**s**», перенесенные как часть «**Scarlett Johansson**» на стену дома, скрывали руны различного назначения: первые откачивали у дома небольшую, едва заметную часть колдовской энергии, вторые, как антенна, по сигналу пересылали эту энергию Аркадию, а третьи могли при необходимости усилить оба этих эффекта. Двойную «**o**» оставили про запас. Лу с Карманом прошли по длинной засаженной деревьями дорожке, которая оканчивалась высокой оградой. За ней начинались Карл-Маркс-аллее и Река Гнили. Отсюда открывался неплохой вид на Александрплатц, набитую людьми, заставленную сараями, палатками и старыми, полусгнившими домами на колесах, всегда шумную и веселую. Лу любила ходить именно сюда. Работа продвигалась своим чередом. Слова «**Scarlett Johansson**» появлялись на домах зоны Иммануила по десятку в день. Лу работала в основном ночью, по утрам гуляла с собакой и ложилась спать. В Пренцлауэр-Берге ей помогал муляж Амулета Верности, который ей сделал Акхил. Все трое антикваров заходили к ним в гости, и поодиночке, и все вместе, делились сплетнями и помогали по мелочам, а то и просто приходили посидеть-поговорить. Лу неожиданно для себя поняла, что полюбила всех троих, и друзей лучше них у нее не было очень давно. А Аркадий... оставался Аркадием.

Она влюбилась в него довольно быстро. Не говорила об этом напрямую, но и не сильно скрывала. Один раз, немного выпив, попыталась поцеловать его. Он отстранился – мягко, словно извиняясь. «Это из-за шрама», – решила тогда Лу и с тех пор больше ни разу так не делала.

Но дело было не в шраме и вообще не в Лу, по крайней мере не только в ней. Аркадий вообще был отстраненным, сфокусированным на чём-то своем, не только с ней он вел себя так, с другими тоже. Поначалу Лу думала, что дело в его желании отомстить Иммануилу. Ненависть и жажда мести грызли ее, и она тщательно искала их и в своем соратнике. Но они часто говорили об Иммануиле, и Аркадий никогда не высказывал в отношении него ничего подобного.

Не доходя буквально пары шагов до дома, Лу столкнулась с Ирджихом. Она до сих пор очень робела перед ним, перед его живой силой и напором. Пшигода улыбнулся, аккуратно пожал ей руку, погладил Кармана.

– Я к вам, – сказал он. – Есть новости.

Сердце Лу на секунду замерло – начиналось то, чего она так ждала и в то же время тайно боялась.

Они вместе поднялись на четвертый этаж. Пшигода подождал, пока Аркадий разольет всем чай, и сказал:

– Гастона видели ночью в Кройцберге.

– Что он делал? – жадно спросил Арк.

– Как обычно, «Щелчок», несколько часов.

– Он возвращается к старому циклу. Значит, завтра опять будет «Щелчок», а послезавтра «Капля».

– У вас два дня, – сказал Пшигода и посмотрел на Лу. – Удачи.

«Капля воска» и «Щелчок» – это два небольших, но эксклюзивных борделя в центре района Кройцберг. Точнее, они были не обычными борделями, а местами, где при помощи колдовства клиенты могли удовлетворить абсолютно все свои потребности – даже те, о которых не догадывались сами. «Щелчок» содержала Богиня Лилия – колдунья, способная манипулировать нервными окончаниями. Она притупляла или усиливала ощущения у работниц и клиентов борделя, что позволяло последним расширить свой кругозор о возможностях организма. До убийства других учеников Иммануила Гастон ходил туда два раза в неделю, два дня подряд. На третий день «Щелчка» ему становилось мало, и он шел в «Каплю воска». Ее посещения хватало до следующей недели.

«Каплю» содержал пожилой колдун Карстен – в прошлом довольно известный зоолог. Его коньком были метаморфозы тела. Он превращал клиентов в животных, после чего они делали что хотели, а заранее морфированные служители и служительницы «Капли» угождали всем их капризам, вплоть до наиболее кровожадных. Последние несколько недель Аркадий проводил там почти каждый

вечер. Лу не спрашивала, чем он там занимается, но возвращался он оттуда еще более молчаливым и замкнутым.

Все увеселительные заведения Кройцберга охранялись великим колдуном Этвасом Андересом. Шанса пронести какое-то оружие в «Щелчок» у Аркадия не было. Но Карстен был с Андересом в ссоре, из-за чего в «Капле» охрана была расслабленной. Это и было шансом для Арка и Лу. План состоял в том, чтобы обезвредить Гастона в борделе и той же ночью, чтобы Иммануил не успел перегруппироваться, напасть на Иммануилкирхе.

Пара дней прошли в нервных приготовлениях. Лу проверяла сеть Скарлетт Йоханнссоон, гуляла и играла с Карманом и вместе с Акхилом дорабатывала оружие. Арк в основном перепроверял ее проверки и нервничал. Днем Д оказалось дождливое восемнадцатое ноября.

XXIX.

Арк добрался до Кройцберга на велосипеде минут за двадцать. В десять часов вечера город был пуст и темен. Кройцберг, как обычно, был окутан зеленым туманом, в котором тонули дома и растворялись деревья. То и дело слышались крики особых, водившихся только здесь ночных птиц. Арк привязал велосипед у «Капли», запер его заклинанием, защитил от морозящего дождя другим. Бордель находился в большом некогда жилом доме на Коттбусер Тор. Окна его были закрыты плотным черным материалом. В доме убрали почти все стены, превратив его в пятиэтажный темный ангар. Также там всегда нестерпимо пахло хлевом.

Арк достал Кармана из рюкзака и прицепил ему длинный, инкрустированный стекляшками поводок. Карман специально для этой операции был заботливо вымыт, вычесан и даже опрыскан какой-то гадостью с приятным запахом. Арк оглянулся, активировал грим-брошь и вошел внутрь.

Охранник на входе радостно поприветствовал завсегдатая – жеманного, хорошо одетого и покрашенного мужчину с бриллиантовым глазом и тоннелями в ушах по последней шарлоттенбургской моде.

– Познакомься, Ханс, это Фи-фи, мой... друг на сегодня, – сказал Арк.

Карман, вживаясь в роль Фи-фи, радостно завил хвостом.

Внутри помещения были бархат и кожа. Плотные занавесы скрывали происходящее за ними от людских и божьих глаз, но запахи и звуки они скрыть не могли. Больше всего бордель напоминал вольер с обезьянами посередине зоопарка, в котором почему-то открыла филиал Венская королевская опера.

Карстен подошел к Арку и услужливо поклонился. За последний месяц Арк оставил у него столько денег, что улыбка старого хрыча чуть подрагивала, а в уголках рта копилась слюна.

– Я сегодня со спутником, – показал Арк на Кармана. – Это собака моего давнего недруга, и сегодня я проведу шикарный сеанс мести.

– Как пикантно! – воскликнул Карстен. – У нас, конечно, не принято приходить со своими... развлечениями, но для такого случая, думаю, мы можем сделать исключение. В кого будете превращаться?

– Разумеется, в орангутанга.

Карстен достал толстую красную свечу, поджег ее, дал воску капнуть на лоб Арка и произнес заклинание. По телу Арка пробежала уже знакомая рябь. Карман залаял от неожиданности. К этому трудно было привыкнуть. Метаморфоза оказалась неприятным физиологическим процессом, похожим на ускорившееся в миллион раз половое созревание. Тело резко изменялось, отовсюду начинали расти волосы, обострялись чувства, в голове появлялись лишние мысли. Орангутангу Арку хотелось есть, хотелось быть на улице, его пугали эти люди и антураж, ему не нравилось, как его держали за лапу. Но особенно хотелось секса, что и объясняло популярность заведения Карстена. Усилием воли Арк заставил себя сконцентрироваться на главном. Его вместе с Карманом отвели в один из огороженных плотными занавесками вольеров. Одежду Арка положили на кресло. Также там находились матрас, стопка полотенец, ведро с водой, кормушка и столб, к которому можно было кого-то привязать. Почему-то именно вид этих пустых пропахших страхом комнатушек причинял Арку наибольший дискомфорт. Он скосовырнул со лба остывший кругляш воска с отпечатком пальца Карстена и превратился обратно в человека. Его вырвало, потом еще раз. Он вытерся и оделся. Всё это было в этом месте в порядке вещей. Арк еще раз активировал грим-бродь и замаскировался под одного из охранников «Капли».

Присев, Арк открыл Пасть. Достал оттуда револьвер, наручники и носок. Носок принадлежал Гастону – Арк купил его за немалые деньги несколько недель назад у одного из местных работников. Карман, всё еще удивленный произошедшим с хозяином, послушно понюхал носок, вышел из вольера и пошел искать. Он нюхал каждую занавеску, неуверенно вилял хвостом и брел дальше. Наконец остановился у одной. Арк осмотрелся и резко вошел внутрь.

Оргазм свиньи, как известно, может длиться до получаса. У Арка не было столько времени. Он подошел к визжащей от удовольствия хавронье и снял с ее лба восковую метку.

Арк впервые увидел, как метаморфоза происходит с кем-то другим, и его снова чуть не вырвало. С еле слышным хрустом костей всё тело свиньи сжималось и крутилось, под стремительно бледнеющей кожей ходили ходуном суставы и сухожилия. Через несколько секунд вместо животного на полу вольера лежал волосатый голый мужчина. Он попытался встать, но Арк ткнул ему в лицо револьвер.

– Не шевелись. Почувствую колдовство – убью на месте.

Мужчина замер. Его багровое, в крупных каплях пота лицо внезапно побледнело. Арк защелкнул наручники у него за спиной.

– Что ты знаешь о Нигоше?

– Ничего, – торопливо начал Гастон. – Когда он исчез, я...

Снаружи вдруг исчезли все звуки и запахи, словно их с Гастоном накрыли стеклянным стаканом. Одновременно с этим тяжелый бархатный занавес распахнулся. Снаружи вольера стояли Карстен, два охранника и невысокая, по плечо остальным фигура. Арк с удивлением обнаружил, что смотрит на четырнадцатилетнего мальчика, совершенно непримечательного, за исключением пугающих глаз пронзительно-оранжевого цвета, без радужек и зрачков. Арк стоял лицом к лицу с великим колдуном Этвасом Андересом.

XXX.

Не считая Нигоша, Андерес был первым из встреченных Арком настоящих колдунов и, без сомнения, самым могущественным. Даже учитывая обычную экстравагантность их облика и поведения, он был очень странен. Оранжевые глаза без зрачков пугали, но не больше, чем тело подростка. Или голос.

– В нашей Изнанке мне только четырнадцать лет, – сказал колдун звонким мальчишеским фальцетом. – Поэтому люди часто думают, что я отношусь к своим подданным как к игрушкам. На самом деле я вижу Кройцберг садом, в котором растут все мои цветы. Даже такие колючие, как Карстен. Я даю им расти самостоятельно, но сад нужно защищать.

– Я не покушаюсь на твой... на ваш сад, – сказал Арк. Костяшки его пальцев на рукоятке револьвера побелели. – Мне нужен только этот человек. Я возьму его и тихо уйду.

– Это Гастон, – сказал Андерес, изучающе рассмотрев голого пленника. – Ученик Иммануила. Что ты будешь с ним делать?

– Мне нужна информация. И мне нужно вывести его из игры, хотя бы на сегодня.

– Я не могу позволить тебе забрать его. У заведений Кройцберга и у меня есть определенная репутация. Среди прочего мы гарантируем и безопасность для гостей.

– Я понимаю, – сказал Арк. Глаза Карстена и его охранников внимательно отслеживали каждое его движение. – Я могу заплатить.

– Деньги не имеют значения.

– А что имеет?

– Репутация. Власть. Любовь, – из-за тембра голоса Андереса эти слова казались шуткой, но он произнес их абсолютно серьезно. Нужно было идти ва-банк.

– Вы можете убить меня прямо сейчас, – произнес Арк, а колдун кивнул и улыбнулся в ответ. – Но, – продолжил Арк, – после этого ничего не изменится. А можете сделать инвестицию.

Бровь мальчика филигранно поползла вверх. Арк почувствовал укол зависти.

– Если Гастон расскажет мне то, что я хочу знать, и если сегодня он будет... не у дел, ночью я убью Иммануила и захвачу власть в Пренцлауэр-Берге, – заявил Арк. Вторая бровь Андереса присоединилась к первой.

– Какие же у этого мероприятия шансы на успех? – задал он вопрос Арку.

– Как у любого стартапа – невысокие. Зато успех головокружителен.

– Власть над Пренцлауэр-Бергом... Что же ты предлагаешь мне?

– А что бы вы хотели за эту необременительную, но важную для меня услугу?

Андерес улыбнулся еще раз – шире, хищнее.

– Аркадий Колесничий, – сказал он. – Управляющий колесницей. Это хорошее имя, а я верю в имена. Ты сумел меня заинтересовать своим предложением.

– Иммануил!.. – закричал Гастон, пораженный произошедшим, но получил от Карстена сильный и быстрый удар по голове и затих. Андерес не обратил на это никакого внимания, не отрывая оценивающего взгляд от Арка.

– Ты отлично понимаешь, что мы говорим не только о сегодняшней ночи. После всего, что Гастон услышал, он должен будет замолчать навсегда, – произнес Андерес.

– Мне не важно, что с ним случится после.

– А если он будет мстить тебе?

– Не будет. Он наемник. И когда я убью Иммануила, он и близко ко мне не подойдет. Андерес кивнул, потом поманил Арка пальцем. Тот пригнулся, и колдун долго шептал ему что-то на ухо. Арк распрямылся, глубоко задумался.

– Я согласен на первые два условия, – наконец сказал он. – Я не могу пойти на третье. Вместо этого я предлагаю... Если я действительно убью Иммануила и захвачу его место, я буду у вас в долгу и готов ответить услугой за услугу.

– Очень благородно, – улыбнулся Андерес. – Как я и ожидал. Я согласен. У тебя есть час, чтобы выбить из Гастона всё, что тебе нужно. После этого оставь его прикованным к столбу и уходи. Тебя никто не остановит. Если ты переживешь сегодняшнюю ночь, мы еще встретимся.

Андерес, Карстен и охранники вышли, но купол тишины остался. Арк взял ведро воды, вылил на Гастона и сел на пол рядом с ним. Ученик Иммануила, отплевываясь, очнулся.

– Ты что-то начал говорить про Нигоша, – сказал Арк.

Через полчаса Арк уже со всей силы крутил педали велосипеда. До начала атаки на Иммануила ему срочно нужно было зайти домой и поговорить с Лу. Допрос Гастона был полезен с тактической точки зрения. Он рассказал всё: сколько у Иммануила осталось миньонов, кто из них представлял опасность, насколько близко Иммануил был связан с семейством Лихтенхерц, какие уязвимые места есть у Иммануилкирхе. Всё это было крайне важно, и Арк не жалел о цене, которую он пообещал Этвасу Андересу за эту информацию. Единственное, что его расстраивало – Гастон ничего не знал о том, кто и как похитил Хозяина.

XXXI.

– Я должна была убить его, – сказала Лу. Она не была рассержена, скорее растеряна. – Должна была.

– Он так и так не доживет до утра.

Девушка ничего не ответила и пошла собираться. Арк снял одежду «Жюля-извращенца», как он прозвал свой образ, и пошел умыться. После посещения «Капли» ему всегда хотелось запереться в ванной на несколько лет. Когда он вышел, то увидел, как Лу тихо, беззвучно плачет, сидя на диване. Чувствуя себя беспомощно и глупо, Арк подошел, сел рядом. Положил ей руку на плечо, и девушка сразу обняла его. Всё ее тело дрожало от рыданий.

– Сколько людей ты убила в своей жизни? – спросил Арк через несколько минут, когда всхлипывания прекратились.

– Нисколько, – ответила Лу. – Но именно этого очень хотела.

– Не стоит начинать, – сказал Арк. – Тебе повезло, на самом деле. Я не помню первого человека, которого я убил.

– И будешь убивать еще.

– Да. Как и Пшигода, как и Пилар.

– И Акхил.

– Скорее всего, да. Но ты не обязана. Поэтому я согласился на твою безумную идею. Мне не жалко иммануиловцев, но мне жалко тебя.

Лу улыбнулась сквозь слезы. Она была очень красива. Арку захотелось поцеловать ее, но что-то внутри него болезненно сжалось. «Не время, – решил он. – Сначала нужно сосредоточиться на деле». Они еще немного посидели, и Арк пересказал девушке всё, что узнал от Гастона. То, что Лу знала сама, она подтвердила, явного вранья в показаниях Гастона не нашла. Обговорив последние детали плана, они пошли экипироваться.

Очень важно было защитить Кармана. Арк специально провел несколько дней на разных базарах, разыскивая что-нибудь подходящее, и наконец нашел – кожаный ошейник с полустертым жетоном. Ошейник был великоват, но защиту давал изрядную. Затягивая его на шее песика неожиданно непослушными руками, Арк ласково гладил Кармана по вислым ушам и холке, стараясь, чтобы волнение не передалось собаке. Карман же был счастлив: он любил Арка и любил Лу, которая старательно гуляла и дружила с ним всё это время, и вот они все вместе куда-то собираются! Арк знал, что всё готово, все ловушки расставлены и всё оружие проверено и заряжено, он знал: когда дойдет до дела, его волнение улетучится и останутся только уверенность и напор, но всё равно переживал.

– Держи, – Лу вошла в комнату и бросила ему кофту. На ней красивой аккуратной вязью было выведено: «**Scarlett Johanssoon**». Лу, Арк и Акхил работали над

этой кофтой больше двух недель, но основная работа всё-таки легла на плечи девушки. Надпись была прекрасной и четкой. Арк погладил ее рукой и улыбнулся.

– Готов? – спросила Лу.

– Нет, – сказал он, и девушка улыбнулась в ответ.

XXXII.

Высокого человека в массивной куртке и с собакой заметили в небольшом парке на Хельмхольцплатц, минутах в двадцати ходьбы от Иммануилкирхе. Два миньона, совершавшие ночной патруль, зябли под дождем в своих бесформенных балахонах и больше всего мечтали о том, чтобы оказаться дома, в бараке при кирхе, уснуть на жестких, но таких знакомых матрасах и чтобы весь экшн выпал на долю кого-нибудь другого.

– Глянь, – сказал миньон Павел, указав соратнику на две тени, что-то ищущие в парке, большую и очень маленькую.

– Ну что, это он?

– А кто?

– Kurva, – смачно подытожил миньон Ульрих, который за время дружбы с Павелом поднабрался хлестких польских словечек. – Ну, давай.

Миньон Павел выпустил из руки синюю молнию в сторону теней, а миньон Ульрих со всей силы дунул в висевший на груди рядом с Амулетом Верности жестяной свисток. Вся площадь оживилась этим залиvistым свистом, его сразу подхватили в соседнем квартале, а затем дальше и дальше, разнося по всему Пренцлауэр-Бергу, собирая, подзывая подмогу.

Молния попала в мужчину, бессильно скользнула по его куртке и ушла в землю. Его пес, маленький сердитый терьер, яростно залаял. Мужчина достал из кармана револьвер, выстрелил в миньонов, промазал и кинулся наутек.

Миньоны посмотрели друг на друга. Ульриху было лет тридцать, он был поджар и мускулист. Павелу перевалило за шестой десяток, он обрюзг, и его балахон топорщился на заметном брюшке. После этой напряженной, но молчаливой беседы Ульрих чертыхнулся и припустил за беглецом, а Павел стал кидать молнии, поджигая вершины деревьев и озаряя тихую темную площадь ослепительными синими и оранжевыми вспышками, словно полицейская машина. На площадь начали выбегать новые миньоны. Большая охота, к которой все готовились уже несколько недель, началась.

Мужчина и собака бежали уверенно и быстро. Ульрих метнул им вслед пару молний, но промазал и тоже сосредоточился на беге. Главное было не дать им убежать слишком далеко на северо-запад, где начинался район Гезундбруннен – зона другого колдуна. Ульрих бежал и иногда швырял молнии в крыши домов, чтобы Павел и остальные могли следить за его передвижениями.

Беглецы неожиданно и резко свернули налево. Ульрих краем уха уже слышал за собой подмогу, поэтому остановился и крикнул во весь голос: «Паппельаллее! Обходи!» Часть бежавших сзади миньонов затормозили и бросились в обход по параллельной улице. Паппельаллее была длинной и прямой, сворачивать с нее было некуда, и можно было попробовать взять преследуемых в клещи.

Убегающий мужчина вдруг метнулся в сторону, подхватил собаку на руки и перемахнул через забор. Ульрих резко затормозил. За забором находилось полузаброшенное кладбище. Это было опасное место, полное колдовской силы и чужих воспоминаний. Ульрих впервые подумал, что это могло быть западней. С другой стороны, у кладбища было всего два выхода и к ним обоим уже подбегали свои.

XXXIII.

Кладбище было идеальным местом для битвы. Лу деактивировала грим-брошь, погладила тяжело дышавшего Кармана и осмотрелась. Все приготовленные фокусы оставались на месте. Благодаря Гастону Лу и Арк знали, что у Иммануила осталось четырнадцать дееспособных миньонов, из которых четверо или пятеро непременно оставались охранять кирху. Оставшийся десяток будет нейтрализован расставленными и замаскированными ловушками, и Иммануил останется почти без армии.

На кладбище было абсолютно темно, поэтому Лу прикрыла глаза и стала слушать. И со стороны Паппельаллее, и со стороны Лихенерштрассе доносились возбужденные голоса. Еще немного – и они пойдут на штурм.

Чтобы слегка подстегнуть события, Лу достала из кармана зажигалку и кинула ее на пропитанную бензином землю, надеясь, что дождь не успел ничего смыть. Сердце у нее колотилось от возбуждения. Огонь моментально разбежался по нарисованным линиям, принимая форму неровной октаграммы, издали напоминающей портал в Изнанку. По задумке Аркадия, это должно было вынудить миньонов атаковать, не дожидаясь того, что из этой Изнанки вылезет.

Так и произошло. Миньоны затыкали в полыхающую октаграмму пальцами, возбуждение в их голосах усилилось. Обвесившись защитными полями, они медленно и неуверенно пошли в наступление. Разведенный Лу огонь был ярким, но локализованным и позволил девушке спрятаться в глубине кладбища, зато отлично освещал нападавших. Они зашли одновременно с обоих входов, двумя аккуратными вереницами. Это было разумно, поскольку минимизировало шансы попасться в напольные ловушки. Стоявшие сзади принялись тушить огонь, а передние рыскали фонарями и молниями по кустам в поисках Лу. Она не стала дожидаться, пока ее найдут, – насчитав на кладбище одиннадцать фигур, Лу приступила к следующей фазе. Мысленно потянувшись к Карману, она открыла Пасть. Все последние недели она работала над тем, чтобы песик полюбил ее и

доверял ей, что было необходимым условием для их телепатической связи. Пурпурный портал Пасти раскрылся перед ней муаровым цветком. Неловко скрючившись, Лу полезла внутрь.

Несмотря на десятки тренировок, она так и не смогла привыкнуть к этому липкому, обволакивающему ощущению. Внутри Пасти было темно, тесно и как будто влажно, хотя никакой жидкости там быть не могло. Вероятно, это просто было игрой воображения Лу, вкупе с запахами, которые она иногда чувствовала внутри. Когда-то в колледже она участвовала в эксперименте с депривацией чувств. Пребывание в Пасти чем-то напоминало эту спокойную, плавную нирвану – правда, с неземным духом. Не считая того, конечно, что их с Карманом в любую секунду могли найти и убить.

Здесь она была еще сильнее телепатически связана с собакой. Она могла читать его простые мысли, видеть его глазами. Она не управляла им, как марионеткой, но, скорее, могла намекать, подталкивать его в нужную сторону. Карман, прячась за бурной кладбищенской растительностью, пополз мимо осмелевших и рыскавших по парку миньонов. Его никто не видел или не обращал на него внимание. Все искали Арка.

Карман тихо-тихо вышел на Паппельаллее и отошел от входа на кладбище, Пасть раскрылась, и из нее выпала Лу. Она тяжело дышала, ее тошнило, надсадно болела голова. Но девушка попыталась взять себя в руки. Самым важным сейчас было активировать наложенные на кладбищенские ворота заклинания и запереть всех миньонов внутри. Она встала на ноги и обнаружила, что не одна. Вокруг стояли шесть фигур в длинных и очень знакомых ей балахонах. Но вместо лиц на нее смотрели оскалившиеся собачьи морды.

XXXIV.

Высокий человек без собаки вышел из темноты и дождя прямо ко входу в Иммануилкирхе. Одет он был в мокрое пальто, надетое поверх спортивной кофты с капюшоном. Лицо человека было в тени, но бывалый читатель уже понял, что это и есть настоящий Арк. Кирха была обнесена высокой кованой оградой, прутья которой напоминали мечи рукоятью вверх. Стояла необычная для этого часа ночи тишина. Окна в окрестных домах не горели. Лишь над входом в кирху мягким золотым светом тревожно мерцал церковный портал с изображением Спасителя.

Арк достал из кармана пальто Амулет Луизианы и приложил к воротам ограды. Те со скрипом отворились внутрь, и церковь сразу ожила. Внутри загорелись синие и белые огни, освещая улицу через высокие витражные окна, и статуя ангела под самой колокольной засияла. Из церкви вышли четверо. Они носили балахоны учеников, но в их манере держаться не хватало уверенности. На груди у всех четырех висели знакомые Арку Амулеты Верности. Это были не ученики, а миньоны – возможно, наиболее способные из всех, которых Иммануил срочно взял в

обучение. Об этом Арк знал от Гастона. Знал он и о том, что Иммануил меньше всего хочет показать, как его боится.

Пришел черед Скарлетт.

Арк поднял руки вверх и произнес заклинание. Кольца на его руках – два гладких золотых на левой и одно с рубином на правой – вспыхнули ярким оранжевым пламенем. Следом за ними загорелись надписи «**Scarlett Johanssoon**». Они вспыхивали и на соседних домах, и на более дальних, и на самых окраинах зоны. Некоторые были начертаны крупно и отчетливо, некоторые прятались в малодоступных местах и вообще не бросались в глаза, но все они разгорались всё ярче и ярче, пока район Пренцлауэр-Берг, точнее, его принадлежавшая Иммануилу часть, не начал напоминать себя до Смещения, когда его ночные улицы были ярко освещены фонарями и витринами магазинов. Оранжевые струйки змеились по улицам, собирались в ручейки, а те объединялись в широкие реки. Поток силы ударил в Арка, и та же надпись, «**Scarlett Johanssoon**», каллиграфически нанесенная на его кофту, приняла его и передала владельцу. Его чуть было не подбросило вверх от распирающего чувства всемогущества и вседозволенности. Он вдруг почувствовал каждый дом, каждую надпись, с которой был соединен паводком силы, почувствовал себя большим раскинувшимся на целый район осьминогом. «А эти так чувствуют себя постоянно», – пронеслась у него в голове шальная мысль.

Миньоны начали шевелиться, и Арк ударил – рефлекторно, не раздумывая. Прежде, чем первая молния успела сорваться с пальцев противников, кольца на его руках выпустили длинные полупрозрачные щупальца. Они обвились вокруг Амулетов Верности миньонов и потянули их на Арка, со всей силы натягивая шнурки. Миньоны опешили, а их Амулеты вибрировали и искрили от колдовского напряжения. В каждом Амулете работала простая программа: если его хотят сорвать со шнура, нужно как можно сильнее сопротивляться. Все на секунду замерли. Арк держал миньонов за Амулеты, как опытный кучер четверку лошадей. Ноги его заскользили по земле, кольца на руках опасно нагрелись, и тогда он что есть мочи дернул, а потом отпустил. Резко, в одну секунду Амулеты Верности потеряли силу, которой так усердно сопротивлялись, и, подчиняясь теперь уже законам физики, полетели назад. Четыре жестяные квадратные таблички со страшной силой врезались в незащищенные шеи своих носителей. Двое полностью лишились голов и умерли сразу, паре других повезло чуть меньше. Четыре изуродованных тела упали на пол.

Арк еще раз потянулся к своему запасу силы, надпись «**Scarlett Johanssoon**» на его груди нестерпимо засияла, и он ударил по церковной двери, не сдерживаясь, наотмашь. Дверь со страшным треском слетела с петель и пролетела метра на три внутрь церкви. Статуя на крыше церкви расправила крылья, и лишь тогда Арк понял, что это совсем не статуя. Ангел грациозно спланировал вниз и тяжело

опустился на землю прямо перед ним, вытянувшись во весь свой трехметровый рост. Его глаза слепили золотым огнем. Так Арк впервые увидел Иммануила.

XXXV.

Это не входило в расчеты. Об этом даже не рассказал Гастон. То ли специально умолчал – и Лу снова почувствовала досаду, что не смогла отомстить ему сама, – то ли даже не знал об этом договоре с Лихтенхерцами. С другой стороны, она не хотела убивать именно миньонов Иммануила, хотя весь их с Аркадием план строился вокруг этого, а вот по поводу собачьих ублюдков сантиментов у Лу было гораздо меньше. Она выхватила револьвер и выстрелила в ближайшего, с мордой ротвейлера.

Пуля просвистела мимо, хундескопф отрывисто гавкнул. Лу с ужасом почувствовала, будто по ее телу ползут змеи. На самом деле ее ноги оплетали широкие кожаные ремни. Карман бешено зарычал и прыгнул на этого псоглавца, но тот просто отшвырнул его рукой. Собачка отлетела в сторону с жалобным писком. Ноги Лу оказались полностью связаны, она попыталась выстрелить еще, но хундескопф с головой овчарки дернул за один из ремней, и она с криком упала на пол. Шрам на лице горел. Она перевернулась и увидела склонившиеся над ней фигуры. Их было уже штук десять, псоглавцы и иммануиловцы вперемешку. Она узнала Павела, Фариду, Кристину, нескольких других. Ее бывшие товарищи бесстрастно наблюдали, как ремни стягивают ее руки и лишают возможности сопротивляться.

– Стойте, – сказала Лу, задыхаясь. – Подождите, вы не обязаны это делать. Вы можете... картина с двумя гвоздями, вы... можно снять Амулет, вы...

Взгляды людей, которых она считала друзьями, из-за которых она как-то раз поссорилась с Аркадием, ради которых и был придуман весь этот план с отвлечением внимания, оставались стеклянными. Они даже не выражали удивления по поводу того, что в большой тяжелой куртке оказался не Арк, а она.

Куртка ее и спасла. В самый последний момент, когда ремень уже плотно стягивал ее локти, Лу сумела вытянуть левую руку из рукава, и та осталась свободной. И всё это время, судорожно говоря бессмысленные слова, она пыталась дотянуться этой рукой до внутреннего кармана куртки. А когда дотянулась, то крепко сжала лежавшую там мельхиоровую десертную ложку.

Тело девушки выгнулось, и грудь ее будто разверзлась. Из нее, сверкая лиловыми, фиолетовыми и белыми всполохами, как бабочка из кокона, вылез Тараск. Он вываливал свое длинное массивное тело из отверстия в земле, где только что лежала Лу, разбрасывая во все стороны слизь и кислоту, исторгая ужасающие звуки и запахи, атакуя все имеющиеся чувства одновременно. Миньоны вперемешку с хундескопфами разлетелись в стороны, кто-то пытался убежать, кто-то валился на землю, зажимая руками нос и уши. Тараск издал свой финальный

рев и исчез, испарился в воздухе, оставив лишь бродившее по Паппельаллее эхо и подброшенные ветром листья. А с того места, откуда он появился, ничуть не смущенная произошедшим, поднималась на ноги Лу, сумевшая разрезать ремни. Старый торговец иллюзиями, продавший им грим-брошь, долго работал с Аркадием, стараясь придать Тараску реалистичность и необходимые эффекты.

Лу подбежала к скорчившемуся на земле Карману, открыла Пасть и достала оттуда несколько жезлов и самодельный огнемёт, состоявший из монтажного пистолета и канистры с бензином. Очертив вокруг себя и песика огненный круг, Лу стабилизировала его электромагнитным полем, создав защитный купол огня. Пришедшие в себя первыми хундескопфы стали злобно ходить вокруг него, щелкать зубами и облизываться.

Это дало девушке возможность отдышаться, но не решило основной проблемы. Защитное поле не пробивалось молниями и фокусами псоглавцев, но силы Лу были не бездонными, а врагов оказалось очень много. Она лишь могла надеяться, что у Аркадия дела идут лучше, но Амулеты Верности иммануиловцев, очевидно, всё еще продолжали работать, и это пугало даже больше, чем ее собственная судьба. Именно поэтому, почувствовав легкую вибрацию трамвайных путей, проложенных на Паппельаллее, Лу не сразу осознала, что помощь пришла с неожиданной стороны. Окончательно она поняла, что случилось, когда знакомая ей дрезина со всего разгона влетела в строй окруживших ее говнюков и сукиных детей, и Ирджих, больше мира, страшнее Тараска, кинулся на ее защиту.

XXXVI.

Арк смотрел на массивного ангела снизу вверх – по-другому просто не получалось. Иммануил улыбался, спокойно, самодовольно. Внутри него бушевала сила, и ничто из того, что Арк выкачал из окрестных домов, не могло сравниться с накопленным годами. Иммануил мог раздавить Арка, как муравья. Но одна слабость, если верить Лу, у него всё-таки была, и на эту слабость были поставлены успех всей операции и жизнь ее участников.

За спиной Иммануила виднелся меч. Гигантский, под стать хозяину, с пылающей рукоятью и ажурным навершием. Иммануил очень любил этот меч и никогда без него не показывался на публике. Единственное, что Лу никогда не видела, это как он им владеет, поскольку, даже если очень любишь это дело, крайне редко выпадает возможность воспользоваться гигантским мечом. Идея Лу заключалась в том, что Иммануил не устоит перед возможностью, как ребенок, помахать железякой. И чем больше Арк смотрел на крылатого гиганта перед собой, тем больше в ней сомневался. Но было поздно.

Арк коснулся ярко-оранжевого слова «*Johannssoon*» на кофте. Надпись послушно откликнулась и словно вылупилась из ткани, стала трехмерной. Первые три буквы стали рукоятью с простой гардой из перекладкины на букве **h**, а буквы **a**,

n, n, s, s, o, o и **n** еще чуть выросли и склеились в угловатое, неуклюжее лезвие длиной в руку, сохранив при этом свою форму. Арк вызывающим жестом вытянул фамилию актрисы вперед и выкрикнул:

– Иммануил! Я, Аркадий Колесничий, вызываю тебя на дуэль до смерти, да поможет тебе бог!

Ангел расхохотался и выхватил свой меч. Он был роскошен. В полтора раза длиннее и в два раза шире, чем меч Арка, он пылал желтым и голубым пламенем, а по его лезвию – цельному и на вид крайне острому – вязью струились замысловатые надписи. Налитые пламенем глаза Иммануила выражали искренний восторг. Было видно, что он давно мечтал порубить этим прекрасным мечом что-то кроме колбасы.

– Я ПРИНИМАЮ ТВОЙ ВЫЗОВ, СМЕРТНЫЙ, – ответил он.

Арк ожидал более впечатляющего голоса, с какими-нибудь небесными обертонами или божественными компонентами. А голос был просто громким, да еще и подрагивал от возбуждения. Зато Арк оценил обращение «смертный».

Ангел нетерпеливо махнул своей железякой, и мечи скрестились. Огненное железо шириной в ладонь угодило между двух букв **S**. Сила удара была впечатляющая, рука Арка чуть онемела. Иммануил, как этого можно было ожидать от трехметрового бугая с крыльями, был крайне силен. Арк шагнул назад и контратаковал. Ангел отбил и сделал два молниеносных выпада. Меч ударял между **s** и **o**, между **n** и **s**, последний удар Арк отбил самым кончиком, и лезвие попало в выемку **n**. Рука Арка уже сильно болела. Спасало только то, что Иммануил, по всей видимости, не умел использовать какие-то сложные финты, а просто рубил сплеча, надеясь победить голой силой. И у него, надо сказать, получалось. Законы физики, к сожалению, были на стороне трехметрового ангела. Он бил и бил, казалось, всё быстрее и сильнее, и Арк уже порой не успевал отбивать удары. Уголок второй буквы **s**, место, где **a** переходит в **n**, граница между **s** и **o** – всё это не подходило. Арк надеялся, что сможет корректировать свои контратаки по ходу дела, но скорость и мощь натиска ангела полностью исключали эту возможность. Наконец меч Иммануила попал куда надо – между двумя буквами **o**. Широкое лезвие не встретило привычного сопротивления, и мечи прошли сквозь друг друга. Арк был к этому готов и ушел в сторону, а Иммануил – нет, поэтому просто глупо смотрел, как самый кончик буквы **n** рассекает ему горло. Кровь – обычная, красная – брызнула на ступени кирхи. Ангел упал на колени, и глаза его наконец-то оказались вровень с глазами Арка. Лицо Иммануила выражало абсолютное удивление.

– Нигош, – быстро сказал Арк и помахал лезвием меча перед глазом ангела. – Где он? Как его вернуть? Скажи, и я сохраню тебе жизнь.

Ангел попытался что-то произнести, но слова перемешались с кровью, и до Арка донеслось только невнятное бульканье. Больше ничего не сказав, Иммануил повалился лицом вперед, и Арк еле успел отпрыгнуть. Он всё-таки оказался не единственным смертным участником этой странной дуэли.

XXXVII.

Команда антикваров и Лу подъехали к кирхе на дрезине. Церковь уже не светилась сигнальными огнями и казалась мертвой, как и дома вокруг. На ступенях у входа рядом с трупом ангела сидел Аркадий. Он показался Лу маленьким и одиноким. Лу думала, что ей захочется пнуть труп Иммануила, выплеснуть куда-то копившуюся годами ненависть, но когда они подошли, это желание испарилось. Иммануила больше не было. Ненавидеть было некого. Это было тяжело перенести.

Веселился только один Пшигода. Он захлеб пересказывал историю, как ему удалось убедить Серба, что Арк в качестве соседа будет гораздо приятнее Иммануила, и шансов у них довольно много, как они ехали на помощь и увидели выпущенную Лу иллюзию Тараска, как стремительно разворачивалась битва с миньонами и хундескопфами и как в какой-то момент миньоны начали разбегаться, когда их Амулеты Верности перестали работать. Оставшиеся псоглавцы сдались и были с позором изгнаны из Пренцлауэр-Берга.

– Хундескопфы, – сказал Аркадий. – И у Башни были хундескопфы. Это не просто так. Мне нужно искать у Лихтенхерцев.

Оказалось, пока антиквары ехали к кирхе, Аркадий зашел внутрь и перерыл всё в личных покоях Иммануила в поисках хоть какой-то зацепки, где искать Хозяина. И не нашел ничего. Ни одного упоминания, ни малейшего намека. А сейчас Лу с досадой увидела, что в глазах Арка разгорался новый огонь – и тем ярче, чем больше он думал о Лихтенхерцах.

Пшигода позвал всех праздновать на Алекс, но Аркадий остался, а Лу поехала с ними. И напилась в тот вечер сильнее, чем рассчитывала.

Когда она вернулась, проспавшись на следующий день, Иммануилкирхе уже была другой. Исчезла окружавшая ее аура душного и мутного ужаса, и теперь она была просто церковью, одной из многих. Труп Иммануила превратился в золу и пепел. Изнутри церковь тоже изменилась. За ночь Аркадий открыл все витражные окна и пустил внутрь свет, и из мрачного, заполненного тенями и полутонами зала кирха превратилась в освещенное открытое пространство.

Когда Лу вошла туда, Аркадий как раз пытался двигать трон Иммануила. Карман копошился рядом. Трон был массивным, позолоченным, но на свету казался темным и каким-то прокопченным. Лу подошла к нему, думая, что сейчас будет прощаться.

– Молодец, что пришла, – сказал Аркадий. – У меня для тебя деловое предложение.

– Какое?

– Что ты чувствуешь?

Лу повела плечами и вдохнула побольше воздуха. Церковь была наполнена силой, и это уже была не сила Иммануила. Но и не сила Аркадия.

– Тут очень много энергии, – сказал Арк. – Я мог бы постепенно настроить всё под себя, научиться пользоваться ей в полной мере. Но мне кажется, тут хватит и на двоих. А мне очень нужен партнер. Что скажешь?

Лу, не до конца понимая, посмотрела на него.

– Наш стартап не может похвастаться отличными условиями. Будущее его туманно, и опасность поджидает на каждом шагу. Но зато я гарантирую быстрое продвижение по службе.

– А чем мы будем заниматься? – спросила Лу.

– Поиском, – глаза Аркадия на секунду потемнели. – Поиском людей и предметов. Система, которую придумал Арк за ночь, расчищая церковь и сжигая труп прошлого ее владельца, была не нова, но в чём-то революционна. Вместо того чтобы захватить всю колдовскую силу себе, как поступали все колдуны до него, он предложил сделать что-то похожее на резервуар, доступ к которому будут иметь несколько человек. И помимо защиты для местных жителей они будут оказывать услуги другим колдунам. Или кому угодно, способному заплатить. Таким образом Аркадий хотел выйти из цикла всеобщей конкуренции и борьбы за место и получить более широкий доступ ко всему городу.

– Нас будут бояться и уважать, – сказал он. – Мы только что убили великого колдуна.

– Не имея и десятой доли его силы, – согласилась Лу. – А сейчас его сила у нас. Это и предупреждение...

– ...и реклама.

В течение нескольких месяцев они готовились. Перенимали силу кирхи, меняли ее под себя. Ставили собственную защиту, нанимали людей, пару раз пришлось отбиваться от чрезмерно любопытных соседей. Девушку полностью захватила возможность строить что-то абсолютно новое. Кроме того, она оказалась довольно сильной и способной колдуньей. Аркадий тоже отложил поиски Нигоша и атаку на Лихтенхерцев. Он много платил за любую информацию о них или о Музейном острове, но, к радости Лу, не посвящал этому всё свое время.

Однажды, морозным февральским днем, по Пренцлауэр-аллее, раскидывая во все стороны зеленый и бирюзовый снег, проехала настоящая машина. Лу не видела такие уже лет десять – бензин был дорог и в основном использовался для отопления. Машина остановилась у кирхи, и из нее вышла молодая светловолосая женщина в длинном изящном пальто. Она буквально лучилась от колдовской силы. Секунду посмотрев на кирху, женщина подошла к входу и постучала в дверь. Лу открыла.

– Доброе утро, – сказала гостя, ослепительно улыбнувшись. – Меня зовут Доротея Лихтенхерц.

Глава 4. Между Шпрее и мостом

XXXVIII.

Зима в том году началась рано. В сером пледе неба словно проделали небольшую дыру, и крупные белые хлопья медленно, но непрерывно кружили перед глазами, стоило лишь кинуть взгляд на улицу. Иммануилкирхе, которую Арк всё думал переименовать, запорошило снегом, и кроваво-красные ее кирпичи казались под ним чем-то невинным, вроде клубники со сливками или шапки Санта-Клауса.

Арк откинулся в кресле. Он сидел в своем кабинете, некогда бывшем спальней Гастона. За прошедший месяц с копейками ему так и не удалось привыкнуть к произошедшим переменам. Жизнь протекала заметно медленнее, подчеркивая, что разница между разрушением и созданием – в основном в кинетике процессов. Напротив Арка висела большая карта их с Лу зоны, от Александрплатц до Остзеештрассе и от Грейсвальдер-штрассе до переулков около Шёнхаузер-аллее. Кусок, по меркам города, не гигантский, но внушительный. Постоянно в нем проживало чуть более пяти тысяч человек, расселившихся в основном неподалеку от кирхи. Было в зоне несколько лавок менял, мастерские по пошиву одежды и расположившаяся на бывшем кладбище крупная беличья ферма. Белки после Смещения выросли до размеров коз, и их мясо считалось деликатесом у тех, кто мог их догнать.

Не мог Арк привыкнуть и к переполнявшей его силе. Сотни домов по хорошо ощущаемым каналам перегоняли свою колдовскую энергию через кирху к владельцу, и даже учитывая, что ему доставалась только часть этой энергии, внутри захваченной церкви он был истинным колдуном в Башне, а потому практически всемогущим. Но из-за отсутствия опыта это мешало и тяготило. Арк не до конца понимал и не до конца чувствовал границы своих возможностей. А также не до конца понимал, что ему с ними делать. Многие колдуны, типа Нигоша или Иммануила, меняли свое тело для лучшего использования новых способностей. Арк этого делать не стал – в основном из опасений, что не сможет вернуть всё обратно. Многие создавали внутри своей Башни свой собственный мир, с изобретательными фантомами или роскошными видами. Иммануил, к примеру, возвел себе алтарь из рубинов и янтаря, который, словно ледяной, некрасиво таял и плавился еще несколько дней после его смерти. Арк ограничился спальней и удобным кабинетом с большим окном. Многие колдуны заводили себе готовых выполнить любые капризы прислужников и миньонов. Арк этого делать не стал, и не только из-за Лу, которой сама идея миньонства была отвратительна.

Самой Лу он немного завидовал. Ей всё давалось значительно легче, особенно манипуляции с новоприобретенной силой. Она тоже не стала изменять свою внешность, только скрыла шрам на щеке. На месте неровного розового пятна появилась татуировка – изображение дикой птицы. Когда Арк спросил ее об этом,

Лу пояснила, что это osprey – скопа, дикая птица из каролинских лесов. Оспри была ее фамилия, кроме того, у ее бабушки жила ручная скопа, с которой Лу дружила в детстве.

Лу вообще очень изменилась за последний месяц. Со смертью Иммануила, казалось, начала уходить в небытие та ее часть, которая делала Лу робкой, неуверенной в себе девчонкой. Сила наполняла ее, жила в ней, питала и медленно меняла изнутри. К Лу возвращалась уверенность в себе, которую отбили годы миньонства.

Именно Лу взяла на себя организационную часть их «стартапа». Центральный неф кирхи был переоборудован из тронного зала со средневеково-дикарскими элементами типа факелов и дыб в нечто среднее между современным офисом и баром. Было не так уютно, как в кают-компании на Алексе, но вместительнее и официальнее. В кирхе стали появляться новые люди. После смерти Иммануила все его Амулеты Верности потеряли силу. Миньоны в большинстве своем разбежались, но Лу нашла нескольких бывших знакомых и предложила им работу. Это была именно работа – люди становились не миньонами, не слугами и не наемниками-антикварами, а полноправными сотрудниками, получавшими регулярное вознаграждение за ежедневный спокойный труд. Работа их заключалась в основном в путешествиях по всему Берлину и в поиске и упорядочивании информации – значительная часть кирхи была отведена под архив. Оказалось, крайне важно знать, где что находится, где кто живет и где что лежит – и, в последних случаях, как это можно достать.

Одной из первых к ним пришла Пилар. Ей по рекомендации Оксаны нужно было определенное лекарство для сына. Ульрих и Павел, новоприобретенные агенты кирхи, перерыли Александрплатц, Осткройц и Фридрихсхайн в поисках информации об этом лекарстве. Наконец, во Фридрихе обнаружился аптекарь, который помнил, как незадолго до Смещения нужное средство была заказано на один из складов больницы Шарите в Шарлоттенбурге. Арк и Лу наняли у Сербана команду Пшигоды и впятером, рискуя жизнью, отбили целый ящик этого лекарства у мутировавших цветов и их детей. Заплатить Пилар им не могла, но вместо этого предложила свои услуги на постоянной основе. За ней довольно быстро в кирху перебрался и Ахил, которому сразу поручили делать то, о чём он давно мечтал, – разрабатывать новые электронно-колдовские технологии.

Подвалы церкви переоборудовали в большую мастерскую, а в центральном зале с тех пор поселилась здоровенная доска для игры в го.

Оставался Пшигода, гордо и обиженно ждавший, когда его позовут. Лу пошла договариваться с ним, а Арк – с Сербом. Старый мерзавец отказывался до последнего, пока не выторговал себе десять процентов от заработанного в следующий год. Тогда он задумался, его глаза под закрытыми веками долго бегали

туда-сюда, а потом он, наконец, смачно плюнул в свою заскорузлую ладонь и протянул ее Арку. У Лу проблем вообще не возникло.

XXXIX.

Наличие работников позволяло Арку сфокусироваться на собственных поисках. Копал он в двух направлениях и перво-наперво собрал воедино всё, что связано с семьей Лихтенхерц. Вторым направлением поиска было изучение способов мгновенной телепортации крупных предметов. Последнее удавалось не очень хорошо: подобное колдовство известно не было, а самое обидное – все признавали, что если кто-то о нем и может знать, так это сам Нигош. Несмотря на это Арк всё еще не верил, что его Хозяин сбежал, оставив его одного. Не хотел в это верить. Арк снова и снова прокручивал в голове события того дня, на стене напротив окна появилась практически поминутная разбивка: с момента, как он добрался до Башни, и до момента исчезновения Хозяина и атаки врагов. Арк собирал свидетельства очевидцев, даже искал миньонов, участвовавших в том нападении. Ульрих и Павел смогли передать ему наиболее полную картину, но всего этого было катастрофически мало. Не ясно было, скажем, почему, находясь внутри Башни в момент телепортации, никуда не переместились ни Арк, ни Карман. Были также другие, более технические вопросы. Что-то внутри всё же убеждало Арка, что Хозяин не сбежал самостоятельно, что его забрали против воли и что разгадка находится где-то у Лихтенхерцев.

На этом фронте Арк тоже продвинулся недалеко. Он собрал всю общеизвестную информацию, но как следует углубиться в историю и тайны этой семьи ему не удалось. Основные же факты были таковы. Клан Лихтенхерц состоял из шести человек, трое из которых были членами Совета Одиннадцати: глава семьи Виктор Лихтенхерц, его жена Клавдия и старший сын Вильгельм. Занимали они три главных здания на Музейном острове – Берлинский кафедральный собор (он же Берлинский Дом), музей Пергамон и Новый музей. Среднему сыну Отто, дочери Доротее и ее мужу Франсуа принадлежали Старый музей, музей Бодэ и здание Национальной галереи. Семья их была именно семьей, единой силой, вместе путешествовавшей по Изнанкам и вместе набиравшей силу и опыт. Все шесть Башен были складами артефактов невероятной древности и мощи, что делало их обладателей чрезвычайно опасными противниками для кого бы то ни было. По территории и населению Музейный остров был невелик, но он являлся самым центром города, историческим, духовным и культурным, и накопленная в нем сила превышала все разумные пределы. Кроме того, Музейный остров был именно островом, то есть со всех сторон был окружен рекой Шпрее. Проникнуть на него незамеченным казалось невозможным. Лихтенхерцы строжайшим образом охраняли свои секреты и превратили всё население острова в хундескопфов – своих псоголовых миньонов, Амулетами Верности которых служили их же

неотделимые от тела собачьи головы. Шансов подкупить или освободить такого миньона также не было.

Лихтенхерцы были чрезвычайно влиятельны во всём городе, с руками в сотнях карманов. Они наверняка смогли бы захватить в нем власть, если бы не отдельные сильные колдуны, вроде Александра или Этваса Андереса. Или Нигоша. Арк, к стыду своему, осознал, что не имел ни малейшего понятия о природе вражды между ними и Хозяином. Когда он жил в Башне, привычки задавать лишние вопросы у него не было, и он просто делал всё, что прикажет Нигош. Сейчас же, набрав кое-какие данные и имея время как следует пораскинуть мозгами, Арк понял, что, перефразируя Сократа, ничего не понимает, по крайней мере, когда дело доходит до мотивации владельца Темной Башни Осткройца. Нигош вообще выбивался из ряда колдунов Берлина: несомненно могущественный, специалист по порталам в Изнанки и обратно, он тем не менее не захватывал власть во Фридрихсхайне или Осткройце, а ограничивался лишь своей Башней, предпочитая отшельническую жизнь вместе с парой-тройкой питомцев. Интересы Хозяина словно бы лежали совершенно в иной плоскости, чем медленное накапливание силы, но какими они были на самом деле, Арк не знал.

XL.

Внизу раздался гул голосов, и по спине Арка пробежали мурашки: в кирху вошел кто-то чужой, обладающий значительным запасом силы. Он вздохнул, надел пиджак и вышел из кабинета. Они с Лу долго спорили по поводу «рабочей униформы» – не в балахонах же им было ходить – и в конце концов остановились на стиле «бизнес кэжуал», который успешно разъедал всем глаза до Смещения, но успел основательно забыться после и поэтому воспринимался как нечто новое и смелое.

– Будет символично, – сказала тогда Лу, и Арк был вынужден согласиться.

Спустившись со второго, «директорского» этажа, он вошел в центральный зал. С левой стороны, почти с самого входа, тянулась барная стойка, за которой стояли полки с книгами, картами, инструментами, оружием и, да, бутылками со спиртным. С другой стороны стояли несколько столов, которые можно было воспринимать и как письменные, и как обеденные, и удобные кресла. Один из столов был целиком занят акхилловской доской для го. Зал пустовал, за исключением того, что в двух креслах друг напротив друга велась напряженная, но молчаливая борьба.

Лу выглядела как обычно: строгий деловой костюм, узкая юбка, коротко стриженные волосы, десяток браслетов на руках. Ей в целом шла серо-зеленая гамма, но вкупе с прической костюм делал ее похожей на птицу на ее щеке – хищной, напряженной.

Ее противница, молодая светловолосая женщина, была одета с не меньшим вкусом, но совсем в ином стиле. На ней были светлые брюки свободного кроя и

вязанный объемный свитер бирюзового оттенка. На подлокотнике кресла висело сложенное пальто. Видимых украшений на женщине не было; длинные, чуть выющиеся волосы нарочито небрежно были разбросаны по плечам. Она была красива. На вид ей было меньше тридцати, но Арк уже знал, как может быть обманчива внешность. А главное – эту женщину абсолютно переполняла сила. Арк не помнил, чтобы кто-то прежде настолько явно и дерзко демонстрировал бы свое могущество. Даже Иммануил в пылу битвы, даже Этвас Андерес в пылу торговли. Негласным правилом этикета было маскировать свои силы, не выделяться, не показывать руки, особенно при удачной сдаче. Но эта женщина плевала на условности и играла в открытую.

Арк подошел к ним, перевел взгляд на взволнованную Лу, потом обратно на гостью. В ответ увидел чуть заинтересованное спокойствие с толикой насмешки, еле видной в глубине темно-синих глаз.

– Доротея, – представилась женщина и протянула руку. Одно украшение на ней всё-таки было – тонкий ободок золотого кольца на безымянном пальце.

– Аркадий, – их ладони встретились. Ее рука была теплой и очень нежной. – Чем мы можем помочь?

В то же время Арк стягивал к себе все свободные ресурсы Иммануилкирхе. Если этот визит перерастет в битву, им с Лу потребуются абсолютно все накопленные силы.

– Надеюсь, многим, – сказала Доротея Лихтенхерц. Ее голос был тихим и мелодичным, она чуть тянула гласные, что создавало необычный акцент. – Мне нужна помощь.

Арк сел на свободное кресло.

– В ночь с десятого на одиннадцатое октября, – начала Доротея, тщательно подбирая каждое слово, – в Поезде, идущем от Цоо до Александрплатц, произошел взрыв. Считается, что виновник этого – колдун Нигош, владеющий Башней Остройца, – она запнулась и посмотрела прямо на Арка, – твой Хозяин. Сразу после этого он исчез, – еще один взгляд на Арка, таинственный, спокойный. – Я, скажем так, не верю в его причастность. Хотела бы провести независимое расследование. А кто может провести его лучше, чем человек, разделяющий мою точку зрения?

– У нас нет доступа к Поезду, – быстро сказала Лу.

– Это верно, но вы можете попросить доступ у Совета Города.

– Хорошо, а нам это зачем?

Доротея улыбнулась Лу обворожительной улыбкой.

– Грядут большие перемены, и очень скоро. Ваш выбор – успеть в этот Поезд или бежать вслед за ним.

– Или убежать от него по рельсам, – сказала Лу.

– Мы согласны, – вдруг услышал Арк свой голос.

Лу выстрелила в него глазами и поспешно добавила:

– О цене договоримся отдельно.

Доротей кивнула, продолжая улыбаться.

– Послезавтра состоится очередное заседание Совета, – сказала она. – Я довезу вас на машине. О цене договоримся, когда получите разрешение на расследование.

И она ушла, оставив за собой чуть ощутимый аромат весны.

XLI.

– Мне она не нравится, – сказала Лу. – Не стоило соглашаться.

Арк виновато кивнул.

– Я знаю. Извини. Но это именно то, чего так не хватало.

– Чтобы найти Нигоша?

– Чтобы к этому подступиться. Я был так разочарован, когда Иммануил...

– Когда у него не оказалось Нигоша, связанного в подвале?

– Его нельзя связать, он квазителесная сущность, сотканная из зла и тени. Но в целом да.

Лу засмеялась.

– Я, наверное, никогда не пойму этой obsesии. Но мое дело как друга – помогать. Понимание – только приятный бонус.

Арк улыбнулся в ответ.

– И ты хороший друг, Лу. Обсудим это вечером с остальными?

Они теперь часто ужинали впятером: Лу, Пшигода, Акхил, Пилар и Арк. В опустевшем под вечер центральном зале кирхи, за одним столом. Пшигода разделявал фаршированную белку. Лу разливала вино.

Арк в общем описал визит Доротей.

– О, – сказала Пилар, – забудем о поиске сокровищ и охоте на мебельных драконов. Нам предстоит что-то по-настоящему захватывающее и опасное.

– Что же?

– Постапокалиптическая политика.

– Постапокалитика, – вставил Пшигода.

– Да, – подхватил Акхил. – Как бы она не сожрала нас почище дракона.

– А как устроена берлинская постапокалитика? – спросила Лу. – Пока я была миньоном, меня эти дела не особо интересовали.

– Присоединяюсь, – сказал Арк.

– Тоже мне, великие колдуны, – фыркнула Пилар.

– Формально мы живем в анархии. Единственный работающий закон – право сильного. Вы победили Иммануила, убили его, захватили его Башню, и вам никто и слова не сказал, – начал Пшигода.

– Но есть нюанс, – встрял Акхил.

– Да. Есть места и вещи, которые считаются неприкосновенными.

– Поезд, – сказала Лу.

– Поезд, электричество, пара жилых зон, вроде Алекса или Цоо, – добавил Акхил.

– Нарушение порядка – даже применение сильного колдовства на одном из них – это единственный смертный грех в Берлине.

– Надзор осуществляет Совет Города, он же Совет Одиннадцати. Грубо говоря, это одиннадцать сильнейших колдунов...

– И колдуний, – вставила Пилар.

– И колдуний, – послушно согласился Пшигода, – которые решили, что уделят толику своего драгоценного времени, чтобы защищать всех остальных.

– Чтобы навязывать свою волю и утверждать свое могущество, – сказал Акхил. – На всё остальное колдунам глубоко наплевать.

– Ну, погоди, – осадил его Арк.

– Не считая присутствующих, – примирительно улыбнулся индус.

– Ну, даже с этой поправкой...

– Можно тебе напомнить, – неожиданно горячо сказал Акхил, – что еще восемь лет назад мы жили в демократическом государстве. В принципе, еще была такая вещь, как государство.

Пилар и Пшигода переглянулись и громко вздохнули.

– Я пошла спать, – сказала Пилар. – Меня уже Мигель заждался, наверное.

Она всё еще жила на Александрплатц, поближе к госпиталю Оксаны. Арку так и не удалось увидеть ее сына и узнать, чем именно он болеет.

– Я тоже двину, – сказал Пшигода. – Лу, ты еще хотела обсудить, сколько людей нам нужно нанять и кого именно. У меня была пара антикваров из Цоо на примете.

– Пойдем, я прогуляюсь с тобой, – Лу встала, и они вместе вышли.

Арк и Акхил перебрались за доску для го и вернулись к позиции, на которой остановились в прошлый раз. Акхил делал ход, и Арк почти сразу отвечал. За последнее время Арк неплохо научился играть, но до учителя ему еще было далеко.

– Извини, если я погорячился, – сказал индус.

– Ничего страшного, конечно.

– Я просто не могу перестать сравнивать два мира: до и после. Да, какие-то вещи мы приобрели. Но потери всё же неизмеримо больше.

Голос Акхила был мягким и спокойным, с извиняющейся ноткой, и ходы он делал пассивные, защищающиеся, пока не дождался удачного момента. Тогда он жестко и безжалостно поставил несколько фишек, развалив, буквально проткнув империю, которую строил Арк, пополам, не оставив даже шанса на отпор.

Шикарная черная машина подъехала к кирхе, взрывая пушистые веера девственно-белого снега. Арк, одетый в теплое пальто и лучший пиджак, будучи без оружия и без собаки, вышел из церкви и сел в машину, чувствуя себя непривычно голым.

– Знакомься, это Йохан, – сказала Доротея.

Хундескопф-доберман за рулем приветственно помахал ушами.

– Поехали.

Водитель невнятно хрюкнул, и машина плавно тронулась. Доротея была одета в легкую дубленку с белым меховым воротником, из-под нее торчал фиолетовый вязаный шарф. Как и в прошлый раз, никакого макияжа, никаких украшений, кроме кольца на безымянном пальце.

– Куда мы едем? – спросил Арк. – В Кафедрал?

– Нет, конечно. Совет Одиннадцати никогда не будет проходить ни в одной из Башен, – сказала Доротея. – Паранойя, повальная просто. Собираются только на открытых пространствах, да еще и часто меняют локацию.

Машина на большой скорости пронеслась по мосту через запорошенную снегом и потому на вид спокойную Шпрее и устремилась на юг. Пока они резко петляли по пустынным улицам, Арк исподтишка поглядывал на Доротею. Та со скучающим видом смотрела в окно, барабаня пальцами по стеклу.

– Каково это – быть Лихтенхерцем? – спросил он, сам не зная почему.

Доротея повернулась к нему, в ее глазах искрилась издевка.

– Все вакансии заняты, если ты об этом.

Арк покачал головой.

– На меня вдруг свалилась ответственность за несколько тысяч людей. Я не думал, что это произойдет, и не добивался этого. А теперь я понимаю, что уже не могу просто развернуться и уйти от них. И мне трудно представить, что должна чувствовать такая, как ты. Хочешь ты этого или нет, тебе принадлежит весь город. Доротея еле заметно покраснела. Взгляд ее стал серьезнее.

– Со временем привыкнешь. Мы приехали, – сказала она.

Машина остановилась у Темпельхофер Фильд. Когда-то это был нацистский аэропорт, позже закрытый и перестроенный в просторный открытый парк. Сколько Арк помнил, он всегда был забит народом – детьми, собаками, летом семьями с мангалами. Сейчас это был гигантский пустырь с жухлой лиловой травой, припорошенной снегом.

– Тебя ждут, – сказала Доротея. – Погоди, тебе может быть холодно. Вот, возьми.

И она протянула ему свой шарф. Арк обмотал его вокруг шеи. Колдовства в шарфе не было, но был ее тонкий запах – свежести и весны. Арк пошел, с трудом замечая тропинку в густой заснеженной поросли. Ближе к центру поля был раскинут большой брезентовый шатер. Вокруг него пылали высокие, в человеческий рост костры. Под шатром в неровном круге стояли одиннадцать кресел. Семь из них были заняты людьми. Подойдя поближе, Арк увидел, что людьми были далеко не

все. Во рту у него тотчас появился сильный металлический привкус, к горлу подступил комок.

Арк узнал всего одного из присутствующих. На высоком кресле с вычурной спинкой восседал Этвас Андерес. Ноги его не доставали до земли. Справа от него сидел тучный человек в нарядном халате и, почему-то, феске. «Это Падишах, владелец всего Шарлоттенбурга», – догадался Арк. Дальше по кругу сидела высокая женщина со злым моложавым лицом. В ее внешности прослеживались черты Доротеи, и Арк решил, что это ее мать, Клавдия Лихтенхерц. Дальше над своим креслом висел и мерцал крупный, бирюзового цвета Куб из Гезундбруннена. Из следующего кресла росло дерево, по размеру находившееся где-то между обычным и бонсай. Верхушка его не дотягивала до тента около метра. Это должен был быть Танненбаум, живое дерево, повелитель Тиргартена, точнее, один из отростков этого дерева. Арк всегда считал, что Танненбаум был ёлкой, но, по-видимому, ошибался. Справа от дерева, через два кресла, сидела женщина-ящер, Сивилла из Кёпеника. И, наконец, замыкал этот неровный и неполный круг вальяжно раскинувшийся скелет, которого так и звали: Скелет из Моабита.

– Добро пожаловать, Аркадий Колесничий, новый владелец Пренцлауэр-Берга, – объявил Скелет совершенно нормальным человеческим голосом. – Совет Города на семь одиннадцатых готов выслушать тебя.

XLIII.

Скелет выхватил из воздуха сигарету, щелкнул пальцами и ловко прикурил от образовавшейся искры. Было хорошо видно, как дым путешествует по пустотам его тела. Клавдия Лихтенхерц заметно поморщилась.

Арк подробно обрисовал ситуацию – точнее, ту ее версию, которая не включала визит Доротеи. Взрыв Поезда, слухи о причастности к этому Нигоша, исчезновение Башни... То ли Нигош похищен, то ли сбежал. Это вопрос общегородской важности, и дело требует расследования. Когда Арк произносил слова «вернуть Нигошу его доброе имя», некоторые члены Совета подавили смешки. Когда Арк закончил, имеющие глаза или хотя бы глазницы великие колдуны переглянулись. Бирюзовый Куб сменил цвет на зеленый, потом на серый. Дерево шелестело листвой.

– Каким образом человек с твоими способностями, – Клавдия сделала паузу, чтобы ни у кого не оставалось сомнений по поводу ее мнения о вышеозначенных способностях, – сумел победить ангела Пренцлауэр-Берга?

– Тщательное планирование и изучение противника.

– Как ты намереваешься расследовать взрыв Поезда? – спросил Падишах.

– Если получу от вас разрешение, я восстановлю темпоральную картину произошедшего. При помощи передвигающего время колдовства в отдельно взятом артефакте (наверное, зеркале) я смещу его отражение в координаты места и времени взрыва. Таким образом я увижу, что там происходило на самом деле.

Кроме того, я осмотрю место происшествия, постараюсь разобрать все остаточные следы колдовства и идентифицировать всех участников. Я думаю, два эти способа вместе дадут кое-какую картину.

– Сколько времени тебе потребуется? – прошелестел Танненбаум.

– Я ожидаю получить первые результаты за две недели.

Серый Куб замигал сначала белым, потом лиловым.

– Кто спонсирует это расследование? – перевел Скелет.

– На этот вопрос я не считаю нужным отвечать.

Все еще раз переглянулись. На голове Арка чуть заметно шевелились волосы от перелетавших под тентом телепатических сообщений. Наконец Этвас Андерес, словно по бумажке, стал говорить.

– Совет Одиннадцати дает тебе разрешение расследовать взрыв Поезда, произошедший вечером десятого октября этого года, в течение двух недель. Совет позволяет тебе и твоим ученикам применять на территории Поезда, релевантных станций и около них необходимые заклинания, включая темпоральные манипуляции, при условии, что они не принесут вреда пассажирам Поезда. Совет также приказывает тебе по истечении этого срока вернуться и изложить обнаруженные тобой сведения полностью, без изменений и спорных интерпретаций. Совет предупреждает тебя, что может использовать веритативные заклятия и сумеет отличить правду от лжи. Совет предупреждает тебя, что в случае невыполнения этих условий он оставляет за собой право применить к тебе назидательные меры вплоть до полного уничтожения, – при этих словах Этваса Андереса Арк мог поклясться, что один из ярко-оранжевых глаз колдуна на миллисекунду ему подмигнул.

– Ты можешь идти, – подытожил Скелет.

Доротея ждала его у машины, нервно и прерывисто курила. Завидев Арка, отбросила сигарету в снег. Арк обратил внимание, что это была не самокрутка, а настоящая фабричная сигарета. «Деньги и власть, – подумал Арк, – вот и всё, что у нее есть. Но черт побери, как же это много».

XLIV.

Он вкратце пересказал своей клиентке произошедшее на Совете. Доротея довольно кивнула и села в машину. Арк сел за ней. Каждый был погружен в свои мысли. Не доезжая до моста Янновицбрюке, водитель свернул в переулочек и остановился.

– Выйдем, прогуляемся, – сказала Доротея.

Они спустились к парку. Шпрее была безмятежна, как будто затаила дыхание.

– Не боишься, что нас подслушивают? – спросил Арк.

– Не боюсь. Йохан же остался в машине.

Арк было продемонстрировал свой коронный трюк с бровью, но Доротея уже не смотрела на него, ежась на промозглом декабрьском ветру. Арк предложил ей ее же шарф. Доротея благодарно кивнула, набросила шарф на плечи, как шаль, и отвернулась.

– Есть многое, чего ты не знаешь о семье Лихтенхерц, – наконец сказала она. – И что непременно узнаешь, если залезешь в это дело глубже. Но знания эти опасны, часто смертельны. И я... решила дать тебе возможность отказаться. Если ты уйдешь прямо сейчас, у тебя будет шанс этого избежать.

Доротея подождала несколько секунд, потом повернулась. Синие глаза встретились с зелеными. Арк улыбнулся.

– Боюсь, я в любом случае уже потерял эту возможность. Совет приказал мне делиться с ними результатами расследования.

Доротея грустно кивнула, потом огляделась по сторонам.

– То, что я скажу тебе сейчас, не может быть передано кому-то еще. Ни Совету, ни твоей маленькой гёрлфренд, никому.

– Она мне не... – начал было Арк, но Доротея махнула рукой.

– Главное, что нужно знать о семье Лихтенхерц, – мы не семья. До Смещения Виктор был главой большого рекламного агентства, мы все работали на него. Наш офис был около Музейного острова. Когда всё началось, был хаос... кажется, мы провалились все вместе в одну Изнанку. Многие из нас умерли... я до сих пор вижу их плавающие лица во сне. Мы выжили, а когда вернулись в Берлин, Виктор придумал эту... легенду. Рекламный трюк, чтобы убедить всех в нашей сплоченности, в том, что нас нельзя воспринимать по отдельности. И это сработало. Мало кто задумывается об этом, но на самом деле очень многие происходящие в городе вещи – результат тайной борьбы между нами, – она подумала и добавила: – Внутри нас.

– Взрыв Поезда, – произнес Арк.

Доротея кивнула.

– Нигош был ни при чём?

– Не совсем так. В последние полгода Нигош тайно работал на меня. Он был моим внешним агентом: выполнял задания, с которыми я не могла иметь ничего общего. Арк был поражен. Ненависть Нигоша по отношению к Лихтенхерцам была общеизвестна. Но в то же время... она была неплохим прикрытием.

– Так что произошло в Поезде?

– Ученик Нигоша, Клаус, что-то узнал. Он ехал в Осткройц, чтобы рассказать это Хозяину. Его убили, взорвав Поезд. В тот же день пропал Нигош. Полагаю, Виктор похитил Черную Башню при помощи какого-то сложного параизнаночного заклинания.

– Ты сказала...

– Да, Аркадий. Я думаю, что именно Виктор Лихтенхерц похитил твоего Хозяина. Из-за того, что узнал его ученик Клаус. А теперь пойдём куда-нибудь, где теплее, – Доротея улыбнулась, но улыбка бесследно исчезла с ее лица, когда она поглядела Арку за спину.

– Не оборачивайся и возьми меня за руку, – сказала она. – На нас смотрят.

Арк послушался. Доротея прижалась к нему, приобняла за плечо так, что ее губы оказались около уха Арка.

– Если будут думать, что мы любовники, у нас будет больше возможностей быть наедине, – прошептала она.

– Поэтому ты мне дала свой шарф?

– Может, я просто думала, что мой новый агент не должен истечь соплями?

Взявшись за руки, они вернулись мимо наблюдавшего за ними Йохана в машину.

– Я знаю место, где мы сможем поговорить еще. Там тепло и нет политики, – сказал Арк и показал хундескопфу, как ехать во Фридрих.

XLV.

У заведения Терезы и Ланы машина произвела фурор на всех окружающих. Арк и Доротея вылезли из-под облепившей автомобиль малышни, предоставив Йохану право и обязанность охранять его от желавших отковырять боковое зеркало, а сами зашли в булочную. Там действительно было тепло, стоял сладкий запах сдобы. Арк подмигнул Лане, и вскоре он и Доротея уже сидели за маленьким столиком на двоих внутри самой пекарни, вдали от посторонних глаз и ушей. Тереза принесла им кофе и свежую выпечку.

– Очень давно не была во Фридрихсхайне, – призналась Доротея. – Спасибо, что позвал.

– Здесь нас вряд ли подслушают. А у меня еще куча вопросов.

– Вперед. Пока у нас есть время.

– Что мог найти Клаус?

– Я не знаю. Нигош не успел мне рассказать.

– А как во всё это вписывается Иммануил?

– Он был агентом Виктора. Старым его другом, еще до Смещения. Он был актером, любимцем домохозяек. Напыщенный, самовлюбленный кретин, не знающий, что делать с собственной силой, поехавший на религиозной почве. Я была так рада, когда ты его убил.

– Зачем ты дала понять Совету, что я работаю на тебя? Зачем на самом деле этот маскарад с шарфом?

– Я решила сменить тактику. О Нигоше никто не догадывался, но его легче было устранить. Сейчас же я решила, что пойду более официальным путем. Если информация, которую нарыл Клаус, действительно настолько важная, что она может опрокинуть Виктора, я хочу, чтобы о ней знал весь Совет. Если тебе удастся

доказать, что за взрывом Поезда на самом деле стоит Виктор, его положение в Совете сильно пошатнется. А это уже много.

– А зачем это тебе?

Доротея на секунду задумалась.

– Я займу его место. Грядут изменения, в ходе которых его место может стать самым важным в городе.

– Какие изменения?

– Не всё сразу, – улыбнулась она. – Я не думаю, что это так уж важно для твоего расследования в данный момент. Твоя задача – выяснить, кто взорвал Поезд, а потом – что именно узнал Клаус.

– Мне не нравится, когда мне доверяют не до конца.

– Придется с этим смириться.

Они помолчали, каждый отпил свой кофе.

Наконец Доротея вздохнула, сказав:

– Приходи завтра утром в Боду. Оттуда сможешь начать расследование.

«Я уже начал», – подумал Арк, но только кивнул в ответ.

– Заодно закроем вопрос с оплатой. Экономить я не буду.

В булочную сунулась мохнатая голова Йохана.

– Пора, – вздохнула Доротея и коснулась руки Арка. Он так и не понял, был это искренний жест или игра на публику.

– Спасибо за кофе и за компанию, – Доротея встала и, не убирая руки, нагнулась. Быстро и неловко поцеловала Арка в щеку. Потом стремительно вышла, не оглядываясь.

Арк посидел у Терезы и Ланы еще немного, потом застегнул пальто поплотнее и вышел в снег. Невидимый след от поцелуя на его щеке обдало морозным воздухом. Он думал пойти домой, в Иммануилкирхе, но ноги сами понесли его на юг, в сторону Осткройца. Арк быстро добрался до станции, перешел по мосту и очутился на холмике, на котором, казалось, так недавно сражался с наступающим полчищем миньонов Иммануила и хундескопфов. На холмике, где прежде стояла Башня. Сейчас на нем, разумеется, ничего не было. Всё было подчищено, разобрано и разношено.

«Во что же ты впутался, Хозяин?» – в очередной раз подумал Арк. Иммануил, безусловно, был могущественным колдуном, даже великим. Война с ним не была простой. Но она всё же имела смысл и, как доказал сам Арк, шансы на победу при определенных обстоятельствах. Виктор же... Он, Александр и, может быть, еще Танненбаум или Падишах были богами. В античном смысле, без метафор. Война с одним из них без должной поддержки представлялась Арку суицидом. Достаточно ли сильна Доротея? Или нужно искать еще чьей-то помощи?

Можно ли доверять самой Доротее?

XLVI.

В Кирху Арк вернулся уже под вечер, основательно продрогший. Поезд довез его до Алекса, но оттуда нужно было идти пешком. В центральном зале его встретили обеспокоенные лица друзей.

– Жив, – усмехнулся Пшигода.

– Что ж ты так долго? – спросила Лу. – Рассказывай.

И он рассказал. Говорить пришлось крайне избирательно, тщательно лавируя между правдой и вымыслом. Одобренный Советом план действий в результате этих маневров не пострадал, но почти всё рассказанное Доротеей пришлось скрыть.

Дело было не столько в доверии – он доверял своей команде больше, чем кому-либо. Дело было в том, как смотрела Доротея, когда впервые рассказала ему главный секрет Лихтенхерцев. В ее глазах – глазах великой колдуньи, одной из самых могущественных людей города – были страх и смерть.

– Всё ясно, – сказал Пшигода, когда Арк закончил. – Лихтенхерцы наняли нас, потому что кто-то взорвал Поезд, а мы заняли место их последнего мальчика на побегушках.

– Вроде того, – утвердительно кивнул головой Арк.

– Значит, мы всё-таки ищем Нигоша? – спросила Лу.

– Значит, так. Но им займусь я, у меня уже много наработок по его исчезновению. А вы должны найти способ заглянуть в прошлое, хотя бы на пару минут.

– Оксана, – сказала Пилар. – Она потрясающий специалист по темпоральным манипуляциям. Завтра спрошу у нее.

– Отлично, – обрадовалась Лу. – Тогда, Ирджих, ты поузнавай на Цоо, может, найдешь какую-то дополнительную информацию о взрыве. Ахил, сходи с Пилар к Оксане, попытайся оценить, что нам будет нужно для темпорального окна. Арк, а мы с тобой зайдем в гости в музей Боды. Я тебя прикрою в случае чего. Договорились?

Арку ничего не оставалось, как кивнуть.

– Есть еще одна вещь, – сказал Пшигода, и стало тихо. Все смотрели на Арка. – Мой знакомый на Алексее сказал по большому секрету, что сегодня на тебя начал охотиться Джек Нож.

По общему молчанию Арк понял, что всем остальным это уже известно.

– Кто это? – спросил он.

– Бывший солдат, после Смещения – наемник. Крутой мужик. Я с ним пару раз пересекался, в последние пару лет он зарабатывает убийствами по найму. Причем убийствами колдунов.

– Постапокиллер? – улыбнулся Арк.

– Это не смешно, – покачал головой Пшигода. – У него довольно жуткая репутация. Очень хитер, очень ловок. Сам можешь догадаться, какое у него любимое оружие.

- Тостер? – спросил Арк, но опять никто не засмеялся.
  - У него есть набор артефактных ножей, которые пробивают колдовские защиты.
  - Хорошо, – сказал Арк серьезнее. – Спасибо. Я приму это к сведению. Известно, кто его нанял?
  - Известно только, что сегодня он начал собирать о тебе сведения.
  - Мы можем его перекупить?
  - Ты сегодня утром был на Совете. Видел там кого-нибудь, с кем мы можем финансово потягаться?
- Арк покачал головой и спросил совета у Пшигоды:
- Что предлагаешь делать?
  - Судя по его репутации – никогда не выходить из кирхи. Если это не вариант...
  - Это не вариант, – перебил его Арк. – А твой друг с Алекса близко его знает?
  - Нет, не очень. Думаешь напасть первым?
  - Не обязательно. Мы можем как-нибудь достать вещь с запахом этого Джека Ножа?
  - Карман?
  - Думаю наладить систему раннего оповещения, – улыбнулся Арк.
  - Вот это уже похоже на план, – одобрил Пшигода.
- В ту ночь Арк долго не мог заснуть. Переизбыток новой информации ударил по нему, как распрямившаяся пружина. В голове мелькали обрывки разговоров, какие-то образы, и он плавал в них, как в густом бульоне. Джек Нож, Танненбаум, Йохан, бирюзовый Куб... Ложь, интриги, мотивы... Как достичь своего? Наконец он всплыл на поверхность, и ему приснилась Доротея.

XLVII.

Лу и Пшигода прогуливались по Александрплатц. Было уже сильно за полночь, и основные шум и толкотня утихли, но то и дело из палаток и из-под тентов доносились музыка и песни. Чей-то очень хриплый голос имитировал Тома Уэйтса. Воздух был пропитан дымом костров, подкисшим пивом и свободой. Оба молчали, каждый о своем.

- Я за него волнуюсь, – наконец сказала Лу.
  - Знаю. Я тоже.
  - Эта женщина... придает ему энергии, конечно. Но и втянула его...
  - Нас.
  - ...нас в такое болото.
  - Думаю, мы уже сидели там по подбородок, – помолчав еще, сказал Пшигода. – Kigva, может быть, она всего лишь открыла нам глаза.
  - Тебе тоже показалось, что Арк что-то от нас скрыл?
  - Наверняка. Но я думаю, что так надо.
- Лу взяла Пшигodu за руку, и они снова какое-то время молчали.

– Я так долго не имела собственной воли, – неуверенно начала Лу, – не имела себя, так сказать, что сейчас мне тяжело принять эту ситуацию. Незнания, непонимания происходящего до конца.

– Понимаю, – сказал Ирджих. – Мне с этим проще.

– Я дерусь, потому что дерусь?

– Я дерусь, потому что дерусь.

– Ты знаешь, что в оригинале это говорят совсем по другой причине?

– Знаю.

Они дошли до истока Реки Гнили. К счастью, дул западный ветер, и смрад был приглушенным, мягким. Они прошли дальше, мимо госпиталя Оксаны, под железнодорожными путями, и вышли к телебашне. Ее шпиль скрывался в облаках, и из них боком торчал лишь увесистый шар, с этого ракурса напоминающий дискотечный. Где-то в глубине шара мерцал загадочный огонек. Александр витал в своих эмпиреях разума и колдовства.

Мимо, пьяно пошатываясь, прошла компания веселых чумазных людей. Один из них почтительно кивнул Пшигоде.

– Не могу поверить, что когда-то тебя боялась, – сказала Лу.

– Не могу поверить, что ты сейчас меня не боишься, – сказал Ирджих.

Никто не видел, как, скрытые стороной телебашни, они целовались в темноте.

XLVIII.

Арку пришлось надевать свой лучший пиджак второй день подряд. Дело было, конечно, не во внешнем виде, точнее, не только во внешнем виде. В подкладку пиджака была хитроумно вшита разрезанная на ленты картина XVIII века, купленная Акхилом за невероятные деньги на рынке в Мауэрпарке. Картина была большой – хватило на защиту для Арка, Лу и Кармана, который получил новый ошейник. Акхил тренировался переносить полезные свойства с одних артефактов на другие. До утилизации картина изображала выводок оленят и, если верить торговцу, была частью постоянной экспозиции провинциального музея. На сам пиджак было нанесено маскирующее заклятие – с надеждой, что сильная защита не будет выглядеть таковой. Пиджак был темно-зеленый и вельветовый, из-за чего Арк немного напоминал швейцара, но всё же не сильно выбивался из эклектичной постапокалиптической моды. На Лу была ее защищенная оленятами спецодежда – строгий черный костюм с узкой юбкой. Карман был в своем обычном виде. Так, втроем, они неспешно шли в сторону музея Боды и обсуждали различные тактики поведения. Лу убеждала Арка, что действовать нужно осторожно, но напористо, требовать плату вперед и ждать подвоха. Арк убеждал Лу в том, что действовать нужно осторожно, но гибко, где надо – уступить и ждать подвоха. Оба использовали весь спектр риторических приемов: от сократовских вопросов до крика. Карман

безмятежно семенил в двух шагах от них, отвлекаясь только на то, чтобы понюхать трещину в асфальте или задрать ногу у поваленного столба.

Так, незаметно для себя, они миновали Александрплатц, повернули вдоль Шпрее и добрались до последнего моста на Музейный остров, который вел напрямую к музею Боде – Башне Доротеи. Музей смотрел на них высокомерно, с высоты своих ста двадцати лет. Сбоку, чуть издалека, на них укоризненно поглядывал купол Кафедрального собора – Башни Виктора.

Они остановились прямо перед мостом. Стояла звенящая тишина. Арк показал налево – соседний мост был тот самый, железнодорожный, и на нем до сих пор виднелись следы взрыва. Внизу спокойно покачивалась Шпрее.

– О чём ты думаешь? – спросила Лу.

– Я вдруг кое-что понял. Мы даже не знаем, взорвали Поезд изнутри или снаружи.

– То есть была ли взрывчатка в самом Поезде...

– ...или на этом мосту.

– Если она была на мосту, террорист не должен был взрываться вместе с ней. Бомба могла сработать от веса Поезда.

– И террористом был не Клаус. Но есть еще один момент.

– Какой?

– Если бомба была в Поезде, хотели взорвать Поезд. Убить кого-то в нем, что-то уничтожить, прервать сообщение и так далее. Место взрыва было не важно.

– А если бомба была на мосту, Поезд хотели взорвать именно на этом месте.

– Точно. Нам нужно будет туда залезть.

– Арк?

– М?

– Лу Оспри, частный детектив.

Арк прыснул.

XLIX.

Арк был в музее Боде только однажды, разумеется, до Смещения, когда туда привозили картину Леонардо да Винчи, и он, как и тысячи других берлинцев, пошел на нее посмотреть. Единственное, что Арк тогда запомнил, – музей был полон статуй. Вот и сейчас, пройдя огромное фойе и следуя за услужливым хундескопфом с головой спаниеля, Арк обратил внимание на обилие недвижимых фигур, застывших в различных позах, расставленных по всем комнатам дворца. Многие из них были древними, многие – совершенно переполненными колдовской силой. Некоторые были послабее, а некоторые вообще напоминали пустые серые болванки в форме людей. Какие-то даже казались странно знакомыми, будто Арк видел этих людей раньше. Арк не мог понять увлечение статуями, от них ему было слегка не по себе, но даже он был вынужден признать: коллекция музея Боде являлась более чем внушительной. За такое количество колдовства можно было,

наверное, купить весь Берлин. Что касается минусов этого места, ему пришлось постоянно одергивать Кармана, чтобы тот не задира лозле статуи заднюю лапу. Доротея ждала их в очередном роскошном зале с черно-белым клетчатым полом, и этот зал также был заполнен мраморными болванами. Одета она была в желтую кофту с широкими рукавами и свободные брюки. Рядом с ней, подбоченясь, настороже стояли двое: высокий крупный детина с мясистым лицом и его антипод, тщедушный, дерганый человек, с виду напоминавший грызуна. Сама Доротея весьма томно возлежала на роскошной бархатной тахте.

– Аркадий, Луизиана, – сказала она, почему-то резко встав. – Это мои ученики, Фарук и Армин.

«Бим и Бом», – мысленно окрестил их Арк. Ученики сдержанно кивнули, не сводя взгляд с гостей. Под свободной рубашкой крысоподобного Армина Арк заметил рукоятку пистолета и решил, что именно Армин более опасен.

– Я пригласила вас сюда по нескольким причинам. Во-первых, сразу уладим вопрос с оплатой, – Доротея плавно, словно шахматная ладья, перешла в другой конец комнаты, к трем стоявшим особняком статуям. Те светились силой. Одна была бронзовой, две – мраморными. У мраморного мальчика не хватало руки, а у бронзового – мужского достоинства. Мраморная девочка была целой и одетой. – Три статуи в обмен на оговоренные ранее услуги.

– Да, это более чем щедро, – нехотя признала Лу.

– Ну так и услуги не простые, – улыбнулась Доротея, причем сама вежливая улыбка предназначалась Лу, а насмешливый взгляд – Арку.

Она подошла к окну, и все остальные потянулись за ней. Из окна были отлично видны железнодорожные пути и злополучный мост с черными опалинами от взрыва.

– Мы бы хотели узнать, – медленно, обдумывая каждое слово, начала Доротея, – кто устроил теракт на Поезде. Но есть еще одна причина, помимо очевидных. В этой комнате до недавнего времени хранилась одна из наших главных ценностей – бюст Нефертити.

Лу ахнула, Арк вскинул бровь. Бюст Нефертити был одним из сильнейших артефактов в Берлине и, возможно, во всем мире. Его мощь была сравнима с целыми зданиями.

– Хранился, в прошедшем времени? – переспросила Лу.

Доротея спокойно выдержала ее взгляд.

– Совершенно верно. Бюст пропал. Взрыв был настолько мощным, что не только разворотил весь Поезд, но и пробил дыру в защите моей Башни.

– Но как мог пропасть бюст Нефертити? Вряд ли кто-то выжил и смог пролезть в музей, чтобы его украсть?

– Я не знаю.

– Кому может понадобиться бюст Нефертити? Что вообще с ним можно сделать?

– Всё что угодно.

– Кто знает о пропаже этого бюста? – спросил Арк.

– Никто за пределами семьи Лихтенхерц.

Арк подумал, что за этими словами скрывается больше, чем могло показаться.

– Можно осмотреть место проникновения в музей? – поинтересовалась Лу.

Доротея повела рукой. Угловая часть стены и два окна замерцали и исчезли, оказавшись сложносоставной стабильной иллюзией. В зале сразу заиграл морозный ветер. Лу поежилась, а Доротея не обратила на холод никакого внимания. Арк подошел к разломанной стене, осторожно выглянул наружу. Вся стена музея вокруг пролома была испещрена выбоинами от каких-то мелких снарядов.

– Почему ты за эти пару месяцев не заделала прореху? – спросила Лу.

Доротея на секунду задумалась, посмотрела на девушку. Та чуть покраснела, но выдержала взгляд.

– Я решила, что это останется мне уроком, – наконец ответила хозяйка музея Боде.

– Памяткой, если угодно.

Арк тем временем выковырял маленький снаряд, застрявший в камне. Им оказался металлический, чуть деформированный шарик размером где-то с ноготь большого пальца. От шарика явственно исходила колдовская энергия. Арк вернулся в комнату и показал находку.

– Мне кажется, это старинная мушкетная пуля, – вынесла свой вердикт Лу. – Нужно взять ее с собой и показать Ахилу.

– Их тут несколько десятков как минимум.

– Но почему использовались именно они? Это явно слишком мелкие снаряды для такой стены.

– Может быть, им было достаточно просто ослабить стену?

Настал черед Лу выглядывать в пролом. Она внимательно осмотрела его края внутри и снаружи, потом посмотрела вниз, на разбросанные обломки камня у основания здания.

– Скажи, а внутри музея было много камней? Обломков, осколков? – спросила она Доротею.

– Насколько я помню, нет. Их довольно быстро убрали.

– Взгляни-ка, – Лу обратила внимание Арка на один из блоков стены. – Скол есть внутри, но его нет снаружи.

– Ты думаешь, стену взорвали изнутри? А как же эти пульки?

– Я думаю, было два взрыва.

Арк нахмурился, и Лу продолжила:

– Первый – в Поезде или на мосту. Он своротил состав с рельсов, повредил мост и изрешетил стену этими штуками.

– Тем самым ее ослабил, – Арк начал понимать логику происшествия.

– Именно. Второй взрыв был изнутри, сразу после первого. Его цель – вскрыть здание и дать возможность выкрасть бюст Нефертити.

Оба посмотрели на Доротею.

– Меня в это время тут не было. Я... это неважно. Армин, Фарук, могло ли быть два взрыва?

– Я не знаю. Может быть. Я был на другой стороне музея. Слышал страшный шум, но это могло быть два взрыва вместе, – сказал Армин.

– Я спал. Спросонья мог не разобрать, – пробасил Фарук.

– Нужно осмотреть пути, – решил Арк. – Может быть, там мы найдем следы второго взрыва.

L.

Между музеем и путями было где-то полметра, а внизу, на высоте примерно третьего этажа, лежали обломки моста и здания. Арк легко выскочил из дыры в стене и перепрыгнул на мост. Расписание он не помнил, но Поезда слышно не было ни с одной стороны. Карман храбро твкнул и сиганул за хозяином, Арк успел его поймать в самый последний момент.

– Если бюст вынесли именно так, куда его могли деть? – крикнул Арк оставшимся в музее.

Он сделал пару шагов по мосту и посмотрел вниз, на Шпрее. Та была необычно спокойна. По ровной мглистой поверхности пробежала еле заметная разноцветная рябь.

После Смещения Шпрее перестала быть рекой в общепринятом смысле. Она всё еще соединяла реку Даме на востоке и реку Хафель на западе, но сама по себе перестала быть массой воды. Если бы в Берлине оставалась микологическая лаборатория, то работающие там ученые, проведя серию научных экспериментов, смогли бы с уверенностью заявить, что вся вода в Шпрее превратилась в огромное полужидкое-полутвердое образование, состоящее из крайне сложной переплетенной сети мицелиев, или, говоря по-простому, грибниц.

Простые же жители Берлина о чём-то подобном догадывались, но предпочитали глубоко об этом не задумываться, благо других забот тоже хватало. В нередкие моменты, когда гриб-река упоминалась в разговоре или даже попадала в поле их зрения, они называли ее просто Шпрее и, sapienti sat, шли дальше по своим делам. Ходил слухок, что люди, которые слишком долго вглядывались в Шпрее, сходили с ума. Впрочем, после Смещения поводов для этого стало слишком много, и еще один дополнительный погоды не делал и статистику не портил. Но сейчас Арк смотрел на Шпрее во все глаза. Потому что благодаря случайному озарению – то ли ее поверхность как-то особенным образом блеснула и он заметил это краем глаза, то ли Карман проявил к ней особое внимание – он понял, куда можно было

спрятать бюст Нефертити сразу после взрыва Поезда, да так, чтобы никто и не догадался там искать.

Шпрее молчаливо смотрела назад – в Арка. Ее поверхность казалась бархатной, муаровой, по ней то и дело пробегали оранжевые и зеленые всполохи. Виднелись островки, из которых росли более привычные человеческому взору грибы с выгнутыми куполообразными шляпками. Они покачивались едва заметно, хотя ветер дул сильный, ледяной.

Арк никогда не слышал, чтобы кто-то залез в гриб-реку и выбрался из нее живым или как кто-то что-то оттуда достал. Наверное, в Шпрее можно было спрятать бюст Нефертити. Спрятать хорошо, чтобы никто, даже хозяйка музея Боде, не нашла. Но как его потом вернуть? Арк присел на корточки и поглядел через край. Опоры моста уходили в колышущуюся глубину. Никаких лестниц или веревок не было видно. Арк подозвал Кармана и достал из Пасти револьвер. Сначала хотел выстрелить, а потом просто достал пулю, зажал в правом кулаке и выставил руку как можно дальше. Револьвер убрал в левый карман брюк. Пуля чуть заметно холодила ладонь. Арк разжал пальцы, и она тяжело полетела вниз. Отрицая все законы физики, замедлилась, подлетая к поверхности Шпрее, сверкнула на зимнем солнце, и грибная масса беззвучно поглотила ее. Ничего не изменилось.

Арк встал на ноги, и тут одновременно случилось несколько событий. Во-первых, громко залаял Карман. Во-вторых, Лу крикнула: «Осторожно!» В-третьих, Арк заметил, как к нему по мосту бежит темная фигура в шляпе. А в-четвертых, что-то неожиданно сильно и больно ударило его в правое плечо.

LI.

Плечо мгновенно онемело, и Арк с удивлением и ужасом увидел, что из него торчит рукоятка большого зазубренного ножа. Дальше события тоже происходили одновременно и вперемешку, да так, что Арк не до конца понимал реальную их очередность и взаимосвязь. В какой-то момент, уже находясь в воздухе, он попытался осознать, что же произошло, подвести черту и сделать работу над ошибками. Жаль, времени у него оставалось крайне мало.

Получив удар в плечо, Арк несколько сотых доли секунды смотрел на нож, а в темную фигуру в это время врезались два заряда – синий и зеленый. Синюю молнию Арк узнал, ее выпустила Лу, а значит, зеленая принадлежала Доротее. На мост через дыру в стене выскочили Фарук и Армин – по крайней мере они бежали по мосту с оружием наперевес несколькими секундами позднее. Темная фигура красивым взмахом руки отбила оба снаряда, а в другой руке у нее сверкнуло еще одно лезвие. Арк левой рукой достал револьвер из кармана и выпустил в нападающего три пули, не произведя особого эффекта. Откуда-то сзади прогудел Поезд. Игнорируя этот звук, Арк побежал навстречу фигуре. Карман бросился за

ним. Нападавший тоже побежал. Все двигались одновременно, и векторы их движений пересекались.

Арк и незнакомец столкнулись посередине моста, фоном звучали лай собаки, крики Лу и шум Поезда. Арк сразу почувствовал резкую боль в плече, когда попытался заблокировать нож правой рукой. Человек в шляпе перехватил левую руку Арка с пистолетом сантиметрах в десяти от своей головы. Они на секунду застыли, погасив импульс друг друга, как два столкнувшихся потока воды. Незнакомец был силен и ловок, но Арк был выше и тяжелее. На него в упор смотрели холодные, бесстрастные, темные глаза из-под тульи шляпы.

– Джек Нож, я полагаю? – спросил Арк, но тут взгляд противника метнулся куда-то ему за спину, и еще через секунду их сбил с моста Поезд.

От прямого столкновения с Поездом Арка спас Джек, прыгнувший в сторону и по неумолимым законам физики потянувший противника за собой. К общему ужасу, их тандем оказался неловким, медлительным, со смещенным центром тяжести. Ноги Джека соскользнули с моста, и он полетел вниз. Арк отцепился от него, замахал руками в тщетной попытке поймать нарушенное равновесие и отправился следом. В пути было время немного поразмыслить, но ничего путного в голову не приходило. Арк мог тщательно рассмотреть, как над ним проносится громыхающий состав, как Армин и Фарук жмутся к колоннам, как где-то парусом развеваются желтые рукава Доротеи и как сверху на него со всего разбега прыгает Карман, не желающий остаться без хозяина. Арк чувствовал, как словно тысяча нежных нитей тянутся к его падающему телу из Шпрее, касаются его спины, ног, затылка, как мягко принимают его вес, упруго, заботливо тормозят его падение. Как ему на грудь приземляется собака, в последнюю секунду, прямо перед тем, как грибная велюровая масса чуть расступается, проседает под ним, принимает его в себя, и как это не страшно и не больно, и как даже боль от ножа в плече улетает куда-то в сторону, вне его, и как сверху над ним и собакой смыкается этот живой, трепещущий занавес, и они продолжают погружаться, но он уже ничего не видит, а скоро и не слышит, а скоро и не обоняет и не чувствует.

Глава 5. Грибное вино

ЛII.

Лу подбежала к краю моста, с которого полминуты назад свалились Арк с Карманом. В ушах у нее всё еще стоял шум Поезда. Шпрее была спокойна и невозмутима. Доротея появилась следом.

– Что только что произошло? – две девушки уставились друг на друга.

Доротея подняла руки и стала быстро чертить в воздухе известные только ей знаки. Они загорались неоновом-зеленым пламенем, висели в воздухе несколько секунд, а затем медленно затухали. Лицо колдуньи приобретало всё более озадаченное выражение.

– Я его не вижу, – сказала она. – Как будто он исчез и его никогда не было.

– Бюст, – вдруг сказала Лу.

Доротея украдкой поправила кофту.

– Точно так же спрятали бюст Нефертити, – пояснила девушка. – У тебя не получилось найти его самой, верно?

– Как будто... Как будто его никогда не было.

– Если его спрятали там, – Лу показала на недвижимую, словно чего-то ждущую Шпрее, – значит, можно его оттуда достать. Значит, Арк выберется.

– Как?

– Не знаю. Но верю. А пока у тебя есть другие проблемы.

Доротея красивой дугой изогнула бровь, и Лу продолжила быстрым шепотом, косясь на подбегающих Фарука и Армина:

– Как минимум один из твоих учеников или хундескопфов – предатель. Он пробил стену Боды изнутри, взял бюст и выкинул с моста. Взрыв на Поезде был затеян исключительно ради этого. Ограбление, замаскированное под теракт.

– Это понятно, – произнесла Доротея таким же шепотом. – Но я не подумала, что есть предатель. Я этим займусь.

– А мы разберем, что случилось на Поезде и как именно он был взорван. Я, в отличие от Арка, уверена, что тут замешан Нигош. Думаю, в сумме этого будет достаточно для Совета.

– А что с Арком?

– Арк выберется. И если я хоть сколько-то его знаю, выловит этот сраный бюст.

Доротея долго смотрела на Лу.

– Спасибо, фрау Оспри, – наконец сказала она.

– До скорого, фрау Лихтенхерц. Я пришлю человека за оплатой.

Сердце Лу колотилось так сильно, что она была уверена: Доротея его услышит. Но та лишь вежливо улыбнулась и пошла назад по мосту. Два ее говнюка последовали за ней.

Когда они скрылись из виду и держать себя в руках больше не требовалось, первым импульсом Лу было спрыгнуть с моста. Ее остановила только абсолютная тупость этого действия. Шрам под татуировкой адски горел – от стресса и переизбытка колдовской энергии, разлитой вокруг. Лу собралась, зачерпнула силы и выстрелила в Шпрее молнией ужасающей мощности. Вся поверхность подернулась синими всполохами, Шпрее загудела, закипела, засветилась изнутри. Лу отпрянула, готовая защищаться, но больше ничего не произошло. Всё успокоилось. Появившиеся тут и там лепестки бирюзового пламени, напомнившие Лу газовую плиту в доме ее мамы, стали выше и потухли, словно кто-то одним махом выключил все конфорки. Шпрее снова замолчала.

Лу обессиленно облокотилась на опору моста. Она тяжело дышала, на лбу, несмотря на декабрь, выступил пот. «Карман, – подумала Лу, – Карман прыгнул за ним». Она прикинула расстояние до поверхности Шпрее. Телепатическая связь девушки с собакой действовала только на очень коротких расстояниях и уже метрах в трех-четыре начинала затухать. Лу снова напрягла все свои силы и мысленно поискала разум песика. И ей показалось, что в оглушающей тишине, откуда-то из-под толщи грибов, как из темного ночного колодца, она услышала неясный, прерывистый, но ответ.

Лу резко выпрямилась, раскинула руки, и через секунду над музеем Боде, расправив крылья, пролетела крупная хищная птица – североамериканская скопа.

LIII.

Лу Оспри сделала небольшой круг над Музейным островом, впившись своим идеальным зрением хищника в поверхность Шпрее. Ничего живого, никакого движения. Лу издала разочарованный крик и взяла курс на Александрплатц. Пролетая мимо телебашни, она, по обыкновению, попыталась взглянуть внутрь, пронзить острым птичьим взором шар из стекла, стали, зеркал и колдовства. Но, по обыкновению, у нее ничего не вышло. Лу спикировала на площадь и снова обратилась в человека прямо перед госпиталем Оксаны.

Там было шумно, оживленно. Зимой люди болели больше, а борьба с вирусами после Смещения даже чаще требовала постоянного внимания врача. Лу нашла Оксану и Пилар у койки одного из заболевших. Пилар железной хваткой держала его за руки, а доктор изо всех сил тянула из разреза на животе пациента вирус. Похожий на странное полупрозрачное насекомое, размером с фокстерьера, вирус цеплялся за дергающееся тело тонкими ломаными лапами и вылезать явно не хотел. Оксана ругалась себе под нос.

Завидев Лу, она кивнула ей, прося помочь, и с вирусом было покончено с помощью быстрой синей молнии. Тут же один из волонтеров подбежал подметать обугленные останки вируса. Оксана виртуозно, парой движений очистила и закрыла

разрез на животе больного. Тот сразу затих и уснул. Только после этого она смогла поздороваться с Лу.

– Мы как раз пришли поговорить про темпоральное окно, – сказала Пилар. – Акхил смотрит варианты экрана на складе.

– Это подождет, у меня более срочное дело. Оксана, скажите, что вы знаете о Шпрее?

– Соединяет реку Даме на востоке с рекой Хафель на западе, – улыбнулась Оксана.

– Кроме этого о ней известно мало.

– Что насчет контакта между Шпрее и человеком?

– Такие случаи были. Мгновенный контакт обычно безвреден. Но длительный может привести к необратимым метаморфозам. Кроме того, мицелий Шпрее крайне... психоактивен.

– Вызывает галлюцинации?

– В лучших случаях. Один из клубов Кройцберга предлагал гостям выпить воды, настоянной на небольшом куске гриба из Шпрее. Это было примерно три года назад. Многие так и не вышли из комы. Другие лучше бы и не выходили. Абсолютное безумие.

– А если человек упал туда целиком? – спросила Лу, будучи в легкой панике.

– Не знаю. Невозможно предсказать. А что случилось?

– Арк упал в Шпрее с моста. Утонул в ней. Точнее, погрузился внутрь. Он до сих пор там. Я не знаю, что делать.

– Аркадий? – Оксана побледнела. – Он упал в Шпрее?!

– Да, – сказала Лу. – Я...

Но Оксана уже не слушала. Она выбежала из комнаты, и Лу с Пилар, переглянувшись, последовали за ней. Они нашли ее в кладовой – подсобной комнате, заполненной коробками с лекарствами, бутылками и мелкими артефактами. Оксана судорожно копалась в одном из больших выдвижных ящиков.

– Нельзя терять времени, – сказала она. – Телесные изменения я смогу обратить, но вот психологические... Вот, это должно помочь. Как только вытащите его оттуда, приведите сюда.

И она протянула Лу сверкнувший в свете неоновой лампы рыболовный крючок с прикрепленной к нему блесной. Потом объяснила, что делать. А затем повторила.

Лу, Пилар и Пшигода доехали до музея Боден на дрезине. Акхил остался с Оксаной – готовится к предстоящей операции. Пшигода побежал в музей за тремя обещанными Лу статуями – источник силы был необходим. Лу и Пилар встали около моста и начали готовиться. Лу обратила внимание, что на длинных флагштоках у входа в музей уже насажены три собачьи головы. Доротея времени не теряла.

Запыхавшийся Пшигода приволок статуи. Они были налиты, переполнены силой. Аккуратно расставив их по инструкции Оксаны вокруг воткнутого в землю куса арматуры, Лу с Пилар стали соединять статуи в колдовскую систему.

– Не так, – раздался голос позади Пшигоды.

Доротея стояла рядом, в развевающемся на промозглом ветру плаще. На шее у нее был повязан фиолетовый шарф.

– Я вам помогу.

Как из-под земли выросли Фарук и Армин, и вшестером они закончили сложную схему. Начерченная на голой земле октаграмма слабо засветилась синим и зеленым. Пшигода подвесил на кончик арматурного прута крючок на длинной тонкой цепочке, взялся за другой конец, размахнулся и закинул крючок как можно дальше в Шпрее.

Крючок упал на поверхность и был немедленно поглощен бархатистой массой.

– А теперь мысленно фокусируйтесь на Арке и медленно вливайте в крючок энергию, – объясняла Лу. – Главное – очень хотеть его найти.

– Какая интересная штука, – произнесла Доротея. – Откуда он?

– Его дала Оксана из госпиталя на Александрплатц. Это, судя по всему, спонтанный артефакт. Приобрел колдовскую силу после Смещения, каким-то образом настраивается на эмоционально-психологический фон пользователя, притягивает то, что хочется. Оксана рассказала, что к ней пришли брат и сестра, и брат объяснил, что они ловили рыболягушек в канализационном люке. А у сестры из щеки торчал этот крючок. У брата, видимо, оказались иные желания.

– Милая семейка.

– Крючок оставили Оксане в качестве платы.

– За удаление?

– За убежище для сестры, я думаю. Давайте сконцентрируемся.

Долгое время ничего не происходило, а потом Доротея внезапно швырнула по импровизированной удочке невероятную волну энергии. Цепочка с крючком, скрывающаяся под водой, натянулась и завибрировала, как струна.

– Ключет, – сказал Пшигода, изо всех сил сжимая арматурный прут. Мышцы на его руках напряглись, костяшки пальцев побелели. Он начал медленно откидываться назад, вытягивая добычу.

– Выдержит? – спросила Доротея.

– Это неразрывная цепь, – сказала Лу, подливая в крючок еще немного силы.

Пшигода издал полурык-полухрип, и над поверхностью Шпрее показалась голова Нефертити.

LIV.

Арк увидел маму. Она стояла в простом, переливающимся радугой сарафане, а грибные коты вились у ее ног, ластились, трогали ее голову, касались длинными шершавыми языками ее глаз. Ее сарафан переходил в дорогу, а та – в стену, а та – обратно в сарафан, а тот – в котов, и всё это было частью мамы, и всё это было

частью Арка, и тут его прямо в плечо сбила синяя машина, и всё стало синим, и синие волны прокатились по Вселенной.

LV.

Возница крикнул: «Но-о, залетная!» – и тележка понеслась по грибной дороге, влекомая тройкой лошадей. У возницы и у тележки очень болело плечо. Левая передняя ось плохо проворачивалась, из-за чего тележка бежала по кругу, и круг расходился по поверхности гладкого, как зеркало, озера, а озёра ее глаз были омутами души. Возница почувствовал, что тонет, у него кончался воздух в легких, кровь била в виски изнутри, грудь сжимало, колеса скрипели и кряхтели под тяжестью перевозимого воздуха, но его всё-таки было очень мало, он просыпался на грибную дорогу, и Арк просыпался вслед за ним, а возница стегал его кнутом, но не попадал, и ступни Арка обдавало грибными брызгами, а потом попал прицельным взмахом кнута в плечо.

LVI.

Арк увидел маму. Она ехала мимо него по дороге на дребезжащей синей тележке, а вокруг нее роились мухи, только это были не мухи, а грибы, и тележка была грибы, и дорога была грибы, и мама была грибы, и Арк был грибы. Гриб открыл грибы и увидел гриб. Он сидел рядом с грибом и улыбался. В плече у гриба торчал гриб.

– Вставай, вставай, – сказал гриб. – Чего разлегся? Тебе идти нужно.

– Далеко?– спросил гриб.

– Далеко, далеко.

Гриб встал на грибы. Гриб горел саднящим, тупым грибом. Гриб сделал два неуверенных гриба и обернулся. Гриба уже не было, но вместо него на грибе лежал гниющий гриб, и вокруг него плавали грибы.

– Греби отсюда! – сказал кто-то сзади.

Гриб опять развернулся, полностью потеряв гриба в грибе, и пошел на гриб. Каждый гриб отдавался грибом. Вокруг ничего не было видно. Было не темно, наоборот, гриб, грибы и гриб светились изнутри невероятным, мерцающим грибом, но гриб этот каким-то грибом проникал за грибы грибов и оставлял на грибе гриб гриба.

– Гриб, – раздался гриб.

LVII.

Арк вслепую протянул руку и нащупал шерсть, теплое дрожащее тельце. «Карман, – вспомнил он. – Мою собаку зовут Карман».

LVIII.

Арк дотронулся до рукояти гриба в плече. Боль была адской. Правая рука опять онемела. Его тошнило. Но боль также прорезала густой сироп, в котором плавало его сознание. Он смог оглядеться. Было светло, мягкая люминесценция исходила от стен и потолка. Но видно всё равно было плохо, как будто воздух вокруг был заполнен чем-то полупрозрачным, газовым. Как будто изъяны в белках глаз – «стеклистые червячки», которые большинство людей видят, посмотрев на источник света – были повсюду, как будто они вышли из глаз и заполнили пространство, но на самом деле это были не они, это были грибы. На самой грани зрения, в крайнем расфокусе, постоянно что-то двигалось, мелькало, переливалось.

«Я под водой, – догадался Арк, – только не под водой. Я в Шпрее».

LIX.

Арк и Карман шли по пустому коридору. Идти оказалось нелегко; воздух был вязкий, киселеобразный. Кроме того, явно происходили какие-то трюки с гравитацией, потому что Карман то и дело зависал в воздухе, к своему большому удивлению. У Арка чертовски болело правое плечо. Застрявшая в нем рукоять ножа превратилась в крепкую, ухватистую грибную ножку, увенчивающуюся небольшой аккуратной шляпкой. Про лезвие Арку думать не хотелось, кроме того, он боялся, что если достанет нож, то сразу истечет кровью. Также он старательно избегал мыслей о том, как и почему остался в живых. Прежде, чем отправиться в путь, он внимательно осмотрел себя и Кармана, но, за исключением ножа в плече, видимых отклонений от нормы не нашел. Кроме того, перебрал свой небольшой арсенал: две пули в револьвере, а также четыре взрывахи и жезл молний в Кармане.

Коридор был довольно прямым. Стены, потолок и даже пол слегка люминесцировали, и поэтому было хорошо видно далеко вперед. Арк предполагал, что идет по дну основного канала Шпрее, но вот идет он на запад или на восток, понятно не было. Стены были отвесными, без видимых углублений или выступов, покрытые непонятной жесткой плесенью. Пахло сыростью, гнилью, но к этому примешивались другие запахи, более глубокие и непривычные. Потолок выглядел цельным и плотным, и с него то и дело свисало что-то темное, длинное, похожее на лиану, корешок или щупальце.

Арк фокусировался на двух вещах. Во-первых, бюст Нефертити. Его основным планом, как попасть на поверхность, оставалось использование артефакта. Если бюст сюда выбросили, значит, собирались извлечь. Если понять, как это сделали, можно попытаться выбраться и самому. Для этого нужно найти хоть какой-то его след.

Во-вторых, ритм. Отвлекаясь от боли и усталости, Арк постоянно держал в голове, проигрывал в мыслях простой счет: «Раз, два, три, выдох, раз, два, три, выдох», вышагивал и дышал в такт, не позволяя самому себе сбиться и начать паниковать. Давалось это с трудом. Карман же, напротив, был на удивление спокоен. Он то и

дело забегал вперед или же, наоборот, останавливался и пристально внюхивался в ничем не отличающийся от других кусок стены. Пару раз он даже пытался задрать ногу. Арку было любопытно, как поведет себя настолько обыденная жидкость в этих странных условиях, но песик всякий раз передумывал и бежал дальше.

Так они с Карманом прошли несколько часов. «Раз, два, три, выдох, раз, два, три, выдох», медленно текли секунды, и точно так же ноги Арка ступали на чуть скользкий, чуть упругий пол. По ощущениям, он уже должен был дойти до какого-нибудь пересечения с другим каналом, но этого пока не случилось. Единственное, что коридор, по которому слегка растерянно и неловко шли человек с собакой, немного расширялся: теперь от стенки до стенки было метров пятнадцать. Кроме этого не менялось ничего. Ни новых объектов, ни звуков, ни запахов. Каждый шаг был до отвращения похож на предыдущий.

Карман завис у какого-то куска стены особенно надолго и, когда Арк обернулся, чтобы его окликнуть, резко, зло залаял. И коридор проснулся.

LX.

По всей длине пустого туннеля пробежало шуршание, словно тысячи разных голосов одновременно зашептали друг другу. Из стен высунулись короткие, похожие на гусениц мохнатые щупальца и судорожно задергались в воздухе. Накатила волна тяжелого, глухого запаха – сырости, плесени, могилы. Потолок и пол стали выгибаться навстречу друг другу. Арк метнулся к стене, на которую лаял Карман, и, к своему удивлению, обнаружил в ней незаметный узкий проход, скрытый плесенью от беглого взгляда. Потолок уже опасно приблизился к полу, поэтому Арк, преодолев секундное отвращение, разорвал что-то напоминающее липкую плотную паутину, оттолкнул в сторону гусеничные щупальца и влез в проход. Карман последовал за ним.

Проход больше напоминал колотую рану в стене. Ни пола, ни потолка как таковых не было, стены сочлились слизью и не светились, впереди была темнота. Арк пер напролом, пробивался вперед на ощупь, иногда разрывая мешавшие ему упругие, мягкие мембраны, изредка останавливаясь и помогая запутавшемуся Карману. Время снова потеряло всякую меру. «Раз, два, три, выдох, раз, два, три, выдох», – продолжал отбивать ритм его мозг, пока левая нога не нащупала вместо поверхности пустоту и он не упал вперед, огласив выкриком пространство. Эхо далеко разнесло звук, из-за чего Арк понял, что выпал в какое-то большое открытое место. Всё еще лежа, он просунул левую руку в карман и нащупал рукоять револьвера.

– Это не Нуужно, – сказал голос. Был он булькающий и перекатывающийся, трудноразборчивый, громкие звуки в нем вперемешку соседствовали с тихими, длинные – с короткими, звонкие с приглушенными наталкивались на друг на друга и частично друг друга поглощали.

– вСтъАннь, – сказал голос.

Арк встал, но револьвер из руки не выпустил. Карман позади него зарычал – настороженно, испуганно. Гигантская открытая пещера слабо освещалась по принципу давнишнего коридора, но запах был более резким, а кроме того, к нему примешивалась дополнительная сладковатая нотка гниения. Свет плохо пробивался сквозь пол – на нем там и тут были навалены непонятные, бесформенные куски темной массы, из которой проглядывало белое. «Трупы, – понял Арк, – это полуразложившиеся трупы», и его замутило. Некоторые просто лежали на полу в полуистлевшей одежде, некоторые словно утонули или вросли в пол. От некоторых остались одни кости. У некоторых были лица.

– ПодоЙДИ плижжЕ, – сказал голос.

Количество трупов возрастало ближе к центру пещеры. Там пол изгибался и переходил в подобие кресла или даже трона – огромного, высотой в три-четыре человеческих роста, повернутого прямоугольной спинкой к Арку. Голос звучал оттуда. Карман рычал и тихонько повизгивал. Арк медленно, издалека начал обходить трон. Костяшки пальцев на рукояти револьвера побелели от напряжения. Не отрывая взгляда от центра, он осторожно переступал через лежавших на земле мертвецов. Кроме них, пол был покрыт грибами разных форм и расцветок. Лиловые, белые и пурпурные шляпки создавали необычайный узор, мягко люминесцентно подсвечивающийся снизу и вплетающийся в центральную конструкцию. Это было бы даже красиво. Если бы не трупы.

LXI.

Арк осторожно, по большой дуге обходил нечто, напоминающее трон, в ужасе представляя себе того, кто может на нем сидеть. К его удивлению, на троне никого не было. Говорил сам трон. Пришлось перебороть отвращение и рассмотреть его повнимательнее.

Строго говоря, и трон-то неясную конструкцию посередине зала назвать было трудно. Это было что-то яркое, переливающееся, слепленное из кучи грибов и грязи, по габаритам и форме напоминающее поставленную на попа кровать. Вся эта конструкция была дополнительно оплетена паутинообразными нитями и плесенью всех возможных цветов. На ее поверхности виднелись бульбочки и язвы, то и дело открывались и закрывались отверстия, надувались и сморщивались пузыри люминесцентной плоти. Эта штука жила – в том смысле, что шевелилась, издавала звуки и запахи, а кроме того, несмотря на явное отсутствие глаз или других органов чувств, неотступно следила за Арком и Карманом. Арк выставил вперед левую руку с револьвером, сомневаясь, впрочем, в его эффеКтивности.

– АРКАдИЙ кООлешниШИЙ, – произнесла грибная куча. Звук, казалось, исходил из нее в целом, не отвлекаясь на мелочи вроде отсутствия рта.

– Кто ты? – спросил Арк, подозревая, что ответ его не удовлетворит. – Ты Шпрее?

– Я ессть Вода, и Я есть Тот, Кто Пьет, – веско ответило существо.

– А кто тогда я? – задал вопрос Арк.

Его собеседник задумался, а затем пробулькал:

– микрОБ.

Это почему-то успокоило Арка. Он опустил пистолет и приблизился к странному существу на пару шагов, не забывая, впрочем, о том, что самая большая куча трупов лежала прямо у подножия Шпрее. На куче он заметил посторонний предмет. Один из мертвецов – судя по останкам черепа, хундескопф, – держал в полуистлевшей руке бюст Нефертити.

«Ну конечно, – подумал Арк. – Чего я ожидал?..»

– Я пришел за этим, – Арк показал на бюст. – Отдай, и я больше не буду тебя беспокоить.

То, чем занимался Арк, было даже трудно назвать блефом. Блеф обычно используют, играя в карты. Арк блефовал при игре в шахматы. Но он был ранен и чертовски устал, и поэтому ему было уже немного наплевать.

– Это МОЕ, – быстро ответила Шпрее.

– Что ты хочешь взамен?

На секунду воцарилось молчание. Наконец существо спросило:

– какое У тебЯАА чуссство ЮМОра?

– Что? – Арк решил, что ему послышалось.

– Чуццтво. ЮМОРа. Я хочщшУ понять чшшЕЛОвекА. ПонимАЮ фОрму, вкусссс, сссвет. пОнимаю сстраХХ, желАНИЕ, вЕРность. Понимаю люБОФфффь, дрУшбу, смерть. Не пониМАЮ УУмор. У тебя ешьть ЧЮСство юМОРа?

– Наверное, есть, – сказал Арк.

– ХОРОШО. мне нушен НИктоД.

– Анекдот?

– АНИкТод. РасСКАЖИ никтод и РАСССмеши меня. Я расскаШу тебе. Первый САСмеется – проИГРал. Ты САПЕрешь бюст Нефертити.

– А ты?

– А я заберу ТЕБя. В любом случАЕ поЙМу юМОР.

Какой вид юмора предпочитает Тот, кто Вода, и Тот, кто Пьет? Арк помнил не так много анекдотов, в большинстве из них действовали советские вожди или герои мультфильмов. Эти вряд ли подойдут...

– Хорошо, – сказал Арк. – Как хозяину, уступаю тебе право первого.

Грибное существо побулькало, побряхтело и произнесло:

– ХорОШо.

– Только, как хозяин, – победоносно продолжил Арк, – ты должен позаботиться о комфорте гостя. Я ужасно устал, можно мне куда-нибудь присесть?

Из пола выросло подобие табуретки на одной, довольно тонкой, но прочной на вид ножке. Арк, не скрывая облегчения, сел. Карман запрыгнул ему на колени, и Арк сразу начал успокаивающе чесать его за ухом.

– Спасибо большое, – сказал он. – Ну, рассказывай.

Масса грибов еще немного побулькала и спросила:

– ЧЕМ ковбои похожи на ГРИБЫ?

LXII.

Арк быстро угадал ответ. Хотелось потянуть время, и он притворился, что задумался. Чувство юмора самой Шпрее оказалось неожиданно детским, и свой анекдот нужно вспомнить соответствующий.

– Не знаю, чем же? – подыграл он, не желая затягивать паузу.

– Оба хотят в ШЛЯпе! – заявило существо. Последовавшее за этим продолжительное бульканье Арк истолковал как смех и вежливо улыбнулся.

– Моя очередь, – сказал он. – Но прежде, чем я начну, я бы хотел чего-нибудь попить. Во рту абсолютно пересохло, и анекдоты рассказывать трудно. Только я грибы не пью. Если можно, просто воды, пожалуйста.

От гриба, на котором сидел Арк, отпочковался еще один, поменьше, но той же высоты. На нем росло что-то похожее на почку, но морщинистое, как сморчок. Почка лопнула, и внутри нее Арк увидел прозрачную жидкость. Он сорвал импровизированный стакан, понюхал. Пахло плесенью и почему-то спиртом. Арк осторожно отхлебнул. Напиток был очень холодный и освежающий. Безусловно, алкогольный, но скорее ближе к вину, чем к водке. Вкус был весьма приятный, хоть и вызывал легкие ассоциации с потными носками и несвежим бельем.

– Спасибо большое, – сказал Арк и отхлебнул еще. Больше тянуть время не получалось. Он судорожно пытался вспомнить что-то про грибы, но в голову лезли одни ковбои. Наконец он рискнул: – Два ковбоя поехали в пустыню искать золото. Нашли старую шахту. Один держит веревку, другой спускается вниз, в яму. Вдруг веревка обрывается, и второй ковбой падает. Первый кричит: «Эй, Джон!» – «Что?» – «Ты как?» – «В порядке!» – «Руки-ноги целы?» – «Целы!» – «А шахта глубокая?» – «Не знаю, я еще лечуууу!»

В ответ было долгое молчание, а затем Шпрее сказала:

– АНИктод не сМЕШной, но хорошиЙй. Говорит нам о СУБЪектиФности вреМЕНИ. О ТОМ, что наше восприЯТИе объективной физической реальности смеЩЩЩено относиТЕЛЬНО друг друга. и О том, что коВБой наверху никОГДА не поймет ковбоя, который ПАДает в бездну. Но это не сМЕШно.

– Тогда пока что ноль-ноль, – сказал Арк. – Твой анекдот был достаточно предсказуемый, а это делает его несмешным.

Он отхлебнул еще грибного вина. Оно придавало ему смелости. Обычно он довольно быстро пьянел, но в данный момент вино только трезвило его, накаченного адреналином и болью.

– Моя оЩЕреть, – сказала Шпрее. – Я УЧТу критиКУ. чЕм врЕМя похоже на вНИМание?

Арк замешкался, разыскивая каламбур или хоть какую-то объединяющую идею. Анекдот предполагал обман ожиданий, но тут ожидать было нечего. Карман недовольно заворчал, и Арк продолжил его гладить.

– Не знаю, – сказал он.

– ОНИ ПОХОжи всеМмм! – заявила грибная масса. – Кто тРАтит Фремя, тот теряЕт вниМАНИЕ, а кто утелЯет Внимание, дАрит ЗФое вреМя.

– Я не понял шутки, – честно признался Арк.

– ЮМОР в ТоМ, что две тАкие разныЫЫе в челоВЕЩеском понимании весЧИ на самом деле СУТЬ одно и То же. И то, и то – нАШШ личНый, перЦОНальный ресурс, ИСПользуя одНо, мы тем САМЫым тратим фтарое. ПарадоКС.

– Это, может быть, довольно глубоко, но не очень смешно, – сказал Арк. – Если шутка смешная, она не требует объяснения.

– ШАААль, што челОвеки до сих пор не СПАсобны смеяться сАми над собОй, над своими огРАНИЧениями восприяТия. ГриБам это даетЦА горазто леххЩе. ПриДЕТся вернуТЬся к шуткам пРо ковбоев, – и Шпрее издала звук, который можно было бы интерпретировать как вздох.

– Хорошо, – сказал Арк, который вспомнил еще один анекдот. – К ковбоям, так к ковбоям. Ковбой приезжает вечером в салун, усталый, грязный. Просит ужин, ванну и чтобы его разбудили прямо перед рассветом. У него завтра очень длинная дорога, и обязательно нужно рано выехать. Он поднимается в свою комнату и засыпает. На следующее утро его будят ни свет ни заря, он быстро одевается, выпивает кружку кофе, седлает коня, выезжает. Скачет весь день через пустыню, несется, не жалея лошадь, без перерывов или остановок. Уже под вечер замечает небольшой оазис и заезжает туда, чтобы попить самому и напоить лошадь. Он спешивается, подходит к воде, нагибается и вдруг видит в отражении негра. «Черт! – говорит ковбой. – В темноте не того разбудили!»

Снова повисло молчание. Наконец Шпрее довольным тоном сказала:

– ты ФЩЕ-таки поНЯл мою проШлУю шутку. это был хОРОший никтОД с глубоким ШМЫШлом. Но не смешной.

– Я проголодался, – сказал Арк. – Можно, перед тем, как ты расскажешь свой, я что-нибудь съем?

– Ты еШШШ грибы?

– Только сыроежки, – признался Арк, не зная, что отвечать в этой ситуации.

Из импровизированного столика, на котором стоял стакан с грибным вином, выросло несколько светлых грибов поменьше. Арк аккуратно сорвал один, покрутил

его со всех сторон, понюхал. На вид гриб напоминал досмещенские шампиньоны, но пах лесом и почему-то детством. Арк аккуратно откусил. На вкус сыроежка была рыхлой и водянистой. Арк быстро запил ее вином и принялся за вторую. Ему нужно было побольше времени, чтобы придумать свой третий анекдот. Он спокойно доел все три, и грибное существо, надо отдать ему должное, не беспокоило Арка и довольно вежливо давало ему наесться. Наконец сыроежек больше не осталось, и начался третий раунд.

LXIII.

– почЕМу у ГРИБа одна ношшка, у челОВека – две, а у ТАБУРетки – три? – спросила Шпрее.

– Почему? – переспросил Арк.

– Гриб ноСИТ шляППу всИгда, человек – инОГда, а табуретка – никогда.

Это было почти смешно. По крайней мере, это была настоящая шутка, хоть и во многом копирующая первую.

Арк улыбнулся и сказал:

– Мне кажется, эта закономерность не совсем точная. В конце концов, в тридцатые годы люди носили шляпы гораздо чаще. Что, значит, и ног у них было меньше?

– ТА, – ответила Шпрее. – НаПРИмер, мне отРВало ногу на Первой миРовой.

– Ты... помнишь? Свою человеческую жизнь?

– Не пОМню. ЗНАю. Внимаю. У меня есть бесконечное вниМАНИЕ, а значит, и бесКККАнечное время. Я живу вне их, я пью их, как молоко. Я вижу всё, что видел когда-то и что увижу впредь. Я есть Вода, и Я есть Тот, кто Пьет, – повторило существо.

– А кем ты был... до?

– Мне было четырнадцать в четырнадцатом. Я жил на реке. С тех пор, как я лишился ноги, всё свое время и всё свое внимание отдавал реке. Потом была еще война. Много смертей. Выстрелы. Потом взорвали бомбу. Старый телевизор. Большой взрыв. Весь мир потрясен. Я вернулся к реке. В конце концов я стал рекой, а время и внимание стали одним. Всё сошлось. Всё соединилось. Всё сместилось. Всё распрямилось. Рассказывай анекдот.

Арк, совершенно сбитый с толку услышанным, замялся. Он вспомнил старую шутку стендап-комика, которая стилистически подходила, и, пока ел, подгонял ее под грибную тему. Собравшись с мыслями, он начал рассказывать:

– Приходит плесень к ортопеду. «На что жалуетесь?» – спрашивает врач. «Понимаете, доктор, моя жизнь... она очень сложная. Она не собирается в цельную картину. Вот, моя жена. Мы вместе уже двадцать семь лет. И я недавно осознал, что совершенно не люблю ее, понимаете, доктор? Это самый близкий мне человек, а я испытываю к ней не больше чувств, чем к столу в гостиной или к старому ковру. Или вот, мой сын, доктор, мой сын Бифф. Я думал, он пойдет по моим стопам, я

надеялся на хорошую карьеру для него, на богатую, насыщенную жизнь. А на самом деле я ему совершенно неинтересен. И он просто теряет свое время, доктор, время, которое так дорого, когда пытается угодить мне и слушает мои советы. И всё это на моих глазах. А моя младшая дочь, док, Анастасия? Она такая красивая, но мне всё больше и больше кажется, что за этой красотой ничего нет, понимаете, док? Что за ней пустота, вакуум души, что она просто полая кукла. И вот, понимаете, доктор, мы все сидим вчетвером за обеденным столом, и я смотрю на мою семью, на людей, которые мои родные, мои близкие, и понимаю, что на самом деле они мне чужие, абсолютно чужие, док! Мы все – чужие друг другу люди, и мне нужно очень тяжело работать, чтобы получить хотя бы каплю, хотя бы молекулу надежды на то, что хоть что-то можно изменить». – «Спасибо, – говорит потрясенный ортопед, – но вам, наверное, нужно к психологу. Почему вы пришли ко мне?» – «А у вас сыро».

Шпрее издала длинный раздраженный вздох.

– щЩто за еРУНдта, – сказала она, – это НЕ смешсно! Что, ГРИИбы только ТУда, где сыЫыро, идУТ, Шчто ли?

Ее речь стала еще менее разборчивой, и Арк понял, что совершил ошибку.

LXIV.

– ТЛИННняя иЗстоРИя, никАКогого смыСЛАЛА!

– Возможно, у нас просто слишком разное чувство юмора, – попытался оправдаться Арк. – Дело же не...

– У МеНЯ тличЩЩное ЧувсТТВво юМОРа! – голос звучал, казалось, отовсюду, отражаясь от стен и расщепляясь в сотне отголосков эха. – ВотТОКта кТОООо-то ТЕБе болЕЕ поХОЖИИИи!

Рядом с Арком прямо из пола вырос новый гриб, на этот раз антропоморфный, в большой широкополой шляпе. Карман бешено залаял. Вглядевшись, Арк узнал Джека Ножа. Его кожа была монотонно-серой, а открытый в вечном беззвучном крике рот был просто ввалившейся выемкой, и Арк отчетливо видел ее ровное серое дно. Глаза его были матовыми и пустыми, розово-белыми, как плесень.

Арк, не вставая с места, достал револьвер и выпустил две оставшиеся пули прямо Джеку в лицо. Они прошли его насквозь, оставляя страшные, рваные дыры в мертвенной плоти. Ни крови, ни другой жидкости. Внутри Джека была всё та же серая губчатая масса. Джек толкнул Арка, неуклюже, слепо, и оба повалились на скользкий пол. Джек схватил Арка за горло. Карман лаял где-то сбоку и кусал нападавшего за ноги и бок, но тот не обращал на это ни малейшего внимания. Его шляпа болталась прямо на уровне Арковых глаз, и Арк понял, что между ней и лбом странного существа нет промежутка, что это просто часть его головы. Арк, с трудом дыша, схватился левой рукой за гриб, торчавший у него из плеча, и резко вытянул его из раны. Обнажилось яркое, неестественно сверкающее лезвие. Боль была

острой, ослепляющей. Делая усилия, чтобы не потерять сознание, Арк полоснул ножом по руке Джека на своем горле и, к удивлению их обоих, перерубил ее напроць. Джек приподнялся и уставился на свою ровную, без следов сосудов, мышц или костей культю, а Арк, пользуясь случаем, правой рукой нащупал Кармана и открыл Пасть. Крича и рыдая от боли, он изо всех сил ткнул кулаком с зажатой в нем взрывахой в грудь Джека, пробил в ней дыру и оставил снаряд внутри. Столкнув с себя ошалевшего противника, Арк откатился в сторону, закрыл собой собаку и активировал заклинание. Приглушенно гроыхнуло, и Джек разлетелся по всему залу неровными, обожженными серыми кусками. Комната наполнилась страшным шумом, и Арк сквозь боль понял, что это был смех.

– ФЗорВал гРИБ! – булькала Шпрее, и вся комната мелко вибрировала в такт ее хохоту. – ЯДЕРный ГРиб!

Арк медленно встал на ноги, готовя себя к новому нападению. Правое плечо было как в огне, а вся рука и бок – мокрыми, и это означало, что он быстро истекал кровью. Беспольный теперь пистолет лежал рядом, нож с грибной ручкой Арк сжимал в левой руке.

– Это было оЧЕНнь смеШНО, – признался голос. – Я любЛЮ аниктоды, но и тЕАТр-бувф тож лЮБлю. Ты выЯграл.

– Значит... бюст мой? – спросил Арк.

– Да. И ты можешь идти. Но боЛьше в меНЯ не прыгай!

– Больше не буду.

– Я снимаю все БЛоки. Твои друзья давно тебя иЩУт. Прощай, Аркадий Колесничий.

Арк почувствовал странное покалывание во всём теле, и его ноги почти оторвались от пола, словно гравитация значительно ослабла. Бюст Нефертити тоже вдруг дернулся и, словно воздушный шарик, медленно полетел вверх. Арк схватил Кармана под мышку и побежал за бюстом. Совершив два неловких, но гигантских прыжка, Арк добежал до бюста, но поскользнулся и перекувырнулся в воздухе под оглушительный хохот Шпрее. Не упал на землю, потому что всё вокруг вдруг стало вязким и тягучим. Арк понял, что не летит, а плышет. Бюст еще раз дернулся и стал подниматься быстрее. К нему сверху прилипло что-то маленькое и блестящее. Загребая левой рукой, Арк, не обращая внимания на тревожный писк Кармана, на боль, на затрудненное медленное дыхание, сконцентрировался на бюсте. И ухватился за него за секунду до того, как тот полетел вверх стрелой. Бюст был скользкий, и Арк со всей силы сжал его рукой, вдавил пальцы в мягкий камень и удержал. И не свалился. Бюст уже со скоростью пушечного ядра пробил потолок комнаты, которая сверху, конечно, напоминала большой полый гриб, и вылетел наружу. Солнечные лучи больно хлестнули Арка по глазам, но вскоре это уже было неважно, ему осталось продержаться еще буквально несколько секунд, а потом можно с чистой совестью терять сознание, и Арк так и поступил.

LXV.

Пшигода вытащил Арка на берег. Арк весь был покрыт чем-то бурым и серым, а из правого плеча тонкой струйкой сочилась кровь. Под мышкой у него был зажат перепуганный Карман, а левая рука судорожно сжимала бюст Нефертити, оставляя на поверхности бесценного артефакта темные следы.

– Быстро, везем его к Оксане, – скомандовала Лу.

– Только отдайте мне бюст, – сказала Доротея.

Две девушки уставились друг на друга. Пшигода пожал плечами: мол, некогда, а затем с усилием разжал пальцы Арка и кинул бюст одному из прихвостней Доротеи.

Та улыбнулась и, пока Арка грузили на дрезину, довольно сказала:

– Прекрасная работа, Лу Оспри. Признаться, я не ожидала настолько успешной и быстрой развязки.

– Спасибо за комплимент, фрау Лихтенхерц, – ответила Лу сквозь зубы. – Но, боюсь, до развязки еще далеко. Мы продолжаем искать террориста на мосту. Ирджих, статуи тоже.

Пшигода, не рискуя вмешиваться, сгреб в охапку три статуи и осторожно обложил ими Арка. Лу и Пилар залезли в дрезину, Пшигода взгромоздился на место водителя, и они тронулись. Через десять минут Арка уже внесли в госпиталь Оксаны.

– Сколько времени он был в самой Шпрее?! – крикнула Оксана.

– Я думаю, около получаса, не больше, – сказала Лу, и доктор кивнула.

– А что делать со статуями? – спросил Пшигода у Лу, пока их бессознательного начальника, водруженного на операционный стол, окружали Оксана, Ахил и их помощники.

– Кинь их здесь, на склад. Они могут помочь, – тихо сказала Лу. Лицо у нее было суровое, напряженное.

Пшигода было пошел выполнять это распоряжение, но девушка его окликнула:

– Ирджих, как ты думаешь, что с ним?

– Я не знаю, Лу. Но он свалился в Шпрее, провел там кучу времени, а под конец всё равно так цеплялся за этот курвин бюст, что я еле пальцы его разжал.

Лу улыбнулась.

– Если кто-то выкарабкается, то это он.

– Я то же самое сказала этой суке.

– Ну, и ты была права.

– Спасибо, И, – Лу назвала его их тайным именем, и от этого у Пшигоды по сердцу разлился жидкий, приятный огонь.

– Я пойду, – просто сказал он.

Пшигода закинул три так тяжело заработанные скульптуры Оксане на склад, а потом просто вышел на Александрплатц. Прошел пятнадцать метров, купил в

палатке табак, бумажки, свернул самокрутку, лихо поджег ее искрой из пальца, закурил. Он не мог пригодиться там, наверху: колдун из него был никудышный, фокус с искрой уже был на грани его способностей. А мешаться под ногами или даже просто сидеть в углу, привлекая внимание своей огромной, тяжелой фигурой, он не хотел. Заняться чем-то другим Пшигода, тем не менее, не мог, поэтому всё, что ему оставалось, – это стоять здесь, у входа и курить, вдыхать дым плохого табака вперемешку с гниловато-сладким воздухом Александрплатц, ходить туда-сюда, игнорировать косящихся на него прохожих и просто ждать, не зная, сколько времени продлится операция, как она закончится, вылечит ли Оксана его лучшего друга и стал ли этот друг кем-то или чем-то совсем иным.

Глава 6. Цветы и черви

LXVI.

Лу, Пилар, Акхил и Пшигода собрались у «окна». Окно было настоящим – прямоугольная обтянутая плотной резиной рама со стеклом, купленная из-под полы и аккуратно извлеченная из вагона Поезда, с темным, матовым, словно тонированным стеклом. Оно лежало на столике в центральном зале кирхи. По стеклу то и дело пробегала легкая рябь. Вокруг «окна» гептаграммой были выложены наполненные силой детские игрушки – три плюшевых мишки, кукла Барби без руки, самосвал, котенок и непонятное существо лилового цвета. Сама рама была испещрена колдовскими знаками и заклинаниями, тщательно вырезанными в резине, над которыми Акхил под руководством Оксаны работал последние несколько дней. Кроме того, отдельным квадратом вокруг стекла были выложены «свидетели» – выбитые взрывом камни и куски обшивки взорванного Поезда, собранные Пшигодой у музея Боды.

Все напряженно молчали, готовясь к сеансу. На коленях у Пилар лежали блокнот и несколько отточенных карандашей.

Наконец Лу вскинула руки и проговорила первые несколько слов сложного дизайнерского заклятия, разработанного специально для этой процедуры. У слов не было отдельного смысла ни в одном из языков мира – это были наборы звуков, которые наилучшим образом вступали в резонанс с оконной рамой и разложенными на столе артефактами, высвобождая их колдовской потенциал и меняя реальность согласно воле их говорившего. Рябь на поверхности стекла заметно усилилась. Предметы-«свидетели» начали настраивать «окно» на нужное место и время. Лу вливала в него новые и новые силы, свободно черпая их из кирхи. Воздух загустел, в нем появилась едва заметная дымка. На лбу у Лу выступил пот, Акхил заметно нахмурился, Пилар сильнее сжала блокнот. Их внимание было сфокусировано на стеклянном прямоугольнике. Пшигода смотрел на творимое колдовство чуть со стороны. Он был слабейшим магом из всех присутствующих, даже слабее Акхила, и уж точно понимал в происходящем меньше маленького индуса. Со временем он выработал определенную бесчувственность к колдовству, оно перестало его удивлять как таковое. И даже сейчас, когда перед его глазами происходило что-то уникальное, первая в истории попытка заглянуть в прошлое, он был внутренне спокоен и сдержан.

На стекле, словно на старой фотографии, стала проявляться картинка. На ней ничего не было понятно: всплеск острых углов, клубы дыма, вспышки яркого света, несущиеся и сталкивающиеся фрагменты реальности. «Это, наверное, сразу после взрыва, – подумал Пшигода. – Точнее, это и есть сам взрыв».

Лу начала вращать время вспять, и картинка на стекле стала меняться: сначала медленно, затем быстрее. Лу шумно выдохнула, и время разом скакнуло на

несколько минут назад. Пшигода обеспокоенно посмотрел на колдунью, но Лу только улыбнулась и кивнула в сторону «окна». Там уже происходило что-то более понятное.

Они смотрели через стекло на происходящее внутри Поезда, как будто оставаясь снаружи него. Прямо у окна сидел потрепанный и усталый на вид человек в возрасте где-то между тридцатью и сорока, одетый в старую драную куртку не определяемого из-за грязи цвета. Он глядел прямо на Пшигоду, а точнее, глядел в окно, но то и дело оборачивался и рассматривал других пассажиров Поезда. Вагон выглядел полупустым: занятыми были, наверное, треть всех сидений. Человек у окна сидел на сиденье без соседей.

– Это, должно быть, Клаус, ученик Нигоша, – сказал Акхил.

– Почему?

– Помните, как Арк был одет, когда мы его только встретили? Кроме того, смотрите, он явно чего-то боится. Я думаю, это он.

– Пилар, нарисуй его, пожалуйста, – сказала Лу и остановила картинку.

Та принялась быстро-быстро рисовать незнакомца, пойманного в момент пристального разглядывания происходящего за окном. Осунувшегося, дерганного, действительно чего-то боявшегося. Грязные темные волосы, крупный нос, глаза немного навькат.

Пилар кивнула, и Лу продолжила медленно высвобождать туго стянутую пружину времени. В поле зрения вошел новый пассажир. Крупный, в хорошем дорогом пальто, несущий большую тяжелую сумку. Через его переносицу проходил глубокий рубленый шрам. Он огляделся по сторонам, кинув взгляд будто бы сквозь наблюдающую за ним из окна компанию, а потом обратил внимание на Клауса.

– Вернись-ка на секунду, – сказал Пшигода. – Его тоже нужно нарисовать. Кажется, я его знаю.

LXVII.

Лу отмотала время немного назад и поймала момент, когда новый пассажир смотрел точно на них. Пилар закричала карандашом, а Пшигода тем временем попытался вспомнить... Он видел его где-то на Цоо, но где именно? И в каком контексте?

Пилар закончила, и время потекло дальше, словно замедленное кино. Взгляд в окно, потом взгляд на Клауса. Узнавание в глазах. Сумка тяжело падает на пол, и в это же самое время Клаус достает из недр своих обносков жезл. Успевает поставить защитное поле за секунду до того, как человек со шрамом стреляет ему в лицо из черного матового пистолета. Пули рикошетят и летят по всему салону, задевая других пассажиров, поднимая панику и, наверное, крики. «Окно» не передает звуки, но чуть заметно вибрирует, откликаясь на самые громкие. Дальше всё идет еще быстрее, и Лу приходится изо всех сил сдерживать поводья

убегающего вперед времени. Она тормозит время еще сильнее, растягивая каждую секунду в несколько раз, чтобы другие ничего не пропустили. Пилар бешено скрипит карандашом, зарисовывая положения фигур, изменения мизансцены, нанося на бумагу этот странный схематичный комикс. Клаус моментально ставит еще одно поле – на этот раз прямо около нападающего. Оно пружинисто отталкивает его, впечатывает в дальнюю стену вагона. Клаус встает, у него в руках уже два жезла. Вторым он открывает портал прямо над головой упавшего противника. Оттуда нестерпимо пышет пламя. Человек со шрамом обгорает, но пальто защищает его от основного ущерба. Он вскакивает на ноги, стряхивая с себя языки пламени, и вдруг поворачивается и снова смотрит в окно. Сквозь стекло прямо на Лу, Ахила, Пилар и Пшигоду. Последнему уже начинает казаться, что Лу снова полностью остановила время, но всё остальное движется. Это просто человек со шрамом застыл в ожидании чего-то и не шевелится. За его спиной открывается еще один портал, к нему уже тянется смутно различимое щупальце, но уже поздно. Человек со шрамом смотрит на сумку на полу, и она взрывается. В «окне», как в калейдоскопе, смешиваются и сталкиваются фрагменты реальности, вспышки яркого света, клубы дыма, всплеск острых углов.

Заклинание кончилось. По стеклу паутинкой побежали трещины. Лу в изнеможении упала на колени.

Все присутствующие были истощены. Мозги Пшигоды отказывались работать, фокусировались то на одном обрывке мыслей, то на другом, избегая целого. Все разошлись по углам зала, чтобы немного прийти в себя и отдохнуть. Пшигода, развалившись, лежал в кресле и мучительно вспоминал, где он мог видеть этого мужика со шрамом. Точно не на Алексе, почти наверняка на Цоо. Один из наемников, которые собирались там толпами? Но какой смысл наемнику быть камикадзе? В этом взрыве не выжил никто. Никакое пальто, даже самое защищенное, даже проложенное хоть самой Туринской плащаницей, не могло спасти ему жизнь, и это должно было быть очевидно любому, кто имел дело с боевым колдовством. Он сам активировал заряд именно в тот момент, когда Поезд проехал мимо музея Боде. Мотивация вообще не понятна.

Пшигода встал, подошел к отдохавшей на диване Лу. Украдкой погладил ее по руке. Та улыбнулась, сжала его мясистую ладонь в ответ.

– Давайте поужинаем, – громко сказала она. – И обсудим.

Жадно вгрызаясь в ляжку белки, Пшигода пересказал команде свои мысли.

– Может быть, его семью держат в заложниках? – предположил Ахил.

– Вряд ли, – Лу откусила большой кусок горячей запеченной картофелины. Остальные вежливо дали ей прожевать. – Я думаю, пару месяцев назад в Цоо появилась очень богатая девушка. Слегка печальная, но очень богатая.

– У меня много друзей в Цоо, – сказал Пшигода. – Это будет нетрудно выяснить.

– Меня больше заинтересовал Клаус, – сказала Пилар. – Он явно был там один. Неужели он просто случайно выбрал Поезд, а тем более вагон, который потом взорвался? Он, может быть, и не взрывал его сам, но точно каким-то образом в этом замешан.

– Несостыковка, – согласилась Лу. – Это надо разъяснить.

– А я до сих пор не могу поверить, что мы сделали это, – сказал Акхил с плохо скрываемой гордостью. – Взяли и заглянули в прошлое.

– Шерлок Холмсы курвины, – промолвил Пшигода и затянулся сигаретой.

LXVIII.

Поезд, скрипнув, остановился, раскрыл двери, и грузная нога Пшигоды в высоком кожаном ботинке ударила в перрон Цоо. Пшигода хорошо знал эту станцию и ее обитателей и теплых чувств к ним не питал. Было какое-то трудноуловимое различие между Цоо и Алексом: казалось бы, две огромные жилые зоны, обе формально нейтральные, обе под патронажем могущественных колдунов. Но Алекс был зоной условной свободы, Александр не вводил свои правила, не следил за порядком и в целом отпустил поводья контроля, из-за чего всё это, как на американском фронтире, приходилось делать самим живущим там людям, что создавало атмосферу ответственности. Цоо же был владением Танненбаума, именно здесь был один из двух официальных входов в его Роцу, растянувшуюся вдоль южного берега Шпрее от бывших Бранденбургских ворот до Шарлоттенбурга. Цоо представлял собой как бы гетто на окраине Роци, специальный ее отросток, в котором позволялось жить кому угодно, но который всё равно существовал под строгим надзором растений. Порядок в зоне наводили сотворенные, а может, и выращенные Танненбаумом деревянные големы, прозванные в народе дуболомами, но справлялись со своей задачей они из рук вон плохо, в большинстве своем были тупы и ленивы, а кроме того, были донельзя коррумпированы, или, как тут говорили, «трухлявы». В результате тебя с примерно равной вероятностью могли ограбить и на Алексее, и на Цоо, но на Цоо это могли сделать еще и представители власти. В общем, на Алексее атмосфера была поприятнее.

А вот застройка на Цоо была гораздо свободнее, чем на Алексее, и вообще по площади бывший центр Западного Берлина давал бывшему центру Восточного сто очков вперед. Тут все жили в квартирах, никому не приходилось ютиться в палатках и караванах. Улицы и привокзальная площадь поэтому казались более пустыми, хоть и засаженными различными деревьями и кустами. Вместо мостовой везде был травяной ковер. Какой-то шутник прозвал Цоо «легкими Берлина» – зелени тут действительно было навалом, а кроме того, абсолютно запрещалось курить. Хотя хотелось страшно.

Пшигода достал из необъятного пальто маленький, тонущий в его ладони блокнот и сверился со своими записями: «Сначала, значит, в бар, потом в бордель, а потом, если время будет, и в казино. Сколько работы, kugva, сколько работы...»

До комендантского часа, когда на улицу позволялось выйти, только если ты сделан из целлюлозы, оставалось еще совсем немного времени, и Пшигода предполагал, что ему, вдобавок ко всему прочему, придется тут переночевать. Его местные подружки по понятным причинам перестали быть реалистичными вариантами, значит, нужно было найти еще и Янека и перекантоваться у него. Кроме того, хорошо было бы чем-то перекусить. Ему предстоит умственная работа, а она всегда вызывает аппетит. Значит, сначала точно бар.

LXIX.

Пшигода перешел несколько улиц, миновал разрушенную церковь, служившую неформальным центром Цоо, свернул направо, потом еще раз, в переулок. Вытер ноги о коврик из мха, отодвинул в сторону гигантский лопух и спустился по скрипящим под ним ступенькам. Бар «Лопух и Клен» занимал большое полуподвальное помещение жилого дома. Как и полагалось, внутри было темно и затхло, пахло прокисшим пивом, землей и сырыми опилками, в изобилии покрывавшими пол. За стойкой бара росло причудливое ветвистое дерево и о чём-то болтало с посетителями.

– Привет, Клен, – поприветствовал его Пшигода.

– Привет, Пшигода, – ответил бармен. Голос у него был, за неимением лучшего термина, деревянный. – Так вот, – продолжил он, пока вошедший по привычке с опаской примеривался к барному стулу. При размерах Пшигоды любой хлипкий предмет мебели мог под ним просто развалиться. – Три года я дуболомил. Не срок, скажете? Ну, может быть. Но надоело это мне хуже вырубки. И пошел я к Танненбауму в корни кланяться: так мол и так.

– Мне бы поесть чего-нибудь, – сказал Пшигода, который слышал эту историю уже несколько раз.

Клен махнул ему листиками и продолжил рассказывать. На кухоньке позади барной стойки зашкворчало – два молодых отростка принялись за работу. Боковая ветка Клена разливала пиво.

Ожидая свой заказ, Пшигода с интересом рассматривал других посетителей. Бар был на удивление пуст – за стойкой кроме него сидели всего двое: молодой парень с жестким лицом, по виду из бывшей Восточной Европы, и мужичонка лет шестидесяти, которого Пшигода уже видел тут раньше. Поэтому рассказ Клена предназначался для парня. Значит, он тут новенький. Может, что-то по неопытности и сболтнет.

Пшигода сделал богатырский глоток из огромной деревянной кружки и прислушался к беседе.

– А у Танненбаума правило такое: если ты не дуболом, а честное дерево, изволь, как все, корни в землю. Нечего, мол, шляться, неприлично. Думал я, как поступить, и тут на Лопуха набрел. А он и говорит: «Родной! Давно мечтал бар открыть...»

– Ну и как оно тут? – спросил молодой посетитель. – Заработок идет?

– На жизнь хватает. Вон, поросль молодую воспитываю, – Клен кивнул кроной в сторону кухни.

Пожилой посетитель молча пил. Пшигоде принесли еду – стейк из голубя с овощным рагу. Цоо поставлял овощи всему Берлину и много на этом наваривал, из-за чего терпимо относился к приему их в пищу. Чистое вегетарианство считалось тут чем-то неприличным, вроде извращения, и даже салат из огурца было принято заедать беличьим беконом.

– А ты тут как устроился, дедуль? – спросил молодой у пожилого.

Тот крякнул, одним глотком осушил кружку и жестом заказал еще одну.

– Я до Смещения важным делом занимался, – сказал он. – А сейчас смех один, кое-как перебиваюсь. Иногда вот что-то перепадает, с этого и живу.

– А дорого тут? Я думал из Моабита сюда перебраться.

– Дорого и беспокойно, – буркнул пожилой. – И места мало, я-то знаю.

Что-то щелкнуло в голове у Пшигоды, и он вспомнил соседа по барной стойке. Он действительно иногда заявлялся в «Лопух и Клен», угощал других, сорил деньгами и надирался до неприличия. А потом, видимо, деньги у него подходили к концу, и он возвращался к своему обычному мизантропическому и бедному существованию. В один из таких «богатых» приходов он поделился с присутствующими, что до Смещения работал клерком в офисе городского планировщика. Сейчас же плечи у него были поникшие, пил он пиво, а не дорогой досмещенский коньяк, и поэтому можно было предположить, что он опять на мели.

Общительный молодой посетитель понял, что от пожилого многого не добиться, и переключил внимание на Пшигоду.

– А ты, мужик? Давно тут живешь?

– Недавно. Работу тут ищу.

– А что ты делаешь?

– А сам не видишь?

Молодой хихикнул, поднял стакан с пивом, отхлебнул. Видно было, что нашел коллегу по цеху.

– Месяца три назад, – продолжил Пшигода, – меня моя краля стала есть: заработай да заработай. Я говорю: «Что мы тут, в Кройцберге, уже заработаем? У меня руки, у тебя ноги, вот и всё». А она говорит, что в Цоо ее подружка за одну ночь разбогатела. Хахаль ейный большое дело провернул. И ей перепало.

– Это Карин, – кивнул парень с видом опытного знатока. – Ее тут все знают. Только ее хахаль прячется теперь. Видимо, разозлил кого-то. И откуда деньги, она не говорит.

– И я бы прятался, – сказал Пшигода. – Никакая Карин не нашла бы.

Они выпили еще по одной, и Пшигода, угрожающе покачиваясь, как колокол после звона, встал со стула. Кивнув Клену – его кредита вполне хватило на ужин с выпивкой, – спотыкаясь и чертыхаясь себе под нос, он выкарабкался наверх, в прохладу ночного города. Дальше шел уже нормальным быстрым шагом, твердым и уверенным. Комендантский час должен был вот-вот наступить, и нужно было срочно найти Янека.

LXX.

Пшигода вышел на площадь с разрушенной церковью, пересек ее по центру и вошел в высотное здание. Лифт не работал, и он по лестнице поднялся на четвертый этаж. Дверь открыл охранник. Узнав запыхавшегося Пшигоду, он посторонился, и тот вошел в хорошо знакомый бордель.

Конечно, большинство подобных заведений Берлина концентрировались в Кройцберге. Но на Цоо вечно собирались наемники, и многие из них не желали тратить время на дорогу. Так, повинаясь неумолимым законам рынка, появилась «Манжетка» – бордель быстрого обслуживания, без роскошных балдахинов и бархатных занавесок. Мало кто задерживался тут дольше абсолютно необходимого.

Хозяйка фастфудного борделя, Вельва, приветливо помахала Пшигоде:

– Давно не заходил! Подружку завел?

Пшигода кивнул и почувствовал неожиданное и труднообъяснимое чувство гордости.

– Янек? – спросил он.

Вельва, высокая статная брюнетка за сорок, картинно всплеснула руками, а потом махнула в сторону коридора. У себя, значит.

«Манжетка» занимала два этажа бывшего отеля. Миновав череду однотипных дверей с номерами, Пшигода остановился у № 443. Громко три раза постучал. Подождал с минуту. Дверь распахнулась, и из комнаты выбежали две избирательно одетые девушки, оставив дверь нараспашку. Янек распластался на кровати, являя Пшигоде и миру свои сокровища.

В прошлой жизни он был приятелем Пшигоды, часто работал с ним на одних стройках. Смещение не прошло для него даром, и его тело трансформировалось: у него выросло четыре дополнительных пениса и три вагины. Как и многие другие трансформанты, первые пару лет он сходил с ума, привыкал к новому телу, психологии, либидо, гормональному фону. Работая вместе с Пшигодой антикваром, тратил все деньги на утоление невероятным образом выросших сексуальных потребностей. Смирившись, работал проституткой, перебрался в Кройцберг. Потом нашел себя и стал тренером для девушек и юношей, которые желали по-настоящему зарабатывать подобным образом жизни. Прославился на весь Берлин,

мгновенно разбогател и ушел на покой на Цоо, где, впрочем, тоже работал не покладая рук, поскольку физиологические аппетиты у него так и не убавились. Как приятель Пшигода немного сочувствовал Янеку из-за его неизлечимой мании. Как у мужчины Янек вызывал у него безграничное уважение и толику любопытства.

– Ирджих! – закричал его друг, вскакивая с постели, даже не надев халат. Рассинхронизированные движения его в разной степени напряженных частей тела поставили бы в тупик даже опытного часовщика.

– Привет! – сказал Пшигода.

– Ты чего тут делаешь? Комендантский час скоро. Если еще не начался.

– Мне нужны ночлег и услуга. Второе важнее.

– Начнем со второго.

Пшигода покопался в кармане пальто и достал сложенный лист бумаги с карандашным наброском портрета Клауса.

– Помнишь взрыв на Поезде?

– Несколько месяцев назад? Конечно, главное событие прошлого года.

– Он погиб в этом взрыве. Зовут Клаус, он с Осткройца, но ехал отсюда. Мне нужно знать, чем он тут занимался.

– Он как-то связан со взрывом? Если с Осткройца...

– Может быть. Я стараюсь выяснить.

– Сложно... В октябре, да? Четыре месяца назад. Очень сложно.

– Мы думаем, что он у кого-то узнал нечто очень важное. Из-за чего его могли убить.

– Это может упростить работу.

– Кто тут торгует информацией?

– Тут все торгуют всем. В основном, своим прошлым. Очень трудно угадать, какая именно информация будет действительно ценной. Недавно вон мужик – был никем до Смещения, водопроводчиком муниципальным. Заикнулся о том, что лет десять назад провалился в какой-то люк в какой-то древней трубе. По пьяни сболтнул. Это один услышал, потом второй, дошло до дуболомов, потом до Танненбаума. И нашли в этой трубе какой-то запас артефактов. Вроде в один из домов нетронутых поднялись по трубам, а там куча добра лежит.

– А водопроводчик что?

– Пропал. Может, убили на всякий случай. А может, в награду в Роцу перевели. Слухи разные ходят.

– Интересно, – сказал Пшигода. – Может, посмотреть, кто еще недавно в Роцу перебрался?

– Это можно, – ответил Янек. – Если есть, чем заплатить.

LXXI.

Янек оделся, и они вышли из номера. Поговорив с хозяйкой борделя и получив плату за вечер, Янек кивнул Пшигоде, и они спустились на улицу.

– Придется подраться, – сказал Янек.

– В смысле?

– Увидишь.

Снаружи было еще более пусто, чем раньше. Комендантский час начался. Янек с Пшигодой быстро шли, прячась в тени домов и избегая широких улиц и открытых пространств. Пару раз пришлось переждать, пока мимо ковылял дуболомский патруль.

Наконец Янек остановился, выглянул за угол и спросил:

– Видишь их?

Пшигода высунулся на секунду, оценил обстановку. Там стояли два дуболома, с виду не отличимые друг от друга. Их двухметровые фигуры мерно покачивались на ветру.

– Левый – это Листочек. Он нам нужен, я его беру на себя. Правый – то ли Желудь, то ли Корица, откуда не вижу. Его нужно вырубить.

Пшигода развернул полу своего длинного пальто. Там, вися на аккуратной петле, поблескивал в свете фонаря небольшой, но острый на вид топор.

Янек быстро замотал головой:

– Никаких топоров, никакой трухи. Только в нокаут отправить. Нам надо поговорить с Листочком без свидетелей, и нужно, чтобы у него было алиби.

Янек присел на корточки, покопался в ближайшей кочке. Выудил оттуда два куска асфальта. Протянул Пшигоде тот, что поменьше.

– Листочка нужно будет напугать, а потом подкупить. Тогда точно всё выложит. Если по-тихому, то за пару минут управимся.

Они выбежали из-за угла, как две тени. Янек несся почти бесшумно. Пшигода тоже старался не топтать, но кожаные ботинки на толстой подошве даже на траве шумели как черти. Дуболомы не отличались особым слухом, но вибрации земли ловили хорошо. Вот и сейчас оба обернулись, когда их с нападавшими разделяло метров десять. Пшигода этого момента ждал и кинул свою каменюку в правого дуболома. Угодил точно в широкое место между дуплами глаз. Те сразу стали закатываться, раздался треск, а потом на дуболома всем весом налетел Пшигода. Топор он всё-таки достал и ударил противника обухом несколько раз сбоку, по выступам в крепком на вид, покрытом корой стволе. Топор оставил ощутимые вмятины. Дерево под Пшигодой как-то расслабилось, опало, и он понял, что свою задачу выполнил. Янек уже сидел верхом на Листочке.

– Что вы делаете? – прошелестел тот. – Корицу вообще срубили, колбасники.

– Извини, – сказал Янек, вставая с поверженного врага. – Я сам не рад. Моему товарищу тут узнать кое-что нужно было.

Листочек со скрипом поднялся, отряхнул опавшие листики. Он выглядел относительно молодым дуболомом, с тонким стволом и небольшой ровной кроной. Его глазки, похожие на мокрые сучки, быстро перебежали от Янека к Пшигоде. Тот,

развалясь, сидел на своем бревне, поигрывая топором. Достал самокрутку, высек искру из большого пальца, закурил.

– Это тут вообще нельзя, – жалобно произнес Листочек. – Неуважительно и незаконно.

– Колись, липа, – потребовал Пшигода.

– А мы тебе заплатим, – сыграл в хорошего полицейского Янек.

– Что вам нужно?

– Кто из людей переехал в Роцу за последние полгода?

– Ох, – Листочек взмахнул ветвями. – Кто же их всех упомнит?

Пшигода надолго затянулся. Листочек как загнипнотизированный смотрел на тлеющий кончик самокрутки.

– Месяца три назад в Роцу перебралась девушка по имени Карин, – наконец сказал дуболом. – Ей жених дал денег и исчез. До этого фермер один, Захария, переехал, новый сорт голубей вывел и на этом поднялся. Еще профессор нематологии там поселился, фон Штейниц. А совсем недавно, недели три назад, целая семья туда перебралась, не помню, как зовут. Они сами богатые были, из Шарлоттенбурга переехали. Кажется, всё.

– Что за профессор?

– Нематологии.

– Что изучает?

– Не мат?.. – дуболом искренне запнулся.

– Деньги у него откуда?

Листочек потупился.

Пшигода затушил окурок каблуком, убрал в карман, не желая оставлять улики, и снова взял в руки топор. Листочек физически не мог бледнеть, но Пшигода был готов поклясться, что его кора посветлела на несколько оттенков.

– Я слышал... – промямлил Листочек и замолчал.

– Ну, давай, родной, – Янек вытащил из кармана брюк старую садовую тяпку с красивым узором. На эту тяпку можно было несколько недель прожить на Александрплатц.

Листочек еще немного потряс кроной, потом сказал:

– Танненбаум его сам пустил, без денег. Почему – не знаю, хоть рубите.

Пшигода кивнул Янеку. Тот отдал дуболому тяпку, и та моментально скрылась в листве. Листочек, кряхтя, лег на траву, притворяясь тяжело раненым. Друзья быстро покинули место преступления и, стараясь избегать встречи с другими патрулями, пошли к Янеку.

Жил он на окраине Цоо, в однокомнатной квартире с маленькой кухонькой. Это на самом деле был неплохой вариант из того, что было доступно. Шикарных хором в Цоо не было вообще, и большинство людей делили друг с другом коммуналки.

– Что думаешь? – спросил хозяин, разливая водку. Водка на Цоо была поганая, отдавала картошкой, но альтернатив не было. Пришлось пить.
Пшигода сделал глоток, откашлялся и закусил стеблем сельдерея.
– Завтра в Рощу пойду, – заявил он.
– Опасно.
– А что делать? У каждого своя работа.
Янек немного надулся, но потом выпил еще рюмку и оттаял.
– Давно не заходил, – как бы между делом сказал он.
– Спокойной ночи, Янек, – пробормотал Пшигода, откинулся на хлипком кухонном стуле и, ежеминутно рискуя грохнуть на пол, захрапел.

LXXII.

Он открыл глаза в незнакомой комнате. «Где я? – мышкой юркнула первая мысль, и ее тут же догнала вторая: – Кто я?» Кровать была мягкой, удобной на ощупь, не опасной. Не тюремной койкой. Не жестким деревом скамейки. Небольшая комната находилась в полумраке, но были видны шкафы, дверь, столик, кресло. Обычная мирная мебель. Он почувствовал напряжение в теле, мышечный спазм, возбуждение. Откинул одеяло. Ниже пупка, вместо пениса, у него торчал причудливый черный гриб с небольшой шляпкой. Он осторожно дотронулся до него и уколол палец. Сверху из гриба выпирал острый шпиль, и вообще это был не гриб, а словно какое-то строение, башня. Черная Башня Осткройца. Что это значит? Он посмотрел на уколотый палец: на подушечке выступила капля крови, она медленно стекала вниз, окрашивая лабиринтообразный узор, заполняя ложбинки и дорожки. Он сунул палец в рот. Кровь была на вкус сладкая, как вино.

В дверь вошли две женщины, Оксана и Лу.

«Кто это?»

– Арк! – воскликнула Лу и подбежала ближе, и только в этот момент дамбу его сознания прорвало, воспоминания влились в него ревушим потоком, и Арк пришел в себя.

И первым делом стыдливо закрылся одеялом.

Оксана подошла ближе, Лу осторожно обняла его.

– Арк? – повторила она.

– Привет, Лу. Я в порядке. Кажется...

Обе улыбнулись.

– Как плечо?

Арк посмотрел на Оксану, потом вспомнил, коснулся правого плеча, поморщился.

– Как будто должно сильно болеть, но не болит. Вообще не чувствую.

– Я заморозила тебе нервные окончания. Заклинание спадет, и плечо заболит, но, насколько я могу судить, руку ампутировать не нужно.

– А был такой шанс?

- Да.
- Арк, ты не представляешь, сколько Оксана для тебя сделала, – сказала Лу. – Больше, пожалуйста, не падай в Шпрее.
- Не буду. Спасибо, Оксана. Я в очередной раз перед тобой в неоплатном долгу.
- Посмотрим, – туманно произнесла Оксана и вышла из комнаты.
- Арк нахмурился, секунду о чём-то вспоминал, потом повернулся к Лу:
- Где Карман?
- В кирхе остался. С ним всё в полном порядке, как будто и не было ничего.
- А где бюст Нефертити?
- У Доротей. Эту часть контракта ты выполнил. Все в полном восторге.
- Который сейчас день?
- Десятое января. Еще есть несколько дней до срока, назначенного Советом. Пшигода сейчас выясняет остальное. Мы успеваем, Арк.
- Хорошо, – Арк откинулся на подушку. Приятно, когда можно положиться на друзей.
- Отдыхай.
- Я же у Оксаны, да? На Алексе?
- Лу кивнула.
- Я думаю, что смогу уже сегодня пойти домой. Уже сейчас.
- Хорошо, только оденься. Вещи вон в том шкафу. Я снаружи подожду.
- Лу вышла, и Арк встал. Первым делом посмотрел вниз: всё нормально, ни башен, ни грибов. Всё как обычно. Прихрамывая, он подошел к шкафу, достал незнакомые штаны, белье, рубашку, носки. На гвозде висело длинное шерстяное пальто. Внизу стояли зимние ботинки. Он медленно оделся. Завязывать шнурки было неудобно: правая рука всё-таки саднила, и пальцы шевелились не так легко. Он вышел из комнатки, в коридоре Лу о чём-то говорила с Оксаной. Последняя внимательно осмотрела Арка сверху донизу и вроде бы осталась довольна.
- Я нашла два велосипеда, – сказала Лу. – Думаешь, справишься?
- Да тут ехать пять минут. Пошли. Спасибо большое, доктор. Сколько я должен?
- Тут всё улажено, – странным тоном произнесла Лу. – Пойдем, по дороге объясню. Они спустились по лестнице. Лу норовила помочь, но Арк без особых проблем справился сам. Тело было уставшим, затекшим, но работало нормально. Они вышли из госпиталя и сели на велосипеды.
- О черт! – вдруг сказала Лу. – Статуи.
- Какие статуи?
- Три статуи из музея Боде. Сильнющие. Доротей их нам передала в качестве оплаты, мы их использовали, чтобы вытащить тебя из Шпрее, но даже двадцатой части их не выбрали. А потом отнесли сюда. Я думала, они могут понадобиться Оксане, но не понадобились.
- Ну и ладно, давай сейчас их не потащим.

– Ладно, я Пшигоду попрошу. Поехали.

Ехалось медленно, но это было лучше, чем идти. На улице было холодно, но Арку это нравилось. Январский ветер овеивал лицо, смывая с него ощущения пребывания в госпитале.

– Так что с оплатой Оксане?

– Оказалось, за нас уже заплатили.

– Кто? Это должны быть безумные богатства.

– Не знаю, – ответила Лу и нахмурилась. – Мне это очень не понравилось.

Арк кивнул. Они ускорились и покатали в сторону кирхи. Телебашня Александрплатц нависала над ними очень высоким грибом на очень тонкой ножке.

LXXIII.

Когда Пшигода проснулся, Янек уже хлопотал на кухне. На завтрак были травяной чай и голубиное яйцо. Пшигода умылся, подкрепился и начал собираться. Чтобы попасть в Роцу, нужно было либо иметь документы, либо дать на ветку охраннику. На второе Пшигоде хватало.

– Оставь топор и сигареты, – посоветовал Янек. – Если найдут, убьют на месте. Буквально четвертуют. Нагнут молодые деревья, привяжут тебя к высоким веткам и отпустят. Зрелище, скажу тебе...

Пшигода кивнул, выложил кисет с табаком на стол, достал из пальто топор.

– Сюда клади, – Янек повел его в спальню и приподнял кровать. В подкроватном ящике лежал целый склад оружия. Среди прочего виднелись и топоры, и пилы.

– На всякий случай, – сказал Янек.

– Мне бы тоже что-нибудь... на всякий случай. Совсем без оружия идти не хочется.

– Как будто у тебя башка не тверже любого дуба. На, держи, – Янек покопался в кровати и извлек оттуда садовый секатор. – Меньше и полезнее, чем твоя гроза старушек.

Пшигода кивнул и сунул секатор за пояс джинсов. Под пальто его было совсем не видно.

Поблагодарив Янека, он вышел из дома и быстрым шагом пошел к Роце. Утренний Цоо гудел, как пчелиный улей. Люди спешили на работу, опаздывали на Поезд, раскладывали торговые лотки. Вход в Роцу располагался там, где до Смещения был давший району название зоопарк. Животных там давно не было, и всё внутреннее пространство занимали деревья. Большие и маленькие, высокие и низкие, они полностью скрывали происходящее в Роце от посторонних глаз. Там уже не было дуболомов – все деревья были обыкновенными, насколько это слово подходило к данному случаю. Например, все они в каком-то не до конца понятном Пшигоде ботаническом смысле были Танненбаумом, или частью Танненбаума, или по крайней мере пребывали с ним на постоянной квазителепатической связи. Что-то связанное с переплетением корней и соприкасанием крон. Сам же владелец

Роши и Цоо виднелся далеко на востоке – его верхушка торчала на трехсотметровой высоте там, где некогда располагалось здание Рейхстага.

Но жили в Роше и люди. Даже просто зайти сюда было огромной привилегией, и ходило много слухов о генетических экспериментах, которые деревья ставили над проживающими здесь людьми. На самом деле всё было прозаичнее, и, как и много где, всё решало исключительно добро. Роша невероятно хорошо охранялась – стоящие по всему периметру дубы-колдуны запросто могли уничтожить подступающую танковую дивизию. Роша считалась наиболее безопасной территорией во всём Берлине, и жить здесь было пределом мечтаний наиболее состоятельной части населения города.

На входе в Цоо, впрочем, колдовской защиты не было. Там стояли обычные дуболомы и лениво проверяли у входящих документы, словно бы истинные деревья считали недостойным общаться с людьми. Отозвав одного из охранников в сторонку, Пшигода сунул ему три серебряные монеты. Дуболом разочарованно пошелестел листвой, и только когда Пшигода добавил к ним детского оловянного солдатика середины века, с облупившейся краской, и охранник принял взятку, выдал взамен дубовый листик.

LXXIV.

Роша была прекрасна. В ней не было присущего всем другим лесам на планете дендроапартеида. Дубы и березы росли вперемешку с кактусами и эвкалиптами. Гибкие лианы обвивали могучие тисы. Сосны обнимались с пальмами, и, разумеется, цвели сто цветов. В Роше настолько царили единение и гармония, что у Пшигоды возникло приторное чувство в рту. А еще, ко всему прочему, тут жили люди. Дома из камня и пластика, ни в коем случае не деревянные, напоминали причудливые кучи мусора, потому что архитекторами, инженерами и строителями были тоже деревья. Нелепые стволообразные конструкции торчали из земли под случайными углами, не зная симметрии и точности. Если постройка угрожала обвалиться под собственным весом, ее обычно поддерживали лианы или подпирали растущий рядом могучий вяз. Выглядело непривычно, но Пшигода был вынужден признать: красиво.

Всего людей в Роше жило порядка тысячи человек, и все они были рассредоточены по огромной территории леса. На карту рассчитывать не приходилось. Пшигода подошел к приветливо выглядящей березе, вежливо приобнял ее стройный ствол, прижался лбом к шершавой коре.

– Извините, пожалуйста, я здесь впервые, – интимно прошептал он. – Я ищу свою знакомую. Не могли бы вы мне подсказать, как пройти к дому Карин.

Береза покачала ветками, и в шелесте листвы Пшигода услышал ответ.

До дома Карин он добирался около полутора часов, обходя густые заросли, аккуратно пересекая поляны, стараясь не давить цветы. В Роше с пониманием

относились к тому, что люди двигаются, переставляя ноги, и тем самым рискуют потоптать траву, но пониманием этим не следовало злоупотреблять.

Карин жила в доме, заросшем сиренью и жимолостью. Почти бесформенную бетонную коробку нежно обвивал плющ. Двери на доме не было – деревья не всегда вникали в тонкости человеческой приватности. Пшигода остановился у входа и громко постучал о дверной косяк. Ему навстречу вышла женщина лет тридцати. Выглядела она странно. Ее идеальное, почти кукольное лицо было серым и бесцветным, глаза каплевидной формы – тусклыми и ввалившимися, роскошные темные волосы – не уложенными и сальными, пропорциональная и впечатляющая фигура – сгорбленной. Женщина явно пребывала в затяжной депрессии. Пшигода молча показал ей портрет человека со шрамом на лице. Карин мотнула головой и вернулась в дом. Пшигода последовал за ней.

– Когда мы были вместе, – стала она рассказывать, когда они уселись в удобные гамаки и стали пить травяной чай с беконным печеньем, – я считала Грега просто клиентом, честно говоря. Постоянным, близким, но ничем не отличающимся... Он, конечно, был в меня влюблен... Жениться несколько раз предлагал, завести семью. Я всё смеялась, всё к шутке сводила. Говорила, что на это нужны деньги. Я не знала, что он... не ожидала, что настолько серьезно...

– И что случилось?

– Однажды Грег ко мне пришел и попрощался. По-настоящему. Я даже не поняла тогда...

Карин всхлипнула, и Пшигода понял, что ей уже очень долгое время было необходимо выговориться.

– Он оставил мне коробку. Сказал: «Будь счастлива». Сказал открыть ее дня через три.

– Когда это было?

– В октябре... Потом он исчез. Перестал заходить. Никто его больше не видел. Я открыла коробку, а там... добра на всю жизнь хватит.

– А что-то еще в коробке было? Записка, может?

– Нет, только артефакты. Я тогда обрадовалась безумно. Тоже не сразу поняла. Рассорилась со всеми подружками. Купила этот дом. В Роще, в цветах, всегда мечтала. Мы с ним тут гуляли... И только сейчас я осознаю...

– А сама коробка осталась?

Карин кивнула. С трудом вылезла из гамака, ушла по кривой лестнице в соседнюю комнату, вернулась с аккуратным деревянным ящиком. Ни капли не опасаясь, протянула его Пшигоде. Ящик был на треть заполнен мелкими, но необычайно мощными артефактами, на секунду напомнив Пшигоде сундук мебельного дракона. Пшигода пригляделся к самому ящику. На наскоро выточенной крышке виднелась неровность, как большой заусенец. А за него, легонько подрагивая на сквозняке, зацепились три коротких светлых волоска. Не дыша, Пшигода извлек их, положил

в носовой платок, свернул его в плотный конвертик и убрал в карман пальто. Карин наблюдала за его действиями без всякого интереса.

Вернув ей коробку, Пшигода спросил:

– Ты знаешь, откуда он взял всё это добро?

– Нет. Я никогда не спрашивала, на кого он работал.

Пшигода поблагодарил за чай и беседу. Предложил денег, но Карин отказалась. Он уже выходил из дома, как она тихо сказала ему в спину:

– А вы знаете... что с ним случилось?

Пшигода секунду подумал, потом обернулся.

– Он умер, Карин.

Кукольное лицо женщины дрогнуло и тут же расслабилось. Она явно ожидала этого ответа.

– А как он умер?

– Быстро. Он умер быстро. Он не боялся.

Карин помолчала, но Пшигода видел, что она раздумывает над еще одним вопросом.

– А то, что он сделал... за это добро...

Пшигода дай ей закончить самой.

– Это было что-то хорошее?

– Это было что-то хорошее для тебя, Карин.

Та кивнула, прикрыла глаза, и Пшигода воспользовался моментом, чтобы уйти.

LXXV.

В лесу он снова применил ту же тактику и спросил у тополя, где живет профессор нематологии фон Штейниц. Оказалось, нужно было идти на юг где-то около часа. Проклиная неудобную планировку девственного леса, Пшигода, как заправский спецназовец, рысью побежал в указанном направлении. Он взял хороший темп и шел ровно, не останавливаясь, чтобы полюбоваться красотами вокруг, обходя редких туристов-свидетелей. На полпути его живот стало сводить от голода, и он сорвал с нужного куста банановую гроздь, церемонно извинившись и поблагодарив растение. Еда в Роще была абсолютно бесплатной, но вежливость никто не отменял.

Профессор нематологии жил в гигантском цветке. Это был явно элитный район даже по меркам Рощи: хорошо освещенная открытая поляна с шикарным видом на южный край Танненбаума и с шестью разноцветными домами-цветками. Тополь подсказал, что искать нужно в молочноцветковом пионе сорта Fen Yu Nu, но Пшигода был не силен в ботанике и два раза ошибся, прежде чем нашел нужный. Несмотря на название, пион был откровенно розового цвета. Пшигода осторожно, боясь продавить лепесток, постучал в возвышающийся метра на три пион.

Никто не ответил.

Пшигода постучал еще раз, настойчивее. «К профессору нужен иной подход, нежели к разочаровавшейся в жизни проститутке», – решил он, и когда лепесток всё-таки чуть отодвинулся в сторону и наружу выглянуло недовольное лицо с трубкой и в очках, его встретил кулак в нос. Лицо тут же исчезло, послышался шум, потом крик. Пшигода без труда настезь распахнул лепесток и вошел в дом. Внутри оказалось примерно так, как Пшигода и ожидал. Мебель была в монотонной пионовой гамме и росла прямо из пола. Пестик цветка, по всей видимости, служил обеденным и письменным столом и для этой цели был укорочен и сплюснут. Сбоку виднелась лестница на верхние этажи, отделенные перегородкой. Лежащий на мягком полу, зажимающий нос рукой и хнычущий профессор нематологии явно жил один.

– Хватит орать, – сказал Пшигода, предупредив очередной крик профессора. – Они не успеют.

К боли и непониманию на лице фон Штейница добавился страх. Он подавился криком, потом заткнулся. Был он маленьким сухоньким человечком лет пятидесяти. Одет был в домашний халат, с ног при ударе слетели мягкие тапки. Его водянистые близорукие глаза смотрели на Пшигоду с ужасом. Тот достал из кармана пальто портрет Клауса и ткнул его в лицо профессору, нависнув над ним статуей Командора.

– Видел его?

Фон Штейниц нашарил рукой упавшие с носа очки, быстро надел их, прищурился. Взгляд его фокусировался то на портрете, то на сжимающем его кулаке. Наконец он энергично закивал:

– Да, я его помню. Он сюда заходил, давно, несколько месяцев назад. Он заплатил мне за информацию.

Голос у профессора был на удивление зычный, совершенно не подходящий к внешнему облику.

– Заходил сюда? Значит, ты уже жил здесь, в Роце?

Профессор кивнул. На кончике носа у него повисла капелька крови.

– А как тогда ты сюда переехал? Кто дал тебе столько денег?

– Танненбаум. Пригласил.

– За что?

– За заслуги!

– В нематологии?

– Да! – очки профессора сверкнули, когда он горделиво вскинул голову. Эффект испортила капля крови, заляпавшая ему халат.

– Так, – сказал Пшигода. – Что такое, курвина мать, эта нематология?

– Наука о червях.

– О червях?

– Да.

– И что же такого важного ты знаешь о червях?

– О червях, молодой человек, я знаю всё.

Пшигода многозначительно промолчал.

– Но я не обязан делиться знаниями с каждым базарным хамом...

– А этот базарный хам? – Пшигода шевельнул портретом. – Он заплатил?

Фон Штейниц кивнул и покосился на напрягшийся кулак Пшигоды. Потом зажмурился.

– За ту же информацию, что и Танненбаум?

– За всю не хватило. За часть.

– Открой глаза.

Профессор червей повиновался и увидел, что в другой руке Пшигода держит секатор.

– Я не могу тебе заплатить столько же, сколько Танненбаум, – сказал незванный гость. – Kurva, я, наверное, не могу заплатить и столько же, сколько этот второй. Но я могу тебе кое-что пообещать. Если ты мне всё расскажешь по-хорошему и бесплатно, я уйду, и на твоих руках останется десять пальцев.

Примерно через семь минут Пшигода бежал к выходу из Роци. Он не боялся, что фон Штейниц настучит Танненбауму; в конце концов, профессор сам выдал секретную информацию, и, узнай об этом деревья, ему первому не поздоровится. Причина спешки была в другом.

Информация профессора червей жгла Пшигоде мозг.

Несмотря на почти два часа бега по весьма пересеченной местности, он почти не запыхался, когда достиг выхода из Роци. Спокойно прошел мимо скучающих дуболомов и вышел на вокзальную площадь. Как он и ожидал, погони не было. Бег действовал на него медитативно, и поэтому план действий представлялся достаточно четко. Пшигода подошел к ларьку, в котором торговали всячиной первой необходимости, и купил кружку пива и голубиную сосиску в тесте. Получив энергию, его мозг стал приводить разбежавшиеся мысли в порядок, строить их ровными рядами, дисциплинировать и муштровать. Пшигоде нужно было поговорить еще с одним человеком, а потом торопиться домой. В Берлине намечалось что-то большое. Больше, чем взрыв Поезда. Он залил в рот последний глоток пива и уже было собрался идти, как вдруг, словно в подтверждение своих выводов, услышал Голос с Неба.

Справедливости ради, его услышал не только Пшигода. Голос – громкий, чистый, с легким деревянным акцентом – легко разнесся по всему Цоо. Голос вещал:

– Слушайте мои слова. Слушайте мои слова. Слушайте мои слова. Я говорю с вами по поручению Совета Города.

– Я говорю по поручению Совета Города. Внимательно выслушайте то, что я скажу, и донесите до тех, кто не смог услышать. Вы не одни. Мы не одни. Берлин жив. Берлин един. Совет Одиннадцати принял решение восстановить Берлин под своим свободным, демократическим правлением. Мы возвращаемся к законной жизни. Мы возвращаемся к безопасной жизни. Мы возвращаемся к спокойной жизни.

Голос сделал паузу, словно для того, чтобы набрать воздуха.

– Мне кажется, это Александр, – высказал мнение Акхил. – Тембр изменен, но интонации его.

Они вчетвером – Пилар, Арк, Лу и он – сидели в кабинете Арка на втором этаже кирхи.

Голос продолжил:

– Третьего сентября, в День объединения Берлина, город снова станет единым. Не будет более раздробленных и конкурирующих зон. Не будет более воюющих колдунов, стремящихся отхватить каждый свой кусок.

Акхил громко фыркнул.

– В Берлине воцарится закон. С третьего сентября в силу вступает Новый Кодекс единого Берлина. У каждого будет возможность узнать и понять новые правила жизни. Появится Полиция единого Берлина, чьей главной обязанностью будут защита всех граждан и соблюдение Кодекса. Появятся независимые судьи, которые смогут защищать невиновных и карать преступников.

– Это то, о чём говорила Доротея, – сказал Арк. – Начинается.

– Жизнь граждан будет безопаснее и удобнее. С третьего сентября в оборот вводится Единая валюта Берлина, как альтернатива системе бартера и услуг. Каждый сможет зарабатывать и тратить деньги. Валюта будет выпускаться и находиться под неусыпной охраной Совета Города. С третьего сентября Совет Одиннадцати становится выборным органом. В этот день в Берлине пройдут первые со Смещения выборы. Они будут честными и открытыми. Каждый разумный гражданин города, вне зависимости от формы тела или колдовского потенциала, получит равное право голоса. Все подробности будут донесены до каждого жителя города позднее. Расскажите всем, кого увидите. Расскажите всем, кто не смог услышать.

Вы не одни. Мы не одни. Берлин жив. Берлин един. День единения Берлина будет началом новой жизни.

Голос стих, а затем в кирхе, как и, наверное, во всём Берлине на секунду воцарилась абсолютная, звенящая тишина. А потом все стали говорить разом.

– Наконец-то нормальные деньги вводят, – произнесла Пилар.

– Так вот к чему оно всё шло, – сказал Арк.

– Это антиреволюция, – заявила Лу.

– Будет кровь, – предрёк Акхил.

Все снова замолчали и посмотрели друг на друга.

– Что вообще происходит? Может, я всё еще из Шпрее не выбрался? С чего вдруг они начали это делать?

– Я думаю, это было неизбежно, – сказал Акхил. – Рано или поздно колдунов бы скинули. Люди отлично справляются без них, посмотри на Фридрих. Они нами правят по праву сильного, но не по праву необходимого. Лу совершенно права, это антиреволюция. Колдуны наносят упреждающий удар.

– Мы тут все колдуны, – заявил Арк.

– Но некоторые колдунистее других.

– Неужели они просто так врут про выборы и законы?

– Конечно врут. Присыпают сверху политикой, как сахарной пудрой. О каком единстве, о каком равенстве может идти речь, если у нас в одном и том же городе живут люди и живут боги?

– Я не уверена, – сказала Лу. – Это будет зависеть от того, кем будет полиция: людьми или богами?

– Вот именно, – резюмировал Акхил. – Они сделают полицией тех же хундескопфов, например, и весь Берлин станет Музейным островом. Так хотя бы у нас есть свободные зоны: Алекс, Фридрих...

– Пренцлауэр-Берг? – спросил Арк, но Акхил не ответил.

– Хундескопы, – произнесла Пилар. – Пшигода сказал бы: «Хундескопы».

Все засмеялись, но смех получился натянутым.

– Кстати, где он? – спросил Арк.

– В Цоо, с портретами Клауса и террориста. Копают информацию.

– Пшигода сказал бы: «Коп-ает».

Шутка Арка была настолько плохой, что на этот раз смех прозвучал поживее.

Они спокойно поужинали, каждый погруженный в свои мысли. Акхил и Арк сыграли партию в го. Арк почти выиграл за белых, но индус в последний момент провернул несколько очень хитрых тэсудзи, разрушив все шансы противника. Пилар пошла домой, к сыну. Лу читала книжку.

Спокойный вечер прервал ввалившийся в дверь кирхи Пшигода. Его пальто было забрызгано чем-то темным, но когда Акхил и Лу подбежали к нему поближе, он отмахнулся. Быстро подошел к Арку, крепко обнял его.

– Плечо... – слабым голосом сказал Арк.
– Извини. Ты как?
– Жив. В сознании. Это главное. Ты-то как? Ты весь в крови.
– Это не кровь, всего лишь древесный сок. Прямо на входе на станцию на меня набросились несколько дуболомов. Нам очень многое нужно обсудить, но я валюсь с ног. С утра объявляем срочное собрание, а сейчас я хочу есть и спать.
– Оставайся в кирхе, – предложила Лу.
Пшигода кивнул и ушел умываться. От него нестерпимо несло свежесрубленной березой.

LXXVII.

Арк плохо спал. Плечо болело, лежать на правом боку было неудобно. В голове плавали разные мысли, путались, не давали уснуть. Он пытался настроиться на мерное посапывание Кармана, но даже этот годами испытанный трюк на этот раз не сработал. Маясь между сном и явью, Арк встал и спустился на первый этаж, выпить воды.

– Не спится? – напугал его голос.

В темноте на одном из кресел одинокой громадой сидел Пшигода. Арк налил воды и подсел к нему.

– Тебе тоже?

Пшигода кивнул. Его темные, глубоко посаженные глаза внимательно следили за другом.

– Слишком многое произошло за последние пару дней, – продолжил Арк.

– И многое изменилось, – сказал Пшигода.

Оба еще немного помолчали.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец спросил чех.

– Лучше. Я не до конца понимаю, что именно со мной произошло там и почему я не полностью сошел с ума, как, например, Джек Нож.

– И почему Оксана вылечила тебя бесплатно.

Арк поднял бровь.

– Лу мне рассказала. Мне это не очень нравится.

– Я думал, ты любишь экономить.

– Чем больше я вникаю в происходящее, тем больше вижу, что нами управляют некие более могущественные силы. Не напрямую. Но где-то подталкивают, где-то помогают, где-то направляют.

– Ну, мы выполняем задание Совета...

– На одном уровне – да, – Пшигода помолчал, собираясь с мыслями. – Но есть еще и другие уровни происходящего, и на них мы просто фишки для игры в го, – Пшигода кивнул на доску, на которой до сих пор можно было рассмотреть руины стратегии Арка при игре с Ахилом.

- А кто играет?
- Кандидатов не так много. Совершенно точно – Лихтенхерцы. Они играют почти в открытую. Может быть, Танненбаум, но он может быть и заодно с ними. И я очень надеюсь, что Александр.
- Ты не знаешь наверняка?
- Нет. Александр – бог, Арк. И если Лихтенхерцы – боги в античном смысле, то Александр, пожалуй, дотянет и до библейского. Его мотивы, его логика, желания, воля неисповедимы. Неизвестны и, я полагаю, непознаваемы. В отличие от остальных, например, он бог весьма удаленный.
- В смысле?
- Ты его когда-нибудь видел?
- Нет.
- И я нет. А я живу на Алексе уже почти три года. Все знают, что он там, в своей Башне. Серб точно его видел и постоянно находится с ним в контакте. Но многие никогда не связывались с ним напрямую, даже не видели.
- И что же?
- Кому-то трудно верить в бога, которого не видно. Особенно когда чужие боги шастают среди людей в открытую. И напрямую управляют их жизнями.
- Думаешь, Александр об этом не знает?
- В том-то и проблема. Думаю, ему всё равно.
- Оба еще немного помолчали, сидя в темноте.
- Наконец Пшигода нарушил тишину:
- Арк?
- Да?
- Ты всё тот же?
- Не знаю. Кажется, да.
- Хорошо. Это нам пригодится. Я пойду спать.
- И чех ушел.

LXXVIII.

Ранним утром все собрались в кабинете Арка, не желая попусту тревожить остальных работников. Не было только Пилар, которая обычно приходила позже. На разных концах большого листа бумаги Арк написал: «Взрыв», «Бюст», «Клаус», «Нигош», «Лихтенхерц», обвел кругами. Подумал, не выписать ли отдельно Доротею, но не стал. Протянул линию от «Нигоша» к «Клаусу», оттуда ко «Взрыву». Еще одна линия соединила «Бюст» и «Лихтенхерцев». Пшигода добавил еще круги «Грег», «Танненбаум», «фон Штейниц» и «Тараск». Все уставились на последнее. Пшигода стал объяснять и рисовать.

- Грег, как мы видели, взорвал Поезд, – на бумаге появилась еще одна линия. – После смерти Грега его девушка получила кучу добра и поселилась в Роце

Танненбаума, – еще одна. – Добро лежало в коробке, в которой я нашел вот это, – Пшигода развернул платок.

– Короткие жесткие волосы, – сказал Акхил. – Собачьи?

– Именно. Хундескопфы – значит, Лихтенхерц, – линия соединила соответствующие круги. – Теперь Клаус. Он Поезд не взрывал, но погиб не случайно. В тот день он был в Роше, говорил с профессором-нематологом, – линия соединила «Клауса» с «фон Штейницем».

– Нематологом?

– Изучающим червей, – пояснил Акхил.

– Точно. Нематолог живет в роскошном доме в Роше, потому что какое-то время назад придумал для Танненбаума страшную вещь, – еще одна линия. – Он создал заклинание, позволяющее при наличии артефакта необычайной силы вызывать Тараска, – на схеме появились соответствующие линии.

– Управлять им?

– Нет, только приманивать. Нужен предмет небольшого размера с очень высокой концентрацией колдовской энергии. Но, имея такую штуку, можно совершить самую большую террористическую атаку в истории нашего мира.

Акхил, не говоря ни слова, провел новую линию через весь лист. Она соединяла «Тараска» с «Бюстом».

– Вот что, – заявила Лу. – Им нужен бюст не просто так. Это наживка для Тараска, – она посмотрела на образовавшуюся схему. – Я думаю, мы можем провести еще одну линию, – и она соединила «Танненбаума» и «Лихтенхерцев». – Они должны действовать заодно.

– А как Клаус и Нигош связаны со взрывом? – спросил Арк.

– Перед отъездом я разговорил одного из работников станции Цоо. Пара кружек пива – и он стал моим сердечным другом. День взрыва он хорошо помнил. Еще бы, такое событие! И Грега помнил, из-за шрама.

– И что?

– А то, что Грег тогда почти весь день на станции простоял. Ходил туда-сюда, на людей смотрел.

– Ждал кого-то?

– Да. Клауса, выходит, и ждал.

– Кто-то, значит, узнал, что Клаус с фон Штейницем говорил, – сказал Пшигода. – Профессора пожалел, вдруг пригодится, а вот утечку информации всё-таки решил прикрыть.

– И одним камнем двух птиц сбил, – сделала вывод Лу. – И Поезд взорвал, и от утечки избавился.

– И еще на Нигоша вину свалил.

– Очень эффективно.

– Давайте теперь восстановим хронологию, – предложил Арк, глядя на расчерченную схему. – Виктор Лихтенхерц задумал совершить теракт невероятной силы при помощи Тараска. Профессор составил заклинание, Танненбаум ему заплатил.

– Так, – кивнула Лу.

– Для заклинания требуется огромный сфокусированный источник силы, – продолжил Арк. – Такой, наверное, всего один в Берлине, это бюст Нефертити. И Виктор планирует ограбление музея Бодэ.

– Стоп, – сказал Акхил. – Тут выходит несостыковка: бюст уже в руках у Лихтенхерцев. Зачем грабить музей, привлекать внимание?

Арк на секунду задумался, стоит ли раскрывать тайну Доротеи.

– Очень просто, – ответила Ахилу Лу. – Заклинание потом расшифруют. Всё может вскрыться, и тогда артефакт однозначно укажет на Виктора.

– Верно, значит, его нужно украсть. Бюст пропадает, и концы в воду.

– В Шпрее, – уточнил Пшигода.

– Пока всё логично, – продолжил Арк. – Но тут подворачивается Нигош, который давно копает под Виктора. Его ученик Клаус каким-то образом выходит на профессора. Это угрожает всему плану, и Виктор придумывает, как убить двух зайцев одним выстрелом.

– Но бюст оказывается в Шпрее, и его оттуда достать сложнее, чем планировалось. Поэтому ты видел там, внизу, собачьи скелеты.

– Верно! Пару месяцев Виктор пытается извлечь бюст...

– И тут появляешься ты, Арк.

– Значит, бюст – единственное, что нужно для атаки Тараска? Мы должны предупредить Доротею, – Арк встал с места.

Лу нахмурилась.

– погоди, – сказал Пшигода. – Мы не знаем еще одного: где будет атака.

Все на секунду задумались, потом Акхил воскликнул:

– Да выборы же!

Он написал на листе еще одно имя: «Александр».

– Виктор захочет убрать своего главного противника на выборах.

– Думаешь, Тараск может убить Александра?

– Думаю, он может убить его избирателей.

– Кирва мать, – выдохнул Пшигода. – Они собираются выпустить Тараска на Александрплатц.

– Боже мой, – произнесла шокированная Лу.

– Нужно еще его каким-то образом незамеченным на Александрплатц доставить, – подметил Акхил. – Это не так-то просто.

– Они наверняка это продумали. Остается вопрос, как нам это остановить.

– Всё ясно, – заявил Арк. – Ключ ко всему – бюст Нефертити. Мы с Лу идем к Доротее и пытаемся правдами и неправдами его забрать себе или хотя бы обезопасить. Вы двое идите к Сербу, правдами и неправдами добивайтесь аудиенции у Александра. Он должен всё узнать немедленно. Если у нас получится, то через несколько дней, на сборе Совета, всё раскрывается, и Виктор получает по заслугам.

– Это хороший план, – кивнула Лу. – Только ты к Доротее сам иди, а я отправлюсь на Алекс. Она мне не очень доверяет, как и я ей. У тебя одного может быть больше шансов.

Арк кивнул.

– Выходим немедленно. Всех еще можно спасти.

Глава 7. Политика и снег

LXXIX.

До Александрплатц они доехали вместе на дрезине, а потом разошлись, каждый по своему делу. Акхил пошел парковать драгоценную дрезину в гараж для пущей сохранности, Пшигода – уговаривать Серба допустить их до Александра, Лу – искать Пилар. Арк же с Карманом отправились дальше пешком до музея Боде. Перед выходом Пшигода настоял на том, чтобы все вооружились: его столкновение с дуболомами могло означать, что всю компанию ждут и другие неприятные сюрпризы. Именно поэтому Арк, втайне жалея о погибшем в Шпрее пиджаке, шел в тяжелой, заслуженной куртке. По ее карманам были рассованы жезлы и прочие боевые артефакты. Но, по крайней мере, суровый февральский ветер не доставлял ему особых неудобств. Рядом довольно семенил Карман, неся внутри себя остальной арсенал. Песик любил Лу, но возвращению хозяина из госпиталя обрадовался чрезмерно.

День выдался холодным, промозглым и ясным. Лишь далеко на небе собирались тучи, но сильный южный ветер почти гарантировал, что они дойдут и до Алекса. А пока что Арк размашисто шел вперед и, несмотря на спешку и общую серьезность происходящего, радовался погоде. Его всегда привлекал контраст солнца и холода. Может, дело было в пушкинских стихах, которые мама читала ему в детстве, а может, просто так была устроена его нервная система, но за пару минут ходьбы он сумел почти расслабиться, отдаться ритму шагов и свежести ветра на коже. Может быть, конечно, дело было еще и в том, что он в пику своим привычкам не хотел думать о предстоящем разговоре с Доротеей.

Арк так и не мог понять своего отношения к ней. Она, несомненно, его привлекала: и внешностью, и быстрым переходом от силы к нежности, который он несколько раз замечал. Она казалась запутанной и решительной, могущественной и беспомощной, она отдавала приказы и нуждалась в помощи. Арк шагал и пытался разобраться, какая грань ее характера была рамой, а какая – картиной внутри.

Учитывая всё сказанное и не сказанное утром, она представлялась жертвой обстоятельств – хозяйкой могущественного артефакта, который хотел заполучить Виктор Лихтенхерц для достижения своих целей. Но она же тоже была, обязана была быть, частью этой игры. Она строила собственные планы. Что из произошедшего – ее куски пазла? И какую роль во всем этом на самом деле играл Хозяин? И куда, черт возьми, он подевался?

Арк прошел уже половину пути, так ничего для себя и не решив, когда Карман остановился и завертел головой. Арк тут же почувствовал движение, похожее на сильное дуновение ветра. Но оно не охладило кожу и не шевелило одежду – словно могучая колдовская волна прошила Арка насквозь, волна необычайной силы, необычайного желанья, необычайной ярости. Она очень быстро двигалась в

сторону Александрплатц. Арк дал Карману команду «Вперед!» и бросился за ней. Уже скоро он слышал крики.

LXXX.

Утро у Пилар выдалось тяжелым. Мигель разбудил ее чуть-чуть до рассвета, когда небо только начало розоветь. Сыну Пилар было девять, он родился незадолго до Смещения. Когда врачи рассказали, что ожидает родителей ребенка с такими осложнениями, отец Мигеля исчез без всякого колдовства, оставив Пилар совсем немного денег, а также чувство глубокого изумления природой мира и людей. Изумление сменилось смирением, и когда одиннадцать месяцев спустя Смещение вывернуло реальность наизнанку, Пилар это потрясло меньше, чем кого-либо. Она оказалась готова к этому, словно вся ее жизнь до той поры подводила ее к апокалипсису.

Пилар очень быстро поняла, что в мире, где всё решают не деньги, не связи, а смелость, адаптивность и колдовская сила, у нее неплохие шансы. Единственным якорем, который был в ее жизни, оказался Мигель, маленький, слабый комочек плоти, требующий постоянной защиты и опеки, и тогда она превратила его в фундамент, на котором построила собственный дом. Мигель оправдывал любые поступки, отменял все моральные императивы, сводил на нет сомнения. Пилар вгрызалась в новую реальность, цеплялась за все видимые и невидимые возможности, потому что зарабатывала на жизнь не только себе, но и ему, беспомощному, безответному мальчику, который даже в девять лет не мог себя кормить и одевать и будил ее до рассвета дикими криками.

– Chico, – говорила она, успокаивая сына, пока Мигель прижимался к ней всем телом и легонько дрожал. – Chiquito. Всё будет хорошо, chiquito. Начинается новый долгий день.

Мальчик проплакал всё утро, и Пилар долго собиралась, пила черный злой кофе чашку за чашкой, пыталась задвинуть на какую-то заднюю стенку своего сознания последствия тяжелой ночи. Она знала, что сегодня ей предстоит важная и сложная работа. Но какая-то часть ее сопротивлялась и твердила, что никакая работа, никакие колдуны со своими интригами, вообще ничто происходящее за пределами ее небольшой квартиры не так важно, как самочувствие и настроение ее ребенка.

Она оделась в обычную одежду – плотную теплую кофту и брюки карго с карманами, пока Мигель удовлетворенно агукал. Завтракать он, несмотря на все уговоры, наотрез отказался и теперь наслаждался маленькой победой над матерью. Пилар одела и его тоже, впихнула непослушные ручки-веточки в рукава куртки, и они вышли на улицу.

День выдался солнечный и морозный. Зябко кутаясь в кофту, Пилар повела Мигеля через всю Александрплатц, в госпиталь Оксаны. Там жила медсестра Катрин, девчушка, которая присматривала за мальчиком, пока Пилар работала. По дороге

Мигель вел себя беспокойно, капризно, не хотел идти обычным путем, тыкался во все стороны, как слепой щенок на поводке. Пилар крепко держала его за руку.

Благодаря редкому явлению февральского солнца площадь была полна народу. Люди, соскучившись за долгую зиму, высыпали на улицу, варили кофе в больших чанах, шумно обсуждали вчерашнее объявление. Уже начали работать торговые палатки и кабинки. Слышался стук молотка сапожника Даниэля, обосновавшегося в самом центре площади и за копейки чинившего даже самые требовательные и высокотехнологичные «Найки» и «Адидасы».

Мигель закричал внезапно и громко, как пожарная сирена. Некоторые прохожие оглянулись на него, но никто ничего не сказал – жителям Алекса была свойственна некоторая флегматичность. Надо ему – значит, кричит.

Мигель никак не хотел успокаиваться, он рыдал, махал руками и ногами и тянул Пилар куда угодно, но только не к госпиталю. «Такого приступа у него не случалось давно, – подумала Пилар, – с тех пор, как мы достали новые таблетки. Что же будет, когда они закончатся?»

Пилар и безутешный мальчик почти дошли до госпиталя. Крик Мигеля перешел в ультразвук, и Пилар вдруг почувствовала сильную колдовскую волну. Метрах в трех от них земля вспучилась, и серый асфальт площади окрасился сотней цветов. Кто-то сбоку весело засмеялся, но Пилар на всякий случай заняла боевую стойку. Рядом с ними упала крупная птица, резко затормозила перед самой землей, превратилась в Лу. Взгляд ее всё еще горел птичьим хищным огнем.

LXXXI.

Восемью минутами ранее Лу быстрым шагом шла до дома Пилар, не зная, что та уже вышла. Вместе с ней Лу рассчитывала пойти к Оксане и предупредить ее тоже. Лу не сильно верила в помощь Александра, но Оксана была действительно могущественной колдуньей, а главное – госпиталь нужно было спасти любой ценой. Лу злилась. На Арка, который пошел к предательнице Доротее, вместо того, чтобы спасти Алекса. На Пшигоду, который так устал вчера вечером, что тянул с рассказом до утра. На Пилар, которая опоздала. В конце концов, на себя, потому что не смогла всё это предвидеть, предупредить и предсказать. Часть этих претензий точно была необоснованной, но злость раздувала внутренний огонь Лу и, как ей иногда казалось, делала ее сильнее.

Ей нужна была эта сила, в чём Лу не призналась бы даже Ирджиху, потому что она очень боялась. Страх вперемешку с сомнениями и с синдромом самозванца змейкой ползал по ее душе. Так часто бывает с теми, у кого долгое время ничего не было. Когда что-то появляется (дом, семья, добро, работа, власть) – змея просыпается и начинает свой скользкий путь.

Дома Пилар не оказалось. Лу постучала еще раз, сильнее, полминуты потопталась у двери, но никто так и не ответил. Прислушалась: тихо, Мигеля слышно не было.

Значит, они уже вышли, и Пилар либо заводит Мигеля в госпиталь, либо уже спешит в кирху. Лу выбежала из дома и одним плавным движением обратилась в птицу. Лу-оспри всегда была целеустремленнее, увереннее в себе, спокойнее, чем Лу-человек. Может, дело в птичьих гормонах, а может, в чём-то еще, но превращение всегда действовало на нее как ледяной душ. Она взлетела над площадью за несколько могучих взмахов крыльев, сначала полетела на северо-восток, дабы убедиться, что маленькая фигурка Пилар не движется по Пренцлауэр-аллее в сторону кирхи.

Потом, развернувшись в воздушном потоке, распластавшись в попутном ветре, она вернулась в небо над Александрплатц. Единственное, что Лу-оспри не могла сделать, это остановиться. Двигаясь по широкой спирали, она несколько раз облетела площадь, высматривая в людском вареве две фигурки: побольше и поменьше, держащиеся за руки. На очередном витке она их заметила, пошла на снижение и тут почувствовала ее.

Волну наглой, неприятной силы, которая, словно дуновение отравленного ветра, прошла в нее, а потом и сквозь нее. Однажды, месяц с небольшим назад, когда Лу только училась быть птицей, природа взяла свое, и она убила и съела мышь. Та оказалась чем-то больна, и Лу жестко рвало и мучило, сначала в птичьем облике, а потом и в человеческом. Сейчас ощущения были сопоставимые.

Земля рядом с выходом из подземки набухла и лопнула, словно гнойник. Всё вокруг замелькало, окрасилось лиловым, белым и фиолетовым. Пилар и Мигель стояли совсем неподалеку от этого. Рядом с ними открылось несколько порталов, и из них стали вылезать уродливые твари. Лу, погасив приступ паники, спикировала, превратилась в человека и подтянула все силы, до которых смогла дотянуться.

Началось.

LXXXII.

Все разошлись, и Акхил остался наедине с дрезиной. Он аккуратно завел ее в старый гараж под железнодорожными путями, выбрался из кабины, залез наверх. Колдомёт был разряжен и вычищен. Акхил сел, свесил ноги вниз, достал из кармана пиджака маленькую пенковую трубку и кисет. Спокойно раскурил, собираясь с силами. Он знал, что время поджигает, но его переполнял страх. Простой человеческий страх. Он сделал затяжку, а потом рассеянно смотрел, как сизый дым, танцуя, поднимается кверху и растворяется в воздухе.

Первый раз это чувство накрыло его сразу после Смещения. Дома, в Индии, он привык к хаотично двигающимся толпам людей, к потоку лиц, напирющих со всех сторон. Или, по крайней мере, он так считал. Но в тот день в кампусе университета Гумбольдта, где он работал, прозвучала сирена. Он сначала не понял, в чём дело, вышел вслед за остальными из лаборатории на улицу. Сирена звучала, а потом резко заглохла, и тогда люди начали меняться. У кого-то отрастали добавочные

конечности, кто-то просто лопался и опадал красным дождем на землю, кто-то раздувался, как воздушный шарик. Паника началась сразу же. Все побежали. Крики. Небо стало сиреневым.

Ахил затянулся трубкой, еще раз перепроверил колдомёт. Да, именно тогда он начал бояться людей, потому что при всех ужасах, которые начались, при всех невероятных искажениях и искривлениях реальности самыми страшными для него всё равно оказались простые люди. Паникующие, истеричные, глупые, превратившиеся из людей в толпу.

Снаружи раздался шум, но Ахил не обратил на него внимание. На Александрплатц всегда было шумно. Он предпочитал отсиживаться тут, в гараже с дрезиной или в кают-компании в подземном бункере Серба. Переезд в менее людный Пренцлауэр-Берг был для него настоящим спасением. Если бы не...

Если бы не необходимость жить в кирхе и быть частью замкнутого круга по использованию непонятных и опасных сил и эксплуатации людей, которым эти силы неподвластны. Всё существо Ахила противилось колдовству. Он всегда был атеистом, но это убеждение исходило из еще более глубинной веры – в то, что люди абсолютно равны. Смещение уничтожило это на корню. Люди не только перестали быть равными по своим общественным возможностям, они полностью потеряли всякую надежду на равенство. И хуже всех были колдуны, запертые в своих башнях, сосущие ресурсы и жизнь из остального города. В последнее время Ахил всё больше и больше задумывался о лицемерии собственной жизни и приходил к выводу, что...

Шум снаружи усилился. То, что он поначалу принял за обычные шумовые отходы жизнедеятельности, вдруг показалось ему чем-то более серьезным. Пол под дрезиной содрогнулся раз, другой, третий. Раздалось несколько громких хлопков. Ахил спрыгнул вниз, аккуратно положил трубку на полку и выглянул из гаража.

LXXXIII.

Пшигода колом скатился по знакомым ступеням. Лабиринт коридоров, в котором скрывалась организация Серба, он знал досконально. Поэтому, когда во всём подземном комплексе погас свет, Пшигода не смутился и даже не сбавил шаг. Бывает.

Гораздо больше его напрягала гулкая тишина. В коридорах Серба не было так много народа, как наверху, но тут постоянно терлись клиенты и антиквары, обсуждали с охранниками сплетни, иногда играла музыка. Сейчас же только звук его шагов резиново отскакивал от покрытых плиткой стен.

Серба на месте не оказалось. Вообще вся подземная территория была пуста. Пшигода дошел до внутренних офисов, щелкнул пальцем, высек искру, силой воли удержал ее в воздухе и раздул в небольшой желтый огонь. Осмотрелся. Отсюда бежали, причем в спешке. Кладовки и сейфы были вычищены, но кучи всякой посуды,

книг, тряпок, какой-то мелочевки валялись тут и там, напоминая о том, что здесь еще недавно жили и работали несколько десятков человек.

На стене одного из коридоров Пшигода обнаружил опаленное пятно. Потрогал его пальцем, принюхался. Резко пахло чужим, чуждым.

За поворотом его ждал сюрприз: бóльшая часть стены была выломана, и в проломе он обнаружил тоннель метро. Подземка, она же У-Бан, была заблокирована везде, куда смогли дотянуться люди после Смещения. В тоннелях водилось много гадостей, главной из которых был...

Kurva!

Ругая себя за тупость, Пшигода со всех сил побежал к ближайшему выходу на поверхность. Огонек погас, и он пару раз споткнулся обо что-то лежащее поперек дороги. Ему показалось, что это были человеческие тела. Он не остановился, чтобы проверить. На выходе из подземного комплекса его ждал монстр-тойфель. Он был похож на соплю из адского носа – бежево-зеленоватый, бесформенный, слизистый. Но где-то посреди нагромождений массы болотного цвета Пшигода разобрал клыки и когти.

Они прыгнули одновременно: соплемонстр – на Пшигоду, Пшигода – в сторону. Одновременно он нащупал в аккуратно нашитом на его прекрасную монашескую рясу кармане кастет. Монстр прыгнул еще раз, и чех встретил его ударом кулака чуть повыше клыков. Кулак прошил монстра насквозь. Тот заметно осел, растекся, словно вчерашний холодец, издал серию хлюпающих звуков. Пшигода выдернул руку и ударил снова, сверху вниз, буквально размазав монстра по полу. Отдельные куски существа продолжали дергаться, но Пшигода уже перешагнул через них и бегом начал подниматься по лестнице. Снаружи его встретил хаос. Люди в панике неслись во все стороны, сшибая торговые палатки и друг друга. Несколько человек сразу врезались в Пшигоду, но он устоял на ногах. Его самого накрыло только спустя несколько минут, когда, вовсю орудуя локтями, он пробивался к эпицентру событий – госпиталю Оксаны.

Пшигода вдруг оказался один. Мало того, он перестал быть собой, с ужасом обнаружив, что вернулся в тело того робкого толстого мальчика, от которого он старательно убегал всю жизнь. На его руках и ногах не было мускулов, с них складками свисал мягкий, студенистый жир, который почти не скрывала ставшая полупрозрачной кожа. Ирджих сразу напомнил себе изнаночного тойфеля, которого только что вбил в пол практически голыми руками. Склизкие, сальные тела его подрагивали, как желе. Пшигода вдруг понял, что ему даже трудно шевелиться. Он попытался поднять руку, но розово-белесая, похожая на протухшую колбасу плоть соскользнула с его кости и шмякнулась на асфальт. Пшигода сделал шаг и начал разваливаться, как вываренный кусок свинины.

Тут его сбили с ног.

LXXXIV.

Лу и Пилар стояли спина к спине, зажав до смерти напуганного Мигеля между собой. На них уже набросились три изнаночных чудовища. Двоих Лу испепелила молниями, а третьего разрубила пополам Пилар, превратив свою правую руку в косу очистительного света.левой она сильно сжимала ладошку Мигеля. Лу наскоро поставила вокруг них гравитационный и энергетический барьеры, смутно подозревая, что против Тараска они не помогут. Тот вылезал из-под земли не торопясь, основательно, цепляясь за крошащийся асфальт сотней коротких щупалец. Головы как таковой у него не было, не было даже какой-то морды. Судя по всему, Тараск был слеп и ощущал реальность жабрами и присосками, раскиданными по всему его длинному сегментарному телу. Тараск выползал из дыры, разворачиваясь, поднимаясь во весь рост и являя присутствующим всю свою червеобразную пеструю плоть.

Вдруг Пилар дико закричала.

– Мигель! Мигель! – вопила она, всё еще сжимая ручку ребенка.

Лу на секунду растерялась, а потом паническая волна дошла и до нее, коснулась ее сознания, и Лу позабыла про кричащую подругу.

Она увидела, что стоит на коленях перед Иммануилом, во всём его трехметровом великолепии. В руках ангел сжимал нестерпимо пылающий огненный меч.

– ТЫ ДУМАЛА, ВСЁ КОНЧИЛОСЬ? – спросил он.

Он был абсолютно голым, и кончик его полунапряженного члена размером с боксерскую перчатку почти касался лба Лу. Девушка подняла глаза. Ангел смотрел на нее с холодной яростью. Лу приоткрыла рот, потянулась... этот момент словно застыл во времени. «Арк, где же ты? – пронеслось в голове у Лу. – Никто мне не поможет!.. – толкаясь, влезло следом. – Всё нужно делать самой», – поняла она. И что есть силы вонзила в качавшуюся перед ней пунцовую дыню материализовавшееся в левой руке шило.

Раздался вопль, кровь брызнула ей в лицо вперемешку с огнем, и видение исчезло. Она по-прежнему стояла на Александрплатц спиной к дрожащей и орущей Пилар, и к ним со всех сторон подбирались изнаночные твари.

Метрах в десяти от них Тараск уже почти продавил свое тело сквозь узкую дыру в асфальте и теперь возвышался над площадью, ростом доходя почти до верхнего этажа госпиталя. От него во все стороны разлетались электрические разряды, искры и даже огненные всполохи, а внизу, на земле, повсюду открывались и схлопывались новые разноцветные порталы, откуда иногда успевали вывалиться новые и новые тойфели. Тараск всем своим существом заставлял реальность трескаться. Лу подлила еще энергии в защиту, а потом вложила всё оставшееся у нее могущество в один-единственный удар, даже не стараясь придать ему некую форму. Бирюзовая молния толщиной в электрический столб вылетела из ее руки и ударила прямо в бок червеобразного монстра. Раздались оглушительный треск и

вой, и ударной волной смело всех людей и тойфелей на десятки метров вокруг. Тараск с грохотом отлетел назад и врезался прямо в госпиталь. Здание сложилось под его весом, как картонная коробка, и Лу с ужасом увидела, как чудовище конвульсивно забилося, задвигало одновременно всем телом, разрушая госпиталь еще больше. С шумом рухнула крыша, придавив Тараска сверху. На секунду настала полная тишина, и даже Пилар перестала кричать и ругаться по-испански, и было слышно, что в этот самый момент Мигель совершенно спокойным и уверенным голосом произнес:

– Мама?

LXXXV.

Пшигода задыхался, ощущая на лице зловонное дыхание тойфеля. Из раскрытой пасти нестерпимо несло чем-то химическим: то ли аммиаком, то ли сульфатами. Этот запах и привел его в чувство после того, как его сшибла с ног набежавшая толпа людей. Морок спал, и Пшигода вернулся в реальность в тот самый момент, когда похожий на фиолетового крокодила монстр забрался на него с явной целью откусить лицо.

Раздался оглушительный грохот, и Пшигodu вместе с крокодилom откинуло взрывной волной. Тойфелю повезло меньше – его впечатало в дальнее здание, а сверху придавило Пшигодой. Крокодил сразу стал более мягким и мокрым.

Пшигода с трудом поднялся. Пара ребер явно была сломана. Левая нога тоже болела – вывих или ушиб. Площадь немного очистилась взрывной волной, и был виден Тараск, выкарабкивающийся из развалин госпиталя. А на его фоне – три оставшиеся на ногах фигурки: две побольше и одна поменьше. Пшигода изо всех сил захромал в их сторону. По дороге подобрал выбитую оконную раму с острым стеклянным краем, метко отрубил голову встающему на ноги тойфелю слева, воткнул между хитиновых пластин тойфелю справа. С третьим расправился кастетом. Монашеская ряса на нем превратилась в лохмотья, и тело под ней, мокрое от пота, крови и слизи, сверкало в отблесках молний и пламени вокруг.

Пшигода пер напролом, как ледокол, расчищая путь перед собой бесстрастно и целенаправленно. Пару раз на него налетали взбесившиеся от психоатаки Тараска люди. Это было худшее, что с ними случилось в тот день.

Когда до Лу, Пилар и Мигеля Пшигоде оставалось пройти всего метров двадцать, Тараск полностью выбрался из-под госпиталя. Он явно был взбешен. Все уродливые отростки на его теле встопорщились, делая его похожим на смертоносный посудный ершик. Поперек его верхнего конца пролегла тонкая ломаная трещина, и лишь приглядевшись, Пшигода понял, что это – подобие рта: беззубое, кривое отверстие, открытое в беззвучном вопле. Молнии градом сыпались на возведенный Лу щит, не давая ей ни секунды передышки. Пилар о чём-

то говорила с Мигелем, держа его обеими руками и защищая от подступающих монстров.

Пшигода ускорился, обошел друзей по небольшой дуге, по дороге подобрал торчащий из обломков каравана длинный арматурный прут. Собрал все свои колдовские способности. Раскалил добела кончик прута.

Тараск был существом почти чистого колдовства, отродьем дальних Изнанок. Даже Лу вряд ли могла бы что-то ему противопоставить. Но против лома приемов, как известно, нету.

Пшигода перестал отвлекаться на боль в ноге, перехватил прут наподобие прыгуна с шестом и набрал еще скорости. Лу увидела его, поняла без слов, без знаков и в нужный момент создала под его ногой гравитационное поле. Пшигода прыгнул и взлетел, сохранив всю свою инерцию, всю свою ярость. Он был Георгием, пронзающим змея, он был стрелой, убившей Ахилла. Мерцающий огнем прут дротиком вонзился в бок Тараску. Во все стороны брызнуло что-то белесое, липкое, разъедающее кожу и камень. Пшигода повис на трехметровой высоте на согнувшемся под его весом пруте. Всё его тело болело. К нему тут же потянулись десятком щупалец.

Они казались короткими только издалека, вблизи же было видно, что некоторые из них достигали пары метров. Они обвили торчащий из тела Тараска прут, зазмеились по нему, добрались до Пшигоды. На ощупь они были неожиданно горячие и сухие. Они обвились вокруг голых ног и туловища чеха, тщательно избегая покрытых остатками рясы участков. Пшигода ударил их пару раз кастетом, но тщетно: судя по всему, боли они не ощущали. Щупальца оторвали Пшигоду от его импровизированного копья, притянули ближе к туловищу монстра. Пшигода почувствовал, как хватка щупалец усиливается и они тянут его в разные стороны. Хотел выругаться напоследок, но горло пересохло, не издало ни звука.

«Вот и смерть», – спокойно подумал он.

LXXXVI.

На улице царил полнейший хаос. Люди в панике, в безумии бежали во все стороны, орали, дергались в агонии. На них набрасывались изнаночные монстры. Александрплатц был залит кровью.

Ахилл отшатнулся, спрятался внутри. «Сейчас, – подумал он, – сейчас Александр всё остановит. Еще одна секунда – и всё прекратится, как по мановению волшебной палочки, – Ахилл зажмурился. – Колдун поможет. Он обязан помочь».

Ахилл, сам того не осознавая, стоял на коленях у выхода из гаража и направлял все свои мысли наружу и вверх, к огромному зеркальному шару телебашни, нависавшему над площадью. Александр молчал в ответ. Люди продолжали умирать. Крики не прекращались. Раздался гулкий взрыв, потом грохот рушившихся зданий.

Акхил не знал, сколько времени прошло, но в какой-то момент его отчаяние перебороло его же страх, и он встал на ноги. Слезы текли по его лицу, руки и колени дрожали. Он еще раз посмотрел вверх, туда, где за несколькими потолками, сотнями метров воздуха и непроницаемой сверкающей стеной сидел Александр, и на этот раз в его взгляде не было ничего, кроме бесконечного презрения.

Акхил начал заводить дрезину. Забрался внутрь, плотно закрыл двери и окна, переключил управление колдомётом на крыше на себя. Времени открывать гаражные двери не было. Он надавил на рычаг, и дрезина, защищенная и укрепленная десятком заклятий, двинулась с места, пробивая стены.

Волна паники накатила на Акхила, когда он выехал на свежий воздух. Костяшки пальцев на руле посветлели от напряжения. Навстречу ему бежала толпа обезумевших людей и монстров. Его спина покрылась потом, ноги задрожали. Он почувствовал в себе желание невероятной силы, невероятный соблазн просто нажать на гашетку. Скосить колдомётной очередью летящее на него чудовище, чтобы оно больше никого не сумело растоптать. Это было так просто сделать. Это был путь наименьшего сопротивления. Просто нажать на кнопку и не отпускать.

В глаза Акхилу прыгнул солнечный зайчик, отразившийся от зеркального шара телебашни и со снайперской точностью влетевший в окно дрезины. Он пришел в себя, сделал несколько точечных выстрелов из колдомёта, снеся головы самым крупным и яростным монстрам. Их тела моментально поглотились бегущей толпой. Акхил свернул, обогнул бежавших и поехал к госпиталю Оксаны.

Он уже видел Лу и Пилар, заметил безумный прыжок Пшигоды, как вдруг дрезина содрогнулась и упала на бок от мощного удара. Акхил вылетел из водительского кресла, больно ударился головой. Схватил висевший на стене посох Пилар, выполз из перевернувшейся машины. Ее глодали два тойфеля. Акхил сосредоточился, выпустил из посоха облако сине-белого марева и побежал дальше. Убил еще одного монстра, вылезшего из открывшегося прямо под ногами портала, рефлекторно, даже не задумавшись об этом. Оказалось, убивать монстров просто. Достаточно не включать в работу мозг, а тело всё сделает само.

Он добежал до Тараска прямо в тот момент, когда искореженное, изломанное тело Пшигоды мокро упало на асфальт.

LXXXVII.

– Мама... – сказал Мигель, и Пилар вынырнула из кошмара.

Первым ее рефлексом было взять сына и побежать. Наплевать на Лу, на Пшигodu, который с ревом расшвыривал вокруг себя монстров, на разрушенный на ее глазах госпиталь, на тысячи знакомых умирающих людей, на Александрплатц в руинах, на Берлин. Просто взять и бежать. Спрятать его от всех, защитить, сохранить.

– Мама, – спросил Мигель, – почему ты плачешь?

Тараск издал дикий вопль, Лу выпускала в него молнию за молнией, Пшигода болтался на шесте, торчащем из его бока, а Пилар во все глаза смотрела на сына, который впервые в своей жизни составил из слов предложение. По ее лицу действительно катились крупные слезы.

– Не плачь, мама, – сказал Мигель. – Этого не будет. Всё будет хорошо. Всё будет другое.

Еще одна мысль раскаленным клинком пробежала в голове Пилар: Мигель не говорил по-испански. Он говорил по-немецки, причем совершенно без акцента. Пилар на секунду усилием воли притушила переводившую часть подсознания и в ужасе услышала картавые «wird» и «anders».

Что-то случилось с ее ребенком. В тот самый момент, когда она была беспомощна, когда дикие кошмары пожирали ее мозг. Что было в кошмарах? Может быть, они не кончились?

– Нет! – дико, отчаянно закричала Лу, и Пилар, отвлекшись, увидела, как тело Пшигоды падает вниз. Лу в тот же момент сняла все защиты, превратилась в гигантскую птицу и полетела на Тараска. Пилар осталась наедине с Мигелем. Она перевела взгляд на сына, посмотрела ему в глаза. Обычно взгляд мальчика был затуманен и не сфокусирован. Он редко смотрел кому-то в лицо, постоянно уводил глаза в сторону. Но не сейчас. Он глядел очень уверенно. Взгляд его был спокойным и мудрым, он как будто говорил: «Не переживай, мама, я знаю, что будет, и всё будет хорошо».

Пилар услышала еще один дикий вопль и увидела, как истекающий кровью и слизью Тараск отрывает у Лу левое крыло. Лу упала на землю, превратилась обратно в человека. Вместо руки у нее было кровавое месиво.

Пилар почувствовала, как рука Мигеля, державшая ее ладонь, сжалась крепче. Она повернулась.

– Держись, – сказал ее сын.

Тараск повернулся, покрутил слепой башкой, стряхнул с себя последние обломки здания и пополз к ним. Лу его больше не интересовала. И тут на пути Тараска появилась небольшая тонкая фигурка в хорошем, словно скроенном по фигуре костюме-тройке. Это был Ахил. В руке он держал посох.

Он стоял спокойно и ровно, глядя, как на него наезжает червеобразная глыба. Пилар видела его со спины, но что-то ей подсказывало, что на его умном лице с тонкими чертами сейчас играет уверенная улыбка. Пилар даже почувствовала облегчение. Ахил никогда не играл, если у него не было пути к победе.

Тараск, словно смутившись, затормозил перед человечком, а затем, изогнувшись в огромный вопросительный знак, раскрыл пасть и проглотил Ахила целиком. Тот не издал ни звука, но в последний момент изо рта чудовища вылетел отблеск белого-голубого марева, испускаемого посохом. Тараск снова издал бесшумный вопль

боли – на каких-то диких ультразвуковых частотах. Пилар почувствовала, что из ее уха вытекает кровь. Монстр, впрочем, быстро оправился от удара и пополз дальше. – Вот теперь уже скоро, – сказал Мигель. – Всё и кончилось. Мы вместе.

LXXXVIII.

Тараск проехал по ним своим безразмерным брюхом, даже не заметив этого, как человек не замечает, когда наступает на травинку или полевой цветок.

Арк беспомощно наблюдал за этим с другого конца Александрплатц. Тараск медленно, вперевалку пополз к соседнему жилому дому. Было видно, что битва далась ему нелегко. На разноцветном теле виднелись ожоги, из бока всё еще торчал прут. Арк с Карманом подбежали к развалинам госпиталя, сжигая по пути тойфелей. Живых людей на площади почти не осталось. Воздух был наполнен металлическим запахом крови.

На земле у развалин здания лежали Пшигода и Лу. Чех был мертв. Его открытые спокойные глаза смотрели вверх. Лу всё еще дышала, но была без сознания.левой руки у нее больше не было: вместо нее торчал обломок кости и висели обрывки мускулов. Ручейками вытекала кровь.

Арк остановил кровотечение, приморозил рану. Девушка открыла глаза. Взгляд ее упал на Пшигоду. Она застонала.

– Вставай, Лу.

– Всё кончено.

– Нет, – сказал Арк с непонятно откуда взявшейся горячностью. Его лицо было мокрым от слез, во рту пересохло, горло болело.

Карман тьякнул.

Арк посмотрел на собаку и вспомнил. Череда случайных событий сложилась в единую цепь.

– Вставай, Лу, – сказал он. – Нам нужны три статуи.

Лу даже не пошевелилась.

– Всё еще можно вернуть, – продолжил Арк. – Но важна каждая секунда. Помогай мне, когда придешь в себя.

Не дожидаясь девушки, он принялся расшвыривать особенно крупные куски бетона и арматуры. Карман предупреждал его, если монстры подбирались слишком близко. Тараск был занят, уничтожая здание далеко слева. Судя по всему, заклинание вызова, которым его сюда притащили, придавало ему достаточно сил, чтобы напрямую атаковать пропитанные колдовством здания. Он и выглядел больше, чем в прошлый раз, когда Арк его видел. Эти мысли отвлекали, и Арк старательно гнал их прочь.

Первый этаж госпиталя был почти уничтожен, но кладовка – вероятно, благодаря хранившимся внутри артефактам – не пострадала. Прямо у двери туда Арк нашел труп Оксаны. На лице ее застыли решимость и уверенность. Ее затылок был

проломлен упавшим с потолка камнем. Наверное, она бежала в кладовку, чтобы вооружиться.

Арк расчистил проход и вошел внутрь. Три статуи, которые им дала Доротея в обмен на бюст Нефертити, лежали нетронутыми, не считая изначальных повреждений. У мраморного мальчика всё еще не хватало руки, а у бронзового – мужского достоинства. Арк, кряхтя от усилий, начал вытаскивать статуи по одной наружу. Они были налиты, прямо-таки переполнены колдовством. Бронзовый мальчик еле заметно вибрировал. Это могло сработать.

Арк вытащил все три статуи на улицу, сконцентрировался, попытался вспомнить до мельчайших деталей всё, что делала Оксана, когда лечила раненого Кармана. Как же давно это было... Статуи должны стоять определенным образом. Неровным, кривым треугольником. Объект заклинания должен целиком оказаться внутри него. Никаких рун она не чертила. Время сначала остановилось, а потом пошло вспять. Возможно, там было два компонента.

К нему подошла Лу, уставилась на статуи.

– Это я сделала, – сказала она. – Я всё это уничтожила. Кинула Тараска на госпиталь. Оксана знала бы, что делать.

– Я тоже знаю. Ты можешь тащить эту статую?

Лу удивленно посмотрела на него и неуверенно кивнула. Ее культя беспомощно болталась, но на ногах девушка стояла крепко. «Не без помощи анестезирующего колдовства», – подумал Арк. В своем нынешнем состоянии Лу больше походила на зомби.

– Хорошо. Возьми вот эту, бронзовую, она полегче, и иди к Башне. Смотри вон туда, к той, дальней палатке, – Арк показал пальцем. – Оставь статую там и возвращайся сюда. Иди быстро и не привлекай внимание Тараска. Я накину на тебя маскирующее заклятие.

Сам Арк подхватил вторую статую и, чертыхаясь, побежал. Кусок мрамора в форме однорукого мальчика был чертовски тяжел. Карман бежал за Арком, предупреждая об опасности. Арк обошел рушащего уже третье здание монстра по большой дуге, установил груз, замаскировал для верности и побежал назад, подхватив песика на руки. Оттащил третью статую к самой Реке Гнили. Вернулся к госпиталю и встретил там Лу. Она выглядела ужасно. Смертельно бледное, потерянное лицо. Отсутствующий взгляд. Обрывок руки снова начал кровоточить.

– Оставайся здесь, – сказал ей Арк.

– И что делать? Смотреть на этого вон?

– Просто доверься мне. Я знаю, что делать, – соврал он.

Лу безвольно опустилась на асфальт, и Арк побежал обратно, к третьей статуе. По дороге он постарался очистить свой разум от посторонних мыслей. Перестать думать о мертвых и раненых друзьях. О сотнях, а может быть, тысячах

пострадавших людей. Сконцентрироваться на заклинании, которое произносила Оксана.

Арк вытянул руки, точно как она тогда. Соединил три статуи в замкнутый колдовской контур. Подсоединил к нему себя самого, стал частью цепи, стал самой цепью. Он окружал площадь со всех сторон. Почувствовал сумму всех движений внутри – от дуновений ветра до метаний пылинок, подкинутых падающим зданием.

И остановил время.

LXXXIX.

Из центра Александрплатц, стремительно расплываясь, выросла бесконечно черная матовая сфера. Она поглотила Лу, изнаночных монстров, Тараска, труп Пшигоды, развалины госпиталя. Поглотила сотни убитых людей, разрушенные здания. Поглотила часть телебашни и почти дошла до зеркального шара. Арк почувствовал себя мальчиком, заткнувшим пальцем дыру в дамбе в Голландии.

А потом он почувствовал себя дамбой. Время внутри черной сферы совершенно не хотело останавливаться. Оно сопротивлялось, перло неизмеримой, давящей массой. Три статуи, пылающие бело-розовым огнем, вибрировали под натиском, и Арк кожей чувствовал каждое их микродвижение. Он понял, что сейчас просто обязан начать двигать время назад, иначе заклинание выдохнется. И еще он понял, что совершенно не понимает, как это делать.

Он еще раз сфокусировался на черной сфере. Ноль реакции. Сфере было всё равно. Она была абсолютно непроницаема. Арк почувствовал, что устает. «Время и внимание, – вдруг пришло ему на ум. – В чём разница между временем и вниманием? Ни в чём».

Арк еще раз сфокусировался, но на этот раз не на самой сфере, а на площади внутри. На Лу. На Пилар и Мигеле. На Пшигоде и Ахиле. На Тараске и его тойфелях. На Сербе и его антикварах. И на всех, кто жил на Александрплатц. «Не жил, а живет», – поправил он сам себя и тут явственно увидел всё, захваченное внутри сферы, застывшее во времени, как муха в янтаре.

«Время и внимание», – еще раз подумал Арк и стал оттягивать время назад. Медленно, кадр за кадром, секунда за секундой, и чем дальше, тем тяжелее становилось. Картинка внутри сферы тоже менялась. Тараск восстанавливал здания своим телом. Лу, надрываясь, задом наперед тащила статую к госпиталю. Потом так же задом пополз и Тараск, в конце концов родив откуда-то из-под себя обнявшихся Пилар с Мигелем, исторгнув из своего чрева Ахила, приделывая крыло гигантской птице-Лу. По лицу Арка текли слезы. Он видел гибель своих друзей в мельчайших деталях, но в обратной перематке. Наконец изломанное тело Пшигоды взлетело вверх, его поймали щупальца чудовища и начали восстанавливать. Арк почувствовал, что теряет силы. «Еще немного, – подумал он, – еще буквально пару минут». Теперь он чувствовал каждую миллисекунду.

Щупальца отпустили Пшигоду, и он немного повисел, держась за раскаленный прут, а потом слегка неуклюже полетел на нем вниз, на землю. Тараск попятился, как-то сгорбился и начал залезать в развалившийся госпиталь, окутывая его вокруг себя, как одеяло. «Оксана, – понял Арк, – я должен вернуть Оксану. Это единственный шанс не допустить повторения всего этого кошмара. И я должен дать им время». Силы его таяли. Все тело трясло крупной дрожью, спина и руки плавали под курткой в поту. «Еще несколько секунд, – уговаривал он сам себя. – Секунда за Лу, секунда за Пшигоду...» Вот здание госпиталя восстанавливает свой третий этаж, позволяя Тараску аккуратно оттуда выбраться. Вот он снова встает во весь рост, лениво, медленно поднимается, отходит от почти целого дома, испускает откуда-то из середины своего тела немыслимой силы и ярости молнию. Тойфели вокруг массово запрыгивают в порталы. Молния, яркая, бирюзовая, летит обратно в руку Лу. «Еще немного, – тянул Арк, кровь текла из его глаз вперемешку со слезами. Рана в плече открылась и горела. Ногти на руках вздулись и кровоточили. – Еще совсем немного. Я должен успеть их предупредить. Я должен их остановить».

Но силы покидали его. Легкие перестали забирать из воздуха кислород. Три статуи превратились в мелкую пыль и мягко оседали на асфальт. Задыхаясь, Арк упал на колени, как можно сильнее в последний раз дернул время на себя, а потом отпустил.

ХС.

Лу спикировала на землю рядом с Пилар и Мигелем, превратилась обратно в человека. Психическая волна налетела на нее, неясное, тревожное видение, в котором были и насилие, и смерть близких, и жгучая, острая боль в левой руке, всё это вместе смешалось в один комок нервов и эмоций у нее в голове. Усилием воли она отодвинула всё это в сторону. Она по-прежнему стояла на Александрплатц спиной к дрожащей и орущей Пилар, и к ним со всех сторон подбирались изнаночные твари. Метрах в десяти от них Тараск уже почти выдавил свое тело сквозь небольшую дыру в асфальте и теперь возвышался над площадью, ростом доходя почти до верхнего этажа госпиталя. От него во все стороны разлетались искры, языки пламени, даже молнии, а внизу, на земле, повсюду распаивались и закрывались новые цветастые порталы, откуда иногда успевали вывалиться новые и новые изнаночные монстры. Тараск всей своей сутью ломал реальность. Лу подлила еще энергии в защиту, а потом вложила всё оставшееся у нее могущество в один-единственный удар, даже не стараясь придать ему некую форму. Бирюзовая молния толщиной в электрический столб вылетела из ее руки, но в последний момент рука дернулась, и весь заряд ушел в небо, разрезав набежавшие облака. К букету запахов примешался озон. Лу повернулась и с удивлением обнаружила, что ее руку сбил с цели Арк. Он был не у музея Бодэ, он был тут, рядом, окровавленный, весь какой-то помятый, с огромным трудом стоящий на ногах. Ничего не понимая,

Лу быстро приняла его под защиту под безумный лай Кармана, стоящего у ног хозяина, к которому подбиралась пара тойфелей.

Тараск уже полностью вылез из-под земли в своей червеобразной безмерности. Вытянулся почти во весь рост, запрокинул голову вверх и испустил странный, ультразвуковой рев. Рев этот был не слышен, но Карман заверещал от боли, а по коже Лу пробежали мурашки.

И тут из здания госпиталя вышла Оксана. Ее белый халат развевался на февральском ветру, а всегда спокойное, доброе лицо было напряженным и сосредоточенным. Она подняла руки вверх, и словно луч театрального прожектора осветил ее сверху. Прямо из центра шара на телебашне в Оксану бил поток чистой, сильнейшей колдовской силы. Оксана приняла его, впитала, как будто стала выше в плечах. Тараск неуклюже развернулся, отвлеченный таким мощным выбросом. Несколько секунд колдунья с поднятыми к небу руками и чудовище смотрели друг на друга. А потом из-за угла здания с ревом вылетел поток воды. «Нет, не воды, – поняла Лу, когда до нее долетел нашатырный запах. – Гнили!» Река Гнили, управляемая Оксаной, с шипением ударила в бок не ожидавшему этого Тараску, опрокинула его на землю, накрыла мерзкой жижой с головой.

Лу сразу стала возводить барьеры, мешающие зловонной разъедающей гнили распространяться по всей площади, и одновременно осмотрелась вокруг. Арк лежал на асфальте в полубессознательном состоянии и истекал кровью. Пилар отходила от своего кошмара, перестала кричать и села на землю, задыхаясь и обнимая Мигеля. Где-то сзади она заметила крупную фигуру Пшигоды, с трудом отбивающегося от трех крокодилообразных тойфелей. Лу никак не могла ему помочь, все ее силы и внимание уходило на сдерживание Реки Гнили и защиту Арка, Пилар и Мигеля.

Лу вдруг вскрикнула от почти физической боли. Ей почему-то привиделась страшная картина: мятое, изломанное тело Ирджиха летит с большой высоты, переворачивается в воздухе и ударяется об землю. В реальной жизни Пшигода тоже упал – под напором тойфелей. Лу уже почти было отпустила барьеры и бросилась ему на помощь, как из-за угла вылетела дрезина. Очередь из колдомёта разрезала пополам одного из крокодилов, а второго оттолкнуло в сторону защитным бампером. Пшигода сам расправился с третьим, вскочил, забрался на дрезину, переключил управление колдомётом на себя.

Вдруг у Лу опять дико заболела левая рука. Она вздохнула, из глаз ее хлынули слезы, и все поставленные ею силовые поля рухнули.

ХСІ.

Пилар сразу подхватила инициативу. Ставить такие мощные щиты, как Лу, она не могла, но боевое колдовство всегда давалось ей легко. Она испепелила несколько мечущихся в панике тойфелей, обернулась назад и убедилась, что Пшигода и

Ахил держат остаток площади под контролем. На секунду ей померещилось, что над головой индуса смыкается искривленная гротескная пасть, но она быстро отогнала эту мысль. В целом битва была выиграна. Тараск тонул и бултыхался в бассейне из шипящей и булькающей гнили. Оксана сдерживала его, не давая вылезти и убежать. Порталы с новыми монстрами прекратили открываться, а люди, кажется, потихоньку возвращали себе рассудок. Тут и там начинались драки с тойфелями; туда, где жители Алекса не справлялись сами, подъезжала боевая дрезина.

Мигель всё так же крепко сжимал руку матери. Она посмотрела на него, как будто впервые, и он посмотрел тоже, прямо ей в глаза, совершенно ровным, спокойным взглядом. А потом его лицо искривилось в обычном рыдании, и он уже смотрел в землю, плача и размазывая по щекам грязь. Пилар присела на колени и обняла сына крепко-крепко, закрывая его от остального мира.

Он плакал горько, самозабвенно, и ей на секунду захотелось плакать вместе с ним – просто от суммы пережитых эмоций. В этот момент Тараск дернулся в последний раз, шумно выдохнул облако зловонного воздуха, и затих, и как бы сдулся, опал. Странная волна пробежала по коже Пилар. Это не была волна паники и ужасных видений, в которых ее сына мучили сотней всевозможных способов, разъедающая психику и подавляющая волю. Это была волна пугающего, почти стерильного спокойствия, чувства, которое приобретают с годами патологоанатомы и наемные убийцы. Чувства полного отсутствия эмоций в связи со смертью, чувства, которое само и есть смерть, эмоциональное выражение небытия. Эта волна прошла по Пилар, обнимающей сына. Мигель почему-то перестал плакать, словно это ощущение передалось и ему тоже, и они двое, обнявшись, застыли посреди этой площади страха и смерти, посреди разверзшегося на земле ада.

А потом небо дало течь, и пошел снег – густой, медленный, спокойный, убаюкивающий. Он покрывал равнодушным белым ковром трупы людей и монстров, разрушенные здания и лопнувший асфальт. Он скрывал от посторонних глаз всё произошедшее, маскировал запахи гнили и гари, заметал следы, прятал красное, черное, коричневое под ровным белым цветом.

Глава 8. Светлое сердце

XCII.

– У этого нет формального названия, – сказала Оксана, осматривая левую руку Лу.

– Я несколько раз видела это у пациентов. Я бы назвала это темпоральным ПТСР. Или темпоральными фантомными болями.

– Как это?

– Я подозреваю, что мы умерли, Лу. Это не было в другой реальности, это не стерлось из нашей.

– Я не думаю, что я умерла, – растерянно произнесла Лу, – но я точно кого-то потеряла.

Оксана кивнула.

– Арк вернул в прошлое очень небольшой кусочек нашего мира. Но время – очень сложная психоэнергетическая структура, у него глубокие корни в нашем сознании. С телом может быть всё нормально, но наш разум пережил смерть. Или что-то похожее. И каким-то невероятным, неясным для меня образом он это чувствует. Где-то в глубинах нашего подсознания скрывается это понимание.

– И что с нами будет?

– Не знаю точно. Но у всех будет по-разному. Физически мы здоровы. Кошмары, панические атаки, смутные флешбэки, психосоматические боли – к ним нужно быть готовыми. И поделаться с этим что-то очень трудно. Может, и есть какая-то терапия, да где ж ее взять...

Оксана вышла из-под медицинского тента, который на скорую руку соорудили прямо на площади, у входа в госпиталь. Лу пошла за ней. В асфальте неподалеку виднелась глубокая проеденная гнилью дыра. С другой стороны новой палатки лежали накрытые белыми покрывалами тела погибших. Их были десятки. Висел тяжелый нашатырный и металлический запах. Лу валилась с ног от усталости. Пшигода, Ахил и Пилар с десятком добровольцев собирали по всей площади раненых и убитых, доставляли к Оксане. На выходе из-под медицинского тента лежал печальный Карман. Лу присела и погладила песика за ухом. Оксана закурила.

– Оксана, что с Арком?

– Жив. Чрезмерное истощение всех колдовских и просто человеческих сил, как бывает после изматывающих заклинаний. Я немного в него влила, просто чтобы дышать не перестал, остальное сам доберет со временем. Темпоральная магия необыкновенно требовательна. А Арк еще не до конца оправился от предыдущей травмы.

– Он нас спас. Нас всех.

– Да, я полагаю, это так.

– Что произошло? И как мы все погибли?

– Не знаю. Ну, то есть, нас всех каким-то образом убил Тараск, но подробностей знать не могу. Если Арк захочет, он нам расскажет. Но я спрашивать не буду. Не уверена, что хочу это слышать.

Лу на секунду задумалась. Что-то поменялось внутри нее после событий на Александрплатц. Перефокусировка, переоценка ценностей. Некоторые вещи перестали быть важными. Некоторые оказались важнее, чем когда-либо.

– А как такое колдовство вообще работает?

– Мне трудно это описать. Нужен замкнутый колдовской контур определенной конфигурации, а потом нужно особым образом на нем сфокусироваться. Как, в общем-то, всё колдовство.

– Ты узнала об этом в Изнанке?

– Я никогда не была в Изнанке, Лу. Меня научил Александр. Он решил, что мне, как врачу, пригодятся эти заклинания. И действительно, это единственный известный мне способ обратить вспять вообще весь физический ущерб, даже смерть. А я в свое время показала это Арку, когда лечила Кармана однажды, по старой дружбе. Еще тогда пошутила, что он мне должен теперь. Ну вот, отдал долг.

К тенту подъехала дрезина, и Пшигода с Пилар стали на носилках выносить из нее новых пострадавших. Оксана затушила самокрутку, кивнула Лу и ушла внутрь. Лу подошла, обняла Ирджиха, не таясь, у всех на виду.

– Как ты? – спросил он.

– Рука болит, а так ничего. А ты?

– У меня всё болит... и не болит одновременно. Иногда кажется, что тело, kurva, пропустили через мясорубку. Я прислушиваюсь к себе, и всё нормально. Обычные ушибы и ссадины.

– Да, понимаю. Бедный. Сколько их? – спросила Лу, показав на ряды накрытых тел.

– Около сотни погибших, еще столько же раненых. Многих убили тойфели, остальных раздавило в толпе, когда пошла волна паники.

– Ужас.

– Спасибо Оксане, их могло бы быть гораздо больше.

Лу хотела сказать про Арка, но почему-то промолчала. Лишь подумала: «Успеется. Может, если ты умер, лучше об этом и не знать».

– Я одного не понимаю, – продолжил Пшигода. – Где был, kurva, Александр? Почему он не вмешался?

Лу промолчала. Ее занимал тот же вопрос.

– Неужели ему настолько наплевать?

XCIII.

Арк открыл глаза. Всё ныло. Рана от ножа на правом плече снова болела. Он лежал в большой светлой палатке вместе с еще полусотней людей. Где-то на другом конце виднелась Оксана. Арк с облегчением откинулся на жесткую койку. «Кажется,

получилось. Несмотря на обилие раненых вокруг, основной урон, судя по всему, я предотвратил. Этот теракт не пройдет незамеченным. Виктор понесет наказание, особенно учитывая то, что есть много доказательств. Но как ему удалось так быстро всё проверить? Ему же нужен был бьюст...

Доротея!»

Арк поднялся, осторожно встал с койки. Ноги его вроде бы держали. Плечо болело, но не кровоточило. Ногти на руках чесались. Но, если не брать во внимание бесконечную усталость, всё с ним было в порядке. Он поглядел на Оксану. Она была занята с другим раненым и не обращала внимание на происходящее вокруг. Арк тихо вышел наружу. На выходе его ждал обрадовавшийся Карман. Арк присел, чтобы погладить песика, и задумался. Брать его с собой не хотелось. Терьер выглядел измученным, а Лу о нем позаботится. С другой стороны, Арк, вероятно, шел в ловушку, а Карман всегда был его тайным оружием. Вопрос упирался в то, насколько Арк верил Доротее.

Подумав еще секунду, он не нашел однозначного ответа. Придется идти на компромисс. Всё оружие, которое было в куртке, он потратил на тойфелей. Открыл Пасть, достал оттуда две взрывахи, жезл-парализатор и заряженный пистолет фирмы «Вальтер». Любимый револьвер потерялся в Шпрее, но это было лучше, чем ничего. «Как в старые добрые времена», – усмехнулся Арк, рассовал добычу по карманам и снова погладил собаку.

– А теперь иди к Лу, – сказал он. – Вон она, там, смотри.

Лу о чём-то говорила с Пшигодой вдалеке. Арк подавил желание подбежать к ним, обнять, пощупать. Побоялся, что отговорят его от затеи, что не дадут пойти к Доротее. Что у него самого не хватит сил это сделать. А знать он должен. Слишком много он пока не знает.

– Где Лу? Карман, где Лу? – преувеличенно восторженно сказал Арк.

Песик повертел башкой, увидел Лу, завилял хвостом, побежал к ней, а Арк в это время накинул капюшон и, не оборачиваясь, быстро зашагал в другую сторону. Идти было нелегко. Всё тело ныло пуще прежнего, а в голове роились дурные предчувствия. Арк пошел на юг, на не тронутый Тараском конец Александрплатц, почти дошел до Шпрее, повернул направо. Берлинский Дом возвышался прямо перед ним. Толстый, массивный зеленый купол, казалось, выпирал из пространства, давил своим присутствием. Вдобавок ко всему шел снег – крупный, тяжелый. Куртка спасала, но ноги Арка быстро озябли. Он начал жалеть, что пошел, что не отложил всё на завтра. Что они не отправились на Музейный остров всей командой. Чтобы что? Развязать там войну? Обреченную, глупую, кровопролитную? Снова всех потерять? Нет, надо действовать через Совет. Только у Совета есть сила справиться с Виктором, за всё его наказать. А Доротея будет важным свидетелем, главным свидетелем. Как говорили в детективах, краеугольным камнем обвинения. И он во что бы то ни стало должен ее спасти.

Музей Бодэ стоял на месте, как ни в чём не бывало выглядывал из-за Берлинского Дома. У входа на длинных шестах были насажены три собачьи головы. Арк с удивлением и радостью узнал в одной из них Йохана. «Видимо, конфликт с Виктором перешел в открытую фазу», – решил он и ускорил шаг.

Двери были открыты. Навстречу Арку вышел Фарук, кивнул, поманил за собой. Арк пошел по шахматному полу длинного коридора, уставленного статуями. Доротея ждала его в небольшой комнате сбоку от основной галереи. Комната была практически пуста, только пара статуй из очень белого мрамора стояли по углам и смотрели в центр комнаты. Там стояли два кресла и кофейный столик. Доротея встала ему навстречу. Выглядела она как обычно – вызывающе привлекательно, но Арк сумел угледеть в ее движениях усталость, а во взгляде – грусть.

– Я рад, что ты в порядке, – сказал он.

– Я как раз хотела тебя найти, – сказала она одновременно с ним.

Слова смешались, перепутались, и оба неловко улыбнулись. Арк хотел спросить ее про бюст Нефертити, но на секунду потерялся в блестящих колодцах темно-синих глаз, и она успела подойти к нему близко-близко.

– Доротея, – сказал он.

– Арк, – сказала она и положила руки ему на плечи. Затем потянулась и легонько коснулась губами его лица – сначала под глазом, потом посередине лба, а потом ниже губ, и приятная прохлада растеклась по всему его телу. Доротея отстранилась и произнесла:

– Прости.

Арк поначалу не понял, а потом понял, но было уже поздно. Прохлада никуда не делась, она только усилилась и окрепла, охватила всё его тело, пустила корни в его нутро, и он превратился в белую мраморную статую – такую же, как все остальные.

XCIV.

Уже давно стемнело, когда Лу, Пшигода, Акхил и Карман, истощенные, бесконечно подавленные, поехали домой. Всю дорогу валил тяжелый сухой снег, забивался в колеса дрезины, создавал заторы, которые Пшигоде то и дело приходилось разгребать посохом Пилар. Лу управляла, но, по сути, дрезина ехала сама, как послушная корова, знающая свое стойло. Думать о том, куда пропал Арк, не было сил. Думать о том, что произошло, не было сил. Думать о том, что будет дальше, не было сил, но мысли эти сами лезли в голову. Что сделает Александр? Что сделает Совет? Являются ли они трое сейчас единственными знающими, кто стоит за атакой на Александрплатц.

Когда они приехали, то грузно выпали из дрезины, Акхил пошел запирать ее в гараж, а Лу и Пшигода сразу поднялись наверх, в кабинет. Кирха была темной и пустой. Лу направленным взглядом быстро зажгла камин, подождала, когда Акхил зайдет внутрь, и стала возводить защиту. Пшигода наблюдал за ней молча.

Окружив кирху двумя энергетическими щитами, одним гравитационным и еще одним сигнальным полем, Лу успокоилась. Без сил опустилась в кресло. Пшигода завернул самокрутку, поплюнил края, поджег. Говорить не хотелось. Всё важное было понятно без слов. Так она и заснула, с ногами на кресле, съжившаяся у камина, сквозь сон чувствуя, что, когда Пшигода докурил, он бережно отнес ее в кровать. Спала глубоко и, слава богу, без сновидений.

Разбудила Лу ее же собственная сигнальная система. Кто-то стоял у двери, не пытаясь, впрочем, войти. Было часов шесть утра. Рядом храпела гора. Левая рука ныла, но не сильно. Лу вылезла из кровати, ополоснула лицо, быстро надела случайные пиджак и брюки, спустилась вниз. Человек у входа был высоким, почти на голову выше нее. Смазливое лицо увенчивала копна светлых волос. Лу сняла сигналку, но остальные щиты снимать не стала.

Незнакомец поклонился.

– Мое имя Теофан, я ученик Скелета из Моабита. Пришел сообщить вам, что завтра в десять утра вы, Аркадий Колесничий и Ирджих Пшигода приглашаетесь на срочное заседание Совета. В качестве свидетелей и непосредственных участников ужасных событий на Александрплатц.

«Хорошо, – зло подумала Лу, – может быть, на Совете мы увидим-таки Александра».

– Также вам троим и вашим помощникам выносятся официальная благодарность Совета за спасение жизней людей и устранение угрозы от действий Тараска. Совет очень ценит ваши усилия и восхищен результатами.

– Спасибо, Теофан, – ответила Лу. – Я рада, что наши усилия не прошли незамеченными. Передайте Совету, что мы с нетерпением ждем их усилий и сопутствующих результатов.

Теофан чуть поклонился и ушел. Перед этим в уголках его глаз Лу увидела усмешку. «Ну что ж, хорошо, – решила она. – Пора брать дела в свои руки. Других рук у нас больше нет».

– Кто это был? – спросил Пшигода. Он прятался за дверью кирхи с каким-то жезлом, готовый кинуться в атаку.

Лу поцеловала его, скривилась от утреннего запаха.

– У нас сегодня будет много работы, – сказала она и пошла ставить кофе.

XCV.

Смотреть мраморными глазами Арк научился достаточно быстро. Мрамор был каким-то необычным, живым: он чувствовал колебания ветра, даже прикосновения, когда Фарук перетаскивал его в угол комнаты; он подавлял, но не полностью гасил внутренние ощущения вроде боли в плече или усталости; и он вообще никак не менял чувства и эмоции наподобие глубокого разочарования и злости. Вскоре Арк уже смотрел на мир, сузившийся до двух кресел, столика и статуи напротив, через

белесую пелену мраморных глаз. Уши тоже работали: он слышал эхо шагов, обрывки разговоров хундескопфов, патрулирующих коридор. Двигаться он не мог совсем. Все попытки оказались тщетными и привели только к большей усталости и легкой тошноте. Впрочем, возможно, последнее относилось к ситуации, в которую Арк завел себя сам.

Счет времени он потерял моментально. Минуты сливались в часы без всякого учета. Окон в комнатке не было, и даже отслеживание смены времени суток было ему недоступно. Кроме того, он подозревал, что несколько раз проваливался в сон на неясный период времени. Единственным, что поддавалось измерению, были события. Их произошло немного. Два прохода патруля по коридору мимо его комнаты и шальная муха, пролетевшая мимо.

Дверь скрипнула. Раздался приглушенный шум шагов. В горле почему-то защипало. В поле зрения Арка вошел человек, похожий на бухгалтера в отпуске. Он был невысокий, с явной залысиной на макушке. Подвижные кустистые брови. Крючковатый нос венчали очки, под которыми прятались хитрые, глубоко посаженные глазки. Руки были длинными, тело – худым и не мускулистым. Одет он был в джинсы и рубашку навыпуск.

– Здравствуй, Аркадий, – сказал человек, обращаясь к Арку. – Давно хотел с тобой познакомиться. Меня зовут Виктор Лихтенхерц.

Арк возмущенно промолчал. Горло заболело сильнее.

– Особенность этой нашей встречи в том, – продолжил человек, – что ты не можешь говорить. На счастье, я умею читать мысли, даже каменные. Поэтому, пожалуйста, не стесняйся, думай свободно. Я услышу.

Арк выдал серию мысленных образов того, что сделал бы с Виктором Лихтенхерцем, владей он своим телом.

Виктор махнул рукой.

– Пожалуйста, контролируй детские позывы. У меня не так много времени. Кстати, о времени, – добавил он, поправив очки. – Замечательная работа на Александрплатц. Филигранная.

Арк сформировал в голове несколько картинок того, как Тараск разрывает людей на части.

Виктор кивнул.

– Да, меня информировали. Это же я его туда послал. Между прочим, благодаря тебе. Иначе я еще долго тратил бы собачек, чтобы выловить бюст Нефертити. Во многом ответственность за события на Александрплатц лежит на тебе, Аркадий.

– ...

– Не преувеличивай. Я просто человек, который не дает морали управлять своими действиями. Мне очень жаль, что погибли люди, и я рад, что не погибло больше. Опять-таки, надо отдать должное, благодаря тебе. Но гибель людей никогда не была моей целью.

– ?..

– Гибель людей – вообще никогда не цель. Гибель людей – это средство. Жесткое, но крайне действенное. Теперь мы с тобой вместе будем наблюдать – я специально попрошу Доротею тебя информировать, – как будет закатываться политическое солнце Александра. Как люди, которые его еще неделю назад боготворили, начнут плевать в основание телебашни. Всемогущество – плохой политический аргумент. Оно ведет к апатии, а люди апатию ненавидят. Именно поэтому, каким бы Александр не был всемогущим, выборы выиграю я.

– ?..

– Конечно! Получу победу на выборах и, следовательно, власть над всем Берлином. Но тут мы потихоньку подходим к причинам этой нашей встречи. Как ты понимаешь, если бы я захотел, ты был бы уже мертв. Даже сейчас умертвить тебя не составляет труда. Этот мрамор очень легко перетирается в пыль, и, поверь, я умею читать мысли и знаю, как это неприятно. Но ты обратил на себя мое внимание три раза, и это заслуживает личной встречи.

– ...

– Да-да. Первый раз – когда ты убил Иммануила. Честно признаюсь, это меня разозлило. Нарушило некоторые мои планы. Изменило течение некоторых событий. Но я решил: если ты настолько предприимчив, ты сможешь мне пригодиться. И я был прав! – Виктор улыбался, как мальчишка. – Ты принес мне бюст Нефертити, снова удивив меня! Да, мне пришлось опять-таки поменять планы, нарушить одни договоры и заключить другие. Но дело сдвинулось с мертвой точки. Это точно стоило жизни ангела-имбецила. Ты заставил меня задуматься о более глобальных целях, заставил заглянуть в ранее недоступное. И третий раз – сейчас, на Александрплатц. И теперь я задам тебе один вопрос, а ты, прошу, помни, что я читаю абсолютно все твои мысли и скрыть от меня что-либо невозможно. Итак, Аркадий, где Нигош?

ХСVI.

Оба долго молчали. Арк – по очевидным причинам, Виктор – вслушиваясь в его обескураженные мысли. Он копался в голове Арка с тщательностью и дотошностью собаки, вылизывающей миску.

– Очень жаль, – наконец сказал он. – Нигош – очень хитрый маленький засранец, но я не думаю, что он смог бы обойти или заблокировать мои способности. Значит, ты действительно ничего не знаешь.

– ...

– Это разочаровывает. Недостаточно, впрочем, чтобы тебя убить. Ну-ка, расскажи мне, как Нигош пропал.

– ...

– Да, я вижу. Свет, вибрация. А потом вся Башня куда-то делась. Это очень интересно. Необычайно интересно. Понимаешь, Аркадий, всё дело в Башне. Я недавно задумался: куда мог сбежать мой дорогой друг Нигош? Он явно телепортировался, но вот куда? Единственное, что он хорошо делает, это порталы. Значит, в Изнанку. Но в Изнанках и я знаю толк. Я поискал его там – и учти, что там колдовство работает в сотни раз сильнее, чем на нашей скучной Земле. Ни следа Нигоша, ни запаха, ни послевкусия. Ни в одном из миллионов доступных миров. Это значит, он, скорее всего, в нашем мире, где есть хоть какие-то физические законы, где я не смог бы так просто его найти. Но тогда как он телепортировался? Вместе с Башней? Я был уверен, что это невозможно. Это заклинание должно было уничтожить всю планету. Но нет. И тогда я подумал: «Что, если Нигош – молодец? Что, если он умнее, чем я полагал? Что, если он изобрел способ телепортироваться на дальние расстояния? Вместе с огромной массой, колдовским запасом, с Башней!» Что можно сделать с такой технологией? Я буду не просто хозяином Берлина, Аркадий. Я буду хозяином мира. И тогда я решил: я его найду.

– ?..

– Я тебе это всё рассказываю, чтобы ты об этом думал, милый. А если ты об этом думаешь, я могу это прочитать. И найти в том беспорядочном клубке обрывков мыслей, который ты называешь разумом, хоть какую-нибудь тонюсенькую ниточку, которая приведет меня к нему. Так вот, я решил, что найду его. Значит, мне нужен был последний его ученик. Который неровно дышал к моей прелестной дочери. А значит, наши отношения с Доротеей пришла пора пересмотреть. Она там что-то строила против меня, планировала. Сначала с Нигошем, потом с тобой. Это не имеет значения. Мне казалось, она не важна, ею можно пренебречь... – Виктор встал с кресла, подошел близко-близко к Арку, зашептал прямо в мраморное ухо: – Ты сделал ее важной. Она должна быть тебе благодарна, хотя, конечно, это вряд ли произойдет.

Лихтенхерц снова отошел и стал расхаживать по комнате, то и дело пропадая из поля зрения Арка.

– И вот теперь мы подошли к нашей встрече. Помочь ты мне не можешь.

Виктор снова исчез и вдруг появился из-за Арка, снова противно зашептал ему в ухо:

– Или всё-таки можешь? Пока оставайся здесь. Никуда не уходи, ха-ха. Мне нужно подумать. Ты явно представлял для Нигоша ценность. Он может вернуться за тобой. Это стоит того, чтобы тебя сохранить. Единственный вопрос: оставить тебя статуей или переделать в хундескопфа?

– ...

– Совет? Ты не понял, милый. Я и есть Совет. После атаки Тараска и того, что неминуемо последует, никто в хваленом Совете мне и слова поперек не скажет. Эта битва уже выиграна. Берлин мой. Он больше не интересен. Они будут играть в

демократию и права людей, налаживать системы и институты, а я уже буду захватывать прочие города и страны. С твоей помощью, конечно. С твоей помощью. Виктор развернулся и вышел.

Арк попытался привести мысли в порядок. Ощущения были такие, словно в его голове кто-то покопался немытыми руками. Болело горло, тошнило. Общее настроение было поганым. Арк еще раз попытался двинуться, хотя бы рукой, хотя бы пальцем. Безрезультатно. Он не был покрыт камнем, он не был заключен в камень. Он и был камнем, без мышц, без нервной системы, без единого способа превращать желания в действия. А желаний было много, и они кипели у него в голове, просясь наружу.

XCVII.

Поездка в Цоо была для Лу беспокойной. Поначалу она хотела отправиться на поиски Арка, навестить Доротю, к которой тот наверняка побежал, как потерянный щенок. Лу хотела броситься за ним, но Ирджих ее остановил. «Совет, – сказал он. – Самое главное – это Совет. Самое главное – собрать всех свидетелей, остальное – это только отвлекающие факторы. Музей Боду никуда не денется. А Арк и не из таких ситуаций выкручивался». Всё равно было беспокойно. Лу понимала, что сейчас оставалась за главную в кирхе, и эта мысль почему-то смущала и расстраивала ее.

Поезд затормозил у перрона, и Лу с Пшигодой сошли. План был простой: найти профессора нематологии, пообещать ему защиту, увести из Роци в безопасность кирхи. Подготовить его как свидетеля. Карин была менее существенной целью: она ничего не знала, и ей ничто не угрожало. Другими важными аргументами на Совете были темное окно со взрывом в Поезде, коробочка с собачьими волосами и Доротю с бюстом Нефертити. На этом месте у Лу сосало под ложечкой. Исчезновение Арка оказалось совсем некстати. Лихтенхерцы не должны были уйти от наказания.

Пшигода договаривался с дуболомами, охранявшими вход в Роцу, а Лу перебирала в памяти события на Александрплатц. Ее заполняла тревога, рожденная ответственностью. Она смотрела на Ирджиха, издали, исподтишка, и в голове ее проносились страшные образы. Они не должны были повториться.

Лу никогда не была в Роце, и если бы не четкая цель, она бы застряла в ней на целый день. Многообразие форм и цветов, необычные сочетания, запахи свежести и жизни. И, что самое важное, всё было знакомо: ели, сосны, дубы и вязы водили хороводы с пальмами и эвкалиптами. Она вдруг поняла, как ей этого недостает в остальном Берлине, где большинство деревьев увяли, а остальные мутировали до неузнаваемости. Роца при всём ее безумии казалась уголком нормальности по сравнению с пустыми бетонными улицами и ежедневными опасностями города. Ирджих, впрочем, судя по его мрачному виду, ее восторгов не разделял. Он быстро

шел, почти бежал между деревьев, сворачивая в, казалось, случайных местах. Лу еле поспевала за ним из-за такой скорости. На одной из ничем не примечательных полянок Пшигода затормозил, растерянно закрутил головой, а потом посмотрел на Лу.

– Они были тут.

– Что было?

– Дома-цветки. Целый микрорайон. Вот этот вид на Танненбаум. Вот эта поляна. Тут было шесть домов-цветков. В одном из них жил фон Штейниц.

– Слушай, тут всё одинаковое. Ты точно не перепутал?

– Точно. Посмотри.

Пшигода повел ее в центр поляны. Там, посреди изумрудной травы и стаек полевых цветов лежало что-то похожее на высохшую тряпку.

– Это лепесток. Увядший, забытый лепесток пиона. Смотри, он когда-то был розовым.

– Профессор жил тут?

– Да.

– А теперь тут нет даже его дома.

– И всех других домов, между прочим. Секунду.

Пшигода отошел на край поляны и начал шептаться с росшим там вязом. Лу побродила вокруг; кроме еще пары основательно увядших, скукоженных лепестков не было ни следа того, что тут когда-то стояли дома и жили люди.

Ирджих подошел к ней.

– Человек с таким именем не живет в Роще.

– погоди, что это значит? Где нам теперь его искать?

– Пойдем отсюда, Лу.

Они побрели назад. Лу шла мимо всей потрясающей красоты девственного леса вперемешку с ботаническим садом. И Роща больше не казалась ей подходящим местом для жизни.

ХСVIII.

Они уже почти дошли до выхода из Рощи, как Пшигода остановился.

– В чём дело?

– Я кое-что вспомнил. Когда я тут был в прошлый раз, то разговорился с мужичком. Он работал в офисе городского планировщика. Ему иногда дают деньги за то, что он рассказывает о каких-нибудь тайных проходах в канализации и о подсобных комнатах в метро.

– Ага, – фантазия Лу сразу начала работать. – Он может знать, как Тараск вообще попал на Александрплатц.

– Да. Я видел дыру в тоннеле, но этого мало: Александрплатц был закрыт несколькими слоями защиты, именно от таких случаев.

- И он мог подсказать, как их обходить.
- Шанс небольшой, но стоит попробовать.
- Веди.

Они вышли в обычную часть Цоо и пошли в бар под названием «Лопух и Клен». Лу никак не могла привыкнуть к разумным деревьям, так что первые несколько секунд общения с барменом были для нее легким шоком.

- Привет, Клен! – начал Пшигода.
- Привет, Пшигода! А кто это с тобой?
- Это Лу Оспри, познакомься. Лу, это Клен, мой старый приятель.
- Очень приятно, – выдавила из себя Лу.
- Мне тоже, фройляйн, мне тоже.

– Слушай, Клен, я тут ищу одного мужичка. Дело к нему есть, заработать может нехило. Городской планировщик, помнишь такого? Часто у тебя ошивался.

Ругань Клена была скрыта шелестом листвы.

– Помню конечно. Вчера приперся, уже пьяный. Пил весь вечер. Его стошнило под стойку. Рыдал, ко всем приставал. Омерзительный тип.

– А где он живет, не знаешь?

– Где живет, не знаю, а отсыпается он сейчас у меня в задней комнате. А вы пока, фройляйн, присаживайтесь, послушайте историю старого дерева. Налить вам чего-нибудь?

– Может быть, чаю?

Пока Ирджих извлекал нужного человека из задней комнаты и объятий Морфея, Клен начал, скрипя и кряхтя, рассказывать историю своего бара – очевидно, уже в сотый раз. Чай оказался вкусным, но история была не очень интересная, и когда Пшигода вышел в общий зал, крепко ведя за плечо невзрачного мужика лет пятидесяти пяти, Лу обрадовалась. Сонного и несговорчивого планировщика оттащили за дальний столик, и чашка крепкого чая привела его в относительно здравомыслящее состояние. Здравомыслящее настолько, что, когда Пшигода завел речь об Александрплатц, мужик попытался сбежать. У него не получилось, но остаток разговора он провел, чуть пригибаясь под тяжестью руки Ирджиха.

– Было дело, обращались ко мне недавно с подобными вопросами, – довольно быстро сознался мужик, которого звали Дитрих Шпенглер. – Я нашел старые планы подземного комплекса Александрплатц, тоннелей У-Бан, всего.

– А кто спрашивал?

– Имен не знаю.

– Напрягись.

Дитрих зажался, весь как-то съежился, почему-то покосился на Клена. Тот совершенно не обращал внимание на происходящее.

– Не хочу говорить, – сказал Шпенглер.

– Поедем сейчас с нами, – прошептала Лу. – В Иммануилкирхе ты будешь в безопасности. Завтра расскажешь свою историю Совету – и всё, ты свободен. А если сейчас уйдешь от нас, тебя повесят на ближайшей лиане.

Дитрих сглотнул и кивнул. Спасательная операция прошла удивительно мирно. В «Лопухе и Клене» оказался задний выход, и Пшигода огородами провел всех на станцию Поезда. Они уже сидели внутри, как по перрону пробежали несколько дуболомов, они о чём-то спорили с машинистом, махали ветвями. Поезд тронулся, невзирая на их крики.

Они отъехали от Цоо на довольно дальнейшее расстояние, и только тогда Лу смогла немного расслабиться. Судя по всему, никто не ожидал того, что они найдут Дитриха и он станет еще одним тузом в их колоде. Когда Поезд проезжал по Музейному острову мимо музея Боде, у Лу засосало под ложечкой. Она знала, что шансов мало, но на всякий случай изо всех сил выпустила телепатический импульс: «Арк!»

Никто не ответил.

ХСХІ.

В кирхе Дитрих немного расслабился, осмелел и начал торговаться. Пшигода отвел его в сторону для дальнейших увещеваний, а Лу осталась в своем кабинете и начала готовиться к заседанию Совета. Лист бумаги со схемой связей и махинаций был пересмотрен и обновлен. Лу прогоняла в голове все аргументы, которые можно было привести и тем самым доказать свою правоту, и что-то у нее не складывалось. Чего-то не хватало, и виновницей этого была Доротея. Не до конца понятно, зачем была затеяна вся эта история с бюстом, если, как только его вернули, Лихтенхерцы сразу напали. «Арк бы разобрался, – подумала Лу. – Боже мой, как я хочу, чтобы он сейчас вошел в дверь, улыбнулся, решил все проблемы какой-нибудь хитрой идеей». Но дверь не собиралась открываться. Всё нужно было делать самой. Ирджих поможет, конечно, но ответственность – на ней.

Дитрих выторговал себе проживание в кирхе, пока всё не уляжется. Требование было разумное, и Пшигода согласился, а потом привел планировщика в кабинет Лу. Ни на что неожиданное Дитрих света не пролил: к нему пришел хундескопф и предложил деньги за старые схемы метро в районе Александрплатц. Самому Дитриху уже месяц с небольшим приходилось перебиваться самым дешевым пивом, поэтому он не раздумывая согласился. Добыл схемы, отпраздновал, сходил в бордель. По собственному заявлению, пожил немного полноценной жизнью. Потом случился Александрплатц. Дитрих очень быстро всё понял и ударился во все тяжкие. Люди, которые на такое способны, очень быстро бы его убрали. Вот он и решил выпить всё, что успеет. А на следующий день его нашли Лу с Пшигодой.

Дитрих, поначалу создавший о себе жалкое впечатление, начинал нравиться Лу всё больше и больше. Особенно когда совершенно спокойно согласился участвовать в

завтрашнем заседании Совета как свидетель обвинения. Было видно, что с рассасыванием алкоголя в нем начинает просыпаться совесть.

Лу рано пошла спать. День предстоял тяжелый, и было важно привести мозг в максимально рабочее состояние. Но на подходе к своей спальне она вдруг остановилась. Ее шрам под татуировкой потеплел, словно к нему поднесли свечу. Мысль о том, что кто-то смог проникнуть в кирху, поначалу напугала ее, но она собрала силы и резко открыла дверь. Ведь это был ее дом. И здесь ей не было равных.

Посередине ее спальни стояла крыса. Большая, какая-то облезлая, больная на вид. Лу вспомнила свой давнишний обед, когда она была скопой, и ее замутило. Крыса посмотрела на Лу глазами-бусинами, по-человечески подмигнула и трансформировалась. Зрелище было жутким: кости и жилы крысы увеличивались в размерах, кожа омерзительно натягивалась и теряла остатки шерсти. Лу превращалась в птицу и обратно гораздо более эстетично. В конце концов крыса выросла до размеров человека, окончательно полиняла и встала на ноги. В комнате стоял полуголый Гастон. Лу не видела его с тех пор, как была миньоном Иммануила. Он сильно изменился: кожа стала тусклой и как будто тонкой, на ней отчетливо проступали шрамы от чего-то острого – то ли клыков, то ли когтей, то ли странного оружия. Мышцы его лица постоянно двигались в сложном тике. Во рту не хватало пары зубов.

– Здраштвуй, Лу Ошпри, – сказал он. – Ишь, какая ты штала. Помнишь меня?

Лу сжала кулаки. Гастон не представлял реальной опасности внутри кирхи, да и вне ее. Но память о нем, о том, как он обращался со всеми миньонами женского пола, о сальных взглядах и потных руках, о неспособности ему ответить и противостоять, заставила ее замяться. Ее затошнило, еще сильнее, чем когда она увидела крысу.

– Вижу, помнишь, – щербато улыбнулся Гастон. – Мой Хозяин Этваш Андереш передает тебе привет. Он в швоей бешконечной мудрошти жнал, что я шмогу проникнуть в Иммануилкирхе, когда жахощу. И приказал мне доштавить тебе пошлание. Не так давно Андереш оказал вам услугу, тебе и Аркадию. Теперь наштало время платить по щцетам. Не ходи жавтра к Шовету, Лу Ошпри. Шиди дома. Молщи о том, што жнаешь. Вот и вша услуга.

– Твой хозяин договаривался с Арком, а не со мной. Я ничего ему не должна, – спокойно сказала Лу. – И вот мое ответное послание.

И раздавила крысу.

С.

По дороге до Совета все были напряжены и серьезны. Они выехали всей командой: Лу, Пшигода, Акхил, Пилар, а также Ульрих и Павел, чьей единственной задачей была охрана Дитриха. На этот раз Совет Одиннадцати собрался в Трептов-парке, прямо на развалинах монумента советскому солдату. Они доехали до Осткройца,

а оттуда долго шли – по мосту через Шпрее, а потом по лесу, поминутно ожидая засады. Группа была вооружена до зубов. Несмотря на предчувствия, добрались мирно. На месте назначения их взгляду открылась странная картина: одиннадцать стоящих дугой каменных кресел были возведены под большим прозрачным навесом. На него мягко падал и скатывался снег. Над всем этим возвышался холм с невысоким постаментом, где когда-то, как смутно припоминала Лу, стояла гигантская статуя с мечом. Сейчас постамент пустовал. Кресла как бы окружали его, образуя странный амфитеатр с одиннадцатью зрителями и небольшой сценой на возвышении. От всего комплекса веяло очень сильным колдовством. «Это суд, – поняла Лу. – Зал суда».

Все кресла уже были заняты. Сидевшие на них колдуны тихо переговаривались. Навстречу группе Лу вышел Теофан.

– Пожалуйста, поднимайтесь на холм. Вас будут вызывать по мере необходимости. На холме позади постамента уже скопилось несколько человек. Лу узнала Доротью и ее учеников. Та на нее даже не посмотрела.

– На Совет приглашается Луизиана Оспри, – объявил Теофан усиленным заклинанием голосом.

– Не могут без церемониала, – буркнул Пшигода.

По узкой винтовой лестнице Лу поднялась на пьедестал. Сверху был виден весь Совет во всём его великолепии. Первым слева сидел мальчик лет четырнадцати, со светящимися оранжевыми глазами, Этвас Андерес. За ним возвышался гигант в феске, Падишах из Шарлоттенбурга. Справа от него сидела Ведьма из Вильмерсдорфа, молодая рыжеволосая красотка. Далее на каменном кресле стоял горшок с ростком Танненбаума. Потом сидел очень высокий и худой человек в очках с темной оправой. Это был Александр. Лу чуть дольше всматривалась ему в глаза, ища какое-то оправдание за Александрплатц, но он был увлечен разговором с соседом справа, Скелетом из Моабита. За ним три кресла занимала семья Лихтенхерц – Виктор, Вильгельм, высокий статный красавец, ничуть не похожий на отца, и Клавдия. Виктор тоже удостоился более пристального внимания Лу. В отличие от остальных, он не вызывал страха и был похож на обычного человека, случайно затесавшегося в компанию фриков. За ними сидели Сивилла из Кёпеника, а замыкал всё лиловый Куб из Гезундбруннена. Весь Совет был в сборе.

Скелет театрально откашлялся и сказал:

– Уважаемый Совет. Мы начинаем наше экстренное заседание, посвященное недавней атаке на Александрплатц. Мы созвали несколько очевидцев произошедшего. Первой озвучит свое видение событий Луизиана Оспри, великая колдунья Пренцлауэр-Берга, непосредственная свидетельница и участница событий, проявившая героическую выдержку и самообладание, защищая жителей Александрплатца.

Одиннадцать могущественных существ устремили внимание на Лу.

Ей стало неловко, но она начала твердо и уверенно:

– Я не только озвучу свое видение событий. Я скажу, кто в этом замешан и кто стоит за атакой.

Если Лу до этого думала, что всё внимание устремлено на нее, то теперь она ощутила его с утроенной силой. Заметила сразу несколько телепатических атак на ее разум и одновременно почувствовала, как активизируется защита постаментов. За ее разум началась война. Она запнулась, но продолжила:

– За последние две недели мы с моей командой собирали сведения о взрыве Поезда, произошедшем в октябре. Мы нашли неопровержимые свидетельства, что за этим терактом и атакой на Александрплатц стоят одни и те же люди. Мало того, мы пришли к выводу, что взрыв Поезда был задуман исключительно для того, чтобы впоследствии призвать Тараска и управлять им. Люди, спланировавшие и осуществившие эту серию возмутительных и преступных действий, действий против жителей всего Берлина, сидят сейчас среди вас, уважаемые члены Совета. И эти люди – семья Лихтенхерц.

Над Трептов-парком повисло тяжелое молчание.

С.

– Продолжайте, пожалуйста, – наконец сказал Скелет.

И Лу продолжила. Начала она с событий на Александрплатц. Сухо излагала факты и собственные наблюдения. В процессе рассказа у Лу резко заболела левая рука и помутнело в голове, но она пересилила неприятные ощущения. Затем она вернулась ко взрыву Поезда, рассказала историю Грега, наемника с Цоо, показала волоски хундескопфа, вызвала наверх Акхила, который подтвердил, что волосы собачьи. Рассказала историю бюста Нефертити, который похитили при взрыве. Вызвала Пшигоду, который рассказал о профессоре фон Штейнице, пропавшем в Роце, об его исследованиях Тараска и о значении бюста. Вызвала Дитриха, который подтвердил, что его тоже нанимал хундескопф. Снова вернулась к событиям на Александрплатц. Ее ни разу не перебили, не задали уточняющего вопроса. Члены Совета были поражены услышанным. По крайней мере, некоторые. Лу умолчала о вероятном участии Танненбаума в общей схеме. Также она ничего не сказала о вчерашнем визите посланца от Этваса Андереса.

Виктор Лихтенхерц слушал совершенно спокойно, даже расслабленно. Когда Лу дошла до бездействия Александра, он допустил легкую улыбку. Сам Александр выглядел невозмутимым и бесстрастным. Клавдия была явно озабочена, но старалась не подавать вида. Вильгельм был возмущен, и его возмущение по мере хода рассказа переходило в ужас.

Когда Лу закончила, Виктор спокойно встал с каменного кресла.

– Уважаемый Совет, – просто сказал он. Его голос был тихим и покладистым. Он словно уговаривал детей лечь спать в обмен на интересную сказку. – Мы услышали ужасные вещи. Разрешите мне сказать несколько слов в оправдание нашей семьи.

– Говори, Виктор, – сказал Александр.

Другие члены Совета закивали в согласии. Воздух резко наполнился колдовством. Вильгельм и Клавдия с одной стороны и Скелет, Ведьма и Сивилла с другой оцетинились защитными заклинаниями. Уже довольно давно Совет не был так близок к войне.

– С прискорбием вынужден признать правоту некоторых... да нет, всех обвинений в адрес семьи Лихтенхерц, которые мы только что услышали, – хорошо поставленным тоном начал Виктор Лихтенхерц. – Большая часть вины лежит именно на мне. В результате моей халатности, моей беспечности, я... я расскажу с самого начала. В последние несколько дней я проводил собственное расследование. Все мы наверняка помним колдуна по имени Нигош Черный. Его Башня раньше была видна с того места, где мы в данный момент находимся. Некоторое время назад он вступил в конфликт с моим сыном Вильгельмом. Конфликт был на... личной почве, и, с позволения Совета, я не буду углубляться в подробности этого конфликта. Скажу лишь, что Вильгельм был уязвленной стороной. Мой сын крайне горд. Крайне горд и... раним.

– Это неправда! – крикнул младший Лихтенхерц.

– погоди, Вильгельм, я скажу сам. За это есть и моя ответственность. В общем, конфликт из личных взаимоотношений перешел в колдовское противостояние. Именно тогда, как я предполагаю, Вильгельм разыскал исследования профессора фон Штейница и задумал атаку Тараска. Для этого ему потребовался бюст Нефертити – артефакт невообразимой силы, которым владела сестра Вильгельма. Доротея Лихтенхерц поднялась на постамент и встала рядом с Лу, не обращая внимания на ее разъяренные взгляды.

– Да, отец, я подтверждаю, Вильгельм просил у меня бюст Нефертити еще прошлым летом. Сначала он предлагал несколько ценнейших статуй из Нового музея взамен, потом угрожал силой. В октябре взрывом Поезда развалило часть стены музея Боде, в точности как рассказала Лу Оспри, и мои же хундескопфы смогли украсть бюст. Он упал в Шпрее и на какое-то время сгинул.

– Я... – пролепетал пораженный Вильгельм, но Виктор лишь махнул рукой.

– После того, как стараниями команды Пренцлауэр-Берга бюст вернулся ко мне, Вильгельм предложил сделку еще раз. На этот раз я согласилась. Статуи, которые он мне передал в обмен, вы можете найти в музее Боде.

– К этому времени Нигош уже переместил свою Башню в Изнанку и сбежал, – продолжил Виктор. – Вильгельм предполагал, что Нигош прячется на Александрплатц, у своего давнего, хм, покровителя Александра, – и Виктор отвесил тому издевательский поклон.

Александр усмехнулся.

– Именно там Вильгельм, обезумев от горя и ревности, и спланировал свой теракт, вероятно, рассчитывая, что Тараск свалит телебашню с ее обитателями. Он подкупил одного из местных лидеров, Серба, и тот при помощи информации, полученной от Дитриха Шпенглера, вызвал Тараска. Мои люди нашли Серба, и он, в обмен на снисхождение Совета, согласился дать показания.

СII.

Один из стоящих внизу людей скинул маскирующее заклятие и оказался Сербом на своей коляске. Теофан не пустил к нему разъяренного Пшигоду и пролевитировал его наверх, на постамент, к Лу и Доротее.

Серб, разумеется, полностью подтвердил слова Виктора.

– Вильгельм пришел ко мне лично, – проникновенно рассказал он. – Пообещал много добра. Если всё получится – власть над Александрплатц, конечно. Мы взломали несколько дверей в глубинных тоннелях. Сняли защиту... Когда я прочитал заклинание, бюст Нефертити рассыпался в прах у меня в руках. Потом мы убежали, не оглядываясь.

Лу беспомощно смотрела на членов Совета. Они ввали – Виктор, Доротее, Серб. Это было очевидно. В глазах Вильгельма она прочла подтверждение этого – молодой человек был в ужасе. Лу еще никогда не видела кого-то настолько могущественного настолько напуганным, и только совершенная несправедливость ситуации подавляла растущее в ней злорадство. Сделать она, впрочем, ничего не могла. Версия Виктора не противоречила найденным ими фактам, обтекала все острые углы и врывалась в незаполненные лакуны событий. Если быть уверенным, что ни один свидетель не лжет, картина получалась достоверной. Беспомощность вновь захлестнула ее.

– Вильгельм Лихтенхерц, – обратился к нему Александр, – что вы можете сказать в свое оправдание?

Вильгельм вскочил с каменного кресла. Щеки у него ярко пылали, некогда красиво уложенные волосы топорщились.

– Это абсолютная ложь, от первого и до последнего слова. Я не устраивал никаких терактов. Не контролировал Тараска. Не взрывал Поезд. Мы с Нигошем никогда не...

Он осекся, и Лу не сразу поняла, почему. По Трептов-парку разлился новый, неприятный запах. Его почуяли все присутствующие. Запах приторный, дурманящий, запах лжи. Это сработали наложенные на постамент веритативные заклинания. Вильгельм, наверное, решил, что Виктор каким-то образом их отключил. И в пылу рассказа соврал.

– Ну... в смысле, я...

– Довольно, – прервал Вильгельма Падишах. – На ложь у нас времени нет. Мы начинаем совещание.

– Нет, постойте...

– По понятным причинам я попрошу всю семью Лихтенхерц воздержаться от обсуждения и вынесения вердикта, – сказал Скелет.

Под одобрительные возгласы из его пальцев-костяшек полился ослепительно белый свет и закутал Виктора, Клавдию и Вильгельма в плотные коконы. Вильгельм ударил по своему, что-то прокричал, но безрезультатно. Он был полностью изолирован от мира. Два старших Лихтенхерца ждали с покорным выражением на лице.

Колдовской навес над Советом сгустился, опустился вниз и закрыл кресла и сидящих на них существ от посторонних глаз. Совет начал прения.

Лу посмотрела на Серб. Он мелко дрожал, потный, вонючий. Его взгляд бегал туда-сюда, ни на чём не фокусируясь. Лу он словно не заметил. Заклинаний на нем не было, и Лу предположила, что ему просто скормили какой-то наркотик. Она повернулась к Доротее. Та быстро курила в стороне.

– Где Арк?

Доротея вздохнула, потом посмотрела ей в глаза.

– Он умер, Лу. Мне очень жаль, правда.

Колдунья казалась искренней. Ее левая рука теребила фиолетовый шарф.

Лу отвернулась. Ей хотелось ударить Доротее, закричать, метнуть в нее молнию. Вместо этого она посмотрела вниз, где у подножия холма стоял Ирджих. И встретила с ним взглядом.

СIII.

Прошло много времени, больше часа. Наконец купол вернулся на свое прежнее место и снова стал прозрачным. Восемь из одиннадцати членов Совета спокойно располагались на своих местах. С Лихтенхерцев, как пух с одуванчиков, облетали белые коконы.

– Мы готовы огласить наш вердикт, – сказал Падишах из Шарлоттенбурга. – После долгих споров нам удалось достичь консенсуса.

– Серб, – сказал Александр, – за участие в нападении Тараска на Александрплатц ты и твои люди, имеющие к этому отношение, объявляются в Берлине вне закона и приговариваются к смертной казни. Приговор в отношении тебя будет исполнен немедленно.

Рот Серб. распахнулся в крике, но звука не последовало. Вместо этого из его горла, носа, ушей и глаз хлынула вода. Тучное тело на коляске задергалось, выгнулось, чуть набухло, а затем обмякло.

– По поручению Совета Ведьма из Вильмерсдорфа привела приговор в исполнение, – сказала молодая рыжеволосая женщина.

– Вильгельм Лихтенхерц, – прошелестел Танненбаум. – За организацию нападения Тараска на Александрплатц, организацию взрыва Поезда около музея Боде, похищение бесценного артефакта и прочие преступления вы объявляетесь в Берлине вне закона и приговариваетесь к смертной казни. Приговор будет исполнен немедленно.

На этот раз всё прошло менее гладко. Вильгельм сорвался с места, выпустил два хлестких заклинания, одно из которых сверкающим сгустком раскаленной плазмы полетело в сторону Танненбаума, а второе ударило искрящимся красным кнутом по Виктору. Сгусток был перехвачен Кубом из Гезундбруннена, который сменил цвет на сиреневый и на несколько секунд превратился в Тетраэдр. Кнут же попал по Виктору, прошел насквозь и проплавил каменное кресло под ним. Виктор продолжал смотреть на сына, улыбаясь грустно и покорно. Заклинание не нанесло ему никакого вреда.

Александр вскинул руку и стер Вильгельма. Того просто не стало. Груда пустой одежды, волос, зубов и ногтей упала в траву.

– По поручению Совета Александр привел приговор в исполнение, – печально резюмировал он.

– Виктор Лихтенхерц, – сказала Сивилла из Кёпеника, – а теперь – по поводу выдвинутого против вас обвинения и той вины, которую вы несете за преступления членов своей семьи. В свете предоставленной вами информации обвинение считается недоказанным. Тем не менее вы признаетесь частично ответственным за случившееся. Совет лишает вас права вето на все грядущие голосования. Кроме того, Совет принимает решение о физическом наказании.

Всё тело Виктора выгнулось от непереносимой боли. Его руки и ноги задергались, как у марионетки. Из глаз брызнули слезы. Он упал на колени и задрожал, словно тысячи невидимых игл вгрызались ему под кожу. Вот теперь Лу испытала злорадство. Это было мелочное, неправильное чувство, но оно принесло ей удовлетворение.

На протяжении всего наказания Виктор не издал ни звука. Когда всё кончилось, он поднялся, отряхнул помятую одежду, вытер лицо. Клавдия намочила платок и предложила ему вытереться. Спокойно, твердым шагом он вернулся к своему разломленному почти пополам креслу и сел в него. Он всё еще улыбался, грустно и мудро.

– По поручению Совета Скелет из Моабита привел приговор в исполнение, – сказал внимательно рассматривающий Виктора Скелет.

– Место Вильгельма в Совете заменит моя дочь, Доротея Лихтенхерц, – как ни в чём не бывало заявил Виктор.

Возражений не последовало. Все напряженно молчали. Доротея спустилась с постамента и холма, прошла чуть вперед, уселась на свободное каменное кресло. Всем своим видом она излучала триумф.

У Лу защемило сердце. После всего, что произошло, Виктор выиграл? Она посмотрела на Александра в растерянности. Тот никак не отреагировал, притворившись, что у него запотели очки.

CIV.

Этвас Андерес откашлялся, намекая, что заседание еще не закончилось.

– Луизиана Оспри, – сказал он.

Лу приготовилась к худшему. Она, вероятно, сможет успеть превратиться в скопу, взмыть как можно выше, убежать...

– Почти две недели назад Аркадий Колесничий получил задание расследовать взрыв на Поезде. Многое произошло с тех пор. Аркадия с нами больше нет. Несмотря на его смерть, задание было выполнено корректно и раньше срока. Ответы получены. Виновные наказаны. Совет признает вашу в этом заслугу. Это задание было проверкой способностей – ваших лично и вашей команды. Вы прошли эту проверку. Как вам известно, важной частью грядущих в Берлине изменений будет создание официальной и единой полиции. Она будет обязана следить за исполнением новых принятых законов. Луизиана Оспри, Совет Одиннадцати предлагает вам должность главы этой организации. Вам будут выделены необходимые ресурсы. Полицейские будут обладать особенным набором заклинаний. Они станут полноправными представителями Совета, – оранжевые глаза четырнадцатилетнего мальчика, казалось, смотрели Лу прямо в душу. – На правах главы полиции вы лично будете принимать живое участие в судьбе Берлина, в формировании его дальнейшего облика. Создавать его будущее. У нас даже есть прототип жетона полицейского, лично для вас.

Этвас Андерес раскрыл ладонь, и Лу увидела блестящий, небольшой, искусно отделанный значок. Это был кусок серебристого металла в виде щита с гербом. На гербе выгравирован вздыбленный медведь. В сам жетон хитро вплетены десяток защитных и боевых заклинаний. А еще это был Амулет Верности.

Лу не поверила своим глаза. Если бы она не носила его у себя на груди в течение нескольких лет, она бы так этого и не поняла. Это был не топорно сделанный артефакт, как у Иммануила. Жетон обладал огромной силой и сделан был тонко и хитро. Но от него, как и от квадратных уродливых табличек Иммануила, исходил запах рабства. «Ахилл был прав, – поняла Лу. – Никто из них не играет по-честному. Никто из них не хочет ничего, кроме власти. Никакой честной полиции не будет. Если честной полицией не буду я».

– Уважаемый Совет, – произнесла Лу. – Я принимаю ваше предложение с благодарностью. Для меня и для всей моей команды это огромная честь. Ваше доверие стоит очень многого. Я, однако, не могу принять от вас этот артефакт. И единственным моим условием будет то, что полицейские Берлина не будут полноправными представителями Совета. Они будут полноправными

представителями города. Как мы видели сегодня, и члены Совета могут представлять угрозу для простых жителей. Именно поэтому мы, полицейские, разработаем собственное оружие, собственные жетоны и собственную защиту. Мы будем ревностно следить за исполнением ваших законов, но мы не будем закрывать глаза ни на кого и ни на что. Независимость будет во всём, включая Совет. Только так мы сможем дать жителям Берлина тот город, который они заслуживают, честный и безопасный. Если мой подход видится вам справедливым, я могу начать с завтрашнего дня. И буду неусыпно и непреложно беречь город и его жителей.

«В том числе от вас, говнюки», – громко подумала она. Некоторые члены Совета ощутимо вздрогнули от этой мысли.

Совет снова накрылся своим куполом. На этот раз совещание было недолгим.

– Совет принимает ваше предложение, Лу Оспри, – резюмировал Скелет из Моабита. По его зависшей в воздухе челюсти невозможно было определить, улыбается ли он.

Лу спустилась вниз, к своей команде.

– Мы только что стали новой полицией Берлина, – сказала она. – Я приняла это решение за себя и пойму, если кто-то не захочет в это участвовать. Но, Акхил, – быстро продолжила она, увидев, что индус хочет что-то сказать, – я только хочу добавить, что ты был абсолютно прав. И нам очень потребуются твоя помощь, чтобы что-то действительно изменить.

Акхил кивнул и глубоко задумался. Лу почувствовала укол совести за эту маленькую манипуляцию.

– Я согласен, – сказал Пшигода.

– Я тоже, – поддержала его Пилар.

– И я, – Акхил посмотрел в глаза Лу. В его взгляде сверкал металл.

Павел и Ульрих тоже сразу согласились.

Всех удивил Дитрих Шпенглер, который также попросился в команду.

– Вам же будет нужен человек, досконально знающий город, – сказал он.

Лу не смогла не согласиться с его логикой.

– Я пока еще не знаю всех деталей, – произнесла она. – Но мне показалось, что если мы останемся действительно независимыми, это наш шанс построить что-то стоящее. И еще одна новость. Доротея сказала, что Арк мертв.

– Ты ей веришь? – спросил Пшигода.

– Я не знаю.

– Вот и я не знаю.

CV.

Счет времени. Само это понятие для камня потеряло всякий смысл. Мысли камня по имени Арк разбредались и путались, трескались и делились на отдельные

витражные фрагменты. Он понятия не имел, какое сейчас время суток, сколько дней прошло с визита Виктора. Или сколько лет. В комнате было темно и не было окон. Он пробовал считать в уме, но сбился. Несколько раз. После чего забросил эту затею, в основном от скуки. У него не было никаких телесных сигналов типа изменения пульса или усталости. Рана в плече болела, казалось, слабее, чем раньше, но Арк не знал, из-за чего это происходит: от хода времени или просто как следствие превращения в камень и притупления ощущений. Все другие чувства тоже были приглушены. Единственное, что было живо и било в полную силу, это страх. Страх, что он окончательно превратится в камень и пропадет, потухнет, как свеча, останется античной скульптурой. Страх, что его просто перетрут в порошок и развеют по Шпрее. Страх, что вернется Виктор и превратит его в хундескопфа, безвольного и послушного раба с собачьей головой. Последнее было даже страшнее, чем первые два варианта развития событий. В центре всех страхов находилась полная беспомощность, клаустрофобия от того, что оказался запертым в собственном теле, и понимание: любой его враг может прийти и сделать с ним абсолютно всё что угодно.

А врагов было много, и они были близки.

В какой-то момент барахтанье Арка в собственных страхах прервал скрип двери. Страх тут же усилился в сотню раз, сердце Арка сделало кульбит, а потом вдруг всё пропало. Совсем. Как будто его способность к страху была переполнена и мозг просто на какое-то время отказался ее воспринимать.

В комнату вошла Доротея. Движения ее были странные, неловкие. В первую секунду Арк подумал, что колдунья ранена, но довольно быстро понял, что она пьяна. Доротея подвинула кресло поближе к его постаменту, вальяжно на нем раскинулась. В руке у нее появилась сигарета, из кончика которой потянулась струйка дыма.

– Я победила, – сказала Доротея Лихтенхерц чуть плывущим голосом. – С твоей помощью, дорогой, поэтому можно сказать, что победили мы. Сегодня Виктор Лихтенхерц дал мне место в Совете, и ни одна сволочь даже не пикнула. Я получила... получила всё. А отдать нужно было всего-то безделушку, которую у меня и так украли.

«И меня», – подумал Арк.

Но Доротея либо не умела читать мысли так же хорошо, как Виктор, либо игнорировала их.

– Я так надеялась на Нигоша... Он был такой хитрый, такой... убедительный. А помог мне его ученик, его комнатная собачка. Ты действительно нечто, Арк. Удивительная сила воли, целеустремленность, мотив...ация. Абсолютное непонимание того, как работает наш прекрасный новый мир.

Доротея встала с кресла, чуть качаясь подошла к Арку, уперлась ладонью в его грудь.

– Жаль, что для того, чтобы тебя раздеть, нужно тебя рас...каменить, – она хихикнула, продолжая рыскать руками по его телу. – Я бы хотела тебя как-нибудь наград...ить.

Арк почувствовал себя дурно. Тонкие пальцы Доротеи требовательно щупали у него между ног.

– М-м-м. Мне нужно будет поэкс... поэкс...риментировать с частичной декаль...ци...фикацией.

Арк не мог пошевелиться. От Доротеи несло алкоголем и потом, и эта смесь запахов ощущалась даже каменным носом. Наконец Доротею надоело, она отошла в сторону и упала в кресло. Сигарета в ее руке догорела и пропала, ее заменил бокал с шампанским. Она жадно выпила больше половины.

– Что-то мне подсказывает, что ты меня осуждаешь... Не волнуйся так. Ты молодец, что сам пришел. Когда вы отдали мне Нефертити, и ко мне заявился Виктор, я испугалась... Он, наверное, мог убить меня прямо на месте. Даже в моем музее. Но он предложил сделку. Место в Совете. И всего лишь нужно было отдать бюст и подтвердить его слова. И отдать тебя, дорогой. Он там как-то вмешался в веритативные заклинания. Я врала, но в тот момент верила, что говорю абсолютную правду. Что я святая. Виктор очень силен. Если бы ты не пришел, следующая атака была бы на Иммануилкирхе. Или как вы ее называете? Аркадийкирхе? Неважно. Теперь она Лукирхе. Лукирхе! – Доротея рассмеялась. – Виктор убил бы всех... Твою подружку, здоровяка, с которым она спит, всех. А ты сам пришел. Так всем хорошо. И Виктор спокоен. И мне хорошо. И даже твоя подружка кем-то стала, слышишь? Я бы восхитилась самопожерт...ванием, если бы не знала, что это на самом деле глупость...

Доротея продолжала что-то говорить, периодически икая, но Арк перестал ее слушать. В ее потоке сознания было что-то очень важное, какое-то вскользь брошенное слово, оставившее след в его мозгу. И он изо всех сил старался это слово вспомнить, понять его значение, дойти до его сути.

Времени у него было много.

CVI.

Они стояли сплоченной группкой на небольшом клочке земли, зажато между кирхой и соседним домом, в укрытии нескольких тяжелых деревьев. Лу, Ирджих, Акхил, Пилар с Мигелем, Оксана, Павел и Ульрих. Рядом было несколько старых, полускрытых землей досмещенских могил и одна свежая. Никто не знал, что говорить.

– Он вернул мне мою жизнь, – начала Лу. Шрам под татуировкой на ее щеке болел.

– После Смещения я какое-то время была потеряна. Молодая девчонка в незнакомом городе. Я приехала сюда из школы, по обмену, у меня было углубленное изучение немецкого, дома, в Миннесоте. Потом произошло то... что

произошло. Я бомжевала, а затем меня нашел Иммануил. Он был потрясающий. Для меня, тогда. Казался ангелом-спасителем. На самом же деле он поработил мою волю, почти стер мою личность. К женщинам и мужчинам миньонам тоже было разное отношение. В общем, Арк не просто спас мне жизнь. Он вернул ее, восстановил из зачаточного состояния. Потом, когда я вернулась, то больше всего на свете хотела отомстить. Он не дал мне. Не дал убить человека из мести. И это тоже было важно для меня. В то время, для той, кем я тогда была. Арк казался отстраненным, иногда даже грубым, но он был очень добрым. И эта доброта позволяла увидеть за его целеустремленностью и его напором настоящего человека.

– Я познакомился с Арком случайно. За это нужно поблагодарить Серба, – Пшигода усмехнулся. – Арк был очень изобретательным, цепким курвинным сыном. Он мог выпутаться из любой ситуации... почти. Он был хорошим другом, бесконечно надежным товарищем. Он никогда не жалел себя, если нужно было что-то сделать. Если нужно было пробить стену лбом, он бы вышел с другой стороны весь в крови. И он был готов на всё ради своих друзей.

– Он был прекрасным товарищем, – сказала Пилар. – Здесь нет его тела, но душа его останется с нами, в этой кирхе. И лучшей защиты я бы не могла придумать. Я думаю, пришло время ее переименовать.

Все кивнули.

– Он не очень хорошо играл в го, – сказал Акхил. – Но он был очень хорошим учеником. Он схватывал всё на лету, поглощал знания и сразу же мог применить их на практике. Человек с такими способностями, получивший огромные силы, мог бы направить их во вред другим. Но не Арк. Мы с ним часто спорили о природе и смысле власти. И он был одним из тех немногих людей, которые совершенно в ней не заинтересованы. Вообще. Добившись своего, получив власть, он не злоупотреблял ею и не наслаждался ею. И нам всем стоит помнить этот его пример.

– Я была знакома с отцом Арка, – сказала Оксана, и все удивленно посмотрели на нее. – До Смещения Арк приехал в Берлин, устроился стажером в компьютерную фирму. Его отец, мой бывший однокурсник, позвонил мне, попросил помочь. Я помогла Арку поискать квартиру, устроиться. Отец Арка был ярким, харизматичным человеком со взрывным темпераментом. Мы все были немного влюблены в него в институте. Но он оказался плохим врачом, а потом и плохим отцом. Не буду тут вдаваться в подробности... Когда приехал Арк, я поразились, насколько он не похож на отца. Очень спокойный, очень рассудительный, умный. После Смещения я не видела его пару лет, даже не знала, что он жив. Когда мы в следующий раз увиделись, он уже был учеником Нигоша. Мне это не нравилось, но поделаться я ничего не могла. Но я всегда знала, что он перерастет Нигоша, выйдет на свой путь. И была рада, когда так и получилось. Мы никогда не узнаем наверняка, что Арк сделал там, на площади. Но я заявляю вам, что благодаря этому много людей

осталось в живых. И, возможно, даже кто-то из стоящих тут сейчас. Арк, я никогда тебя не забуду.

– Мама, он не умер, – громко сказал Мигель.

Четыре звонких слова прорезали воздух, запутавшись в кронах деревьев. Ответом им было молчание.

Глава 9. О собаках и людях

CVII.

«Я не камень. Я не камень. Я не камень. Я не камень. Я не камень», – повторял и повторял Арк. Он обнаружил, что иногда, помимо его воли, его сознание словно тонет, погружается под толщу чего-то очень тяжелого и плотного, и каждый раз ему всё труднее и труднее выплыть наверх. Один раз это произошло во время очередного визита Доротеи. В одну секунду она пьяным голосом пересказывала ему какое-то внешнее событие, а в другую он «нырнул» – и когда пришел в себя, комната снова была темной и пустой. После этого Арк и завел себе мантру, всего из трех простых слов, и использовал ее как спасательный круг. «Я не камень. Я не камень. Я не камень». Быть камнем – это истощало его. В какой-то момент Арк понял, а точнее – решил, что его друзья могут не знать, что он еще жив. Если так, то и помощи от них ждать бессмысленно. На отчаяние сил уже не было, и Арк переварил это понимание относительно спокойно, продолжая держаться на глади этой вязкой жидкости своего сознания. Как он понимал, единственной его надеждой было какое-нибудь стечение обстоятельств, при котором некаменный Арк понадобится Виктору для одной из его интриг. К этому моменту нужно было быть готовым. Нужно было копить силы, а главное – сохранять живость рассудка и не тонуть. Не идти на дно. Не быть камнем. «Я не камень. Я не камень. Я не камень». Доротея приходила несколько раз. Обычно она шаталась и несла чушь. Пару раз даже Арк уловил исходящий от молодой женщины запах алкоголя. Она вываливала на него свой поток сознания, состоящий вперемешку из последних новостей, ее мыслей по их поводу, а также личных обид и возмущений. В отличие от Виктора Доротея была бы посредственным игроком в покер. Из-за ее пьяных визитов Арк примерно представлял себе, как идут дела в Берлине. Он знал, что его друзья живы и бесят Доротею сверх меры. Он знал, что город меняется, но вот быстро или нет это происходит, он оценить не мог. Поэтому, хоть и иногда Доротея весьма откровенным образом трогала его и прижималась всем телом к особенно выступающим местам, что само по себе вызывало брезгливость или даже жалость, он всё равно был рад ее визитам, этим окнам в мир снаружи, как и чему угодно другому, приподнимающему его сознание из толщи Ничего. К примеру, он несколько раз слышал громкие шаги по коридору. Были также приглушенные голоса в соседней комнате. Единственное, чему способствовало превращение в камень, так это развитию аналитических способностей. В последнее время Арк работал над новым планом. Телепатия действовала только на коротких расстояниях и только между существами с сильной эмоциональной связью. Именно поэтому он мог так легко управлять Карманом. Но в одном из этих «только» Арк уверен не был. Он вспомнил, как в первую их встречу с Тараском, давным-давно, на Данцигерштрассе, Хозяин связался с ним телепатически и выдернул его из середины

психической атаки. «Возможно, конечно, – рассуждал Арк, – у Хозяина в Башне был специальный артефакт. Но возможно и то, что барьер расстояния можно преодолеть». И Арк старался. Из всех сил посылал Лу телепатический сигнал – несколько раз, как он полагал, в день. С полной фокусировкой и отдачей. В остальное время он просто очень старался не быть камнем.

CVIII.

Со времени нападения на Александрплатц прошло пять месяцев. Резкая зима сменилась затяжной, ленивой весной, а ту в какой-то момент подвинуло настойчивое лето. Лед и промозглый ветер отошли на второй план, затем начался сезон дождей и безумного цветения, а потом подоспели жара и духота. Даже сейчас, после Смещения, несмотря на все потенциальные опасности, берлинцы предпочитали проводить солнечные летние дни на улице, в идеале – лежа на газоне. Ахилл не до конца разделял это солнцепоклонничество, но смену сезонов ценил.

Он вышел из своей квартиры на Александрплатц, прошел мимо разрисованной, заплеванной и в паре мест обожженной телебашни. Жители Алекса не стеснялись выражать свои чувства. Как можно было ожидать после атаки Тараска, популярность Александра резко снизилась. На эмоциональном уровне это не могло не радовать Ахилла. С рационально-аналитической же точки зрения игры обезумевших богов проще всего было рассматривать через го. И только сейчас стало понятно, какой сокрушающий удар нанесли условные «черные» по позициям «белых». После выборов одним из первых вопросов, который всерьез интересовал людей, был таким: «Во что переименовать Александрплатц?» Никто больше не желал жить под именем колдуна, который отвернулся ото всех в минуту опасности. Телебашня моментально превратилась из любимого символа в чужеродный, мозолящий глаза объект, бессмысленно торчащий посередине площади. Конечно, там всё еще продолжал жить один из самых могущественных людей в Берлине, и это было единственным, что оберегало телебашню от сноса.

Ахилл миновал станцию Поезда, прошел рядом с народным мемориалом всем пострадавшим при атаке Тараска – вывороченным из земли, оплавленным и окаленным куском асфальта, на котором отчетливо виднелся отпечаток щупальца чудовища. Свернул налево у последнего ряда торговых палаток, потом направо, выйдя на широкую, разделенную трамвайными путями улицу. Жизнь на площади нормализовалась. Даже уродливое пятно, проеденное Рекой Гнили на месте эпической битвы, удалось убрать. Но иные шрамы заживают медленнее.

Пренцлауэр-Берг же расцветал и становился гораздо более населенным районом. Кирха превратилась в сердце берлинской полиции, и многие переехали поближе к ней в поисках работы или безопасности. Собранная Лу и Пшигодой команда насчитывала уже пятьдесят семь человек, которые были раскиданы между центром

и дополнительными отделениями в Моабите, Шарлоттенбурге, Фридрихсхайне и Кёпенике. Полицейские следили за порядком. Новые законы, многократно объявленные на весь Берлин и распространенные в письменном виде, запрещали обычные вещи – насилие, воровство, убийство. Количество происшествий пока что не успело снизиться заметным образом, но, по крайней мере, у людей появилась возможность просить защиты. Работы у полицейских поэтому было очень много. Дополнительной обязанностью полиции Берлина стали организация и проведение безопасных и честных грядущих выборов. Общий план был такой: любой житель Берлина мог выдвинуть свою кандидатуру в Совет Одиннадцати, подав заявление в кирхе до третьего сентября. Имена кандидатов объявлялись все вместе, после чего начинался месяц предвыборных кампаний. В новый Совет Города проходили одиннадцать человек (или иных существ), набравшие больше всего голосов. Кроме того, из этих одиннадцати выбирались также Казначей и Глава Совета. Первый отвечал за производство единой берлинской валюты, которую называли ноймаркой, и за обеспечение ее стоимости. Вторым был единственным членом Совета, обладавшим правом вето. Эту должность решили ввести после долгих споров, для контроля над деятельностью Казначея, к которому так или иначе должно было стекаться всё добро Берлина. Никаким разделением властей тут пока что не пахло – Совет, помимо всего прочего, сохранял за собой функции Верховного суда. Помимо Совета были утверждены и гражданские суды, в них судьи избирались отдельно в каждом из одиннадцати округов. Их функцией было интерпретировать закон, судить распри между жителями города и надзирать над действиями полиции. В Моабите и Шарлоттенбурге эта система уже заработала. Тут же, как мыши в грязном белье, завелись адвокаты.

СIX.

Такая примитивная система позволяла проворачивать довольно серьезные махинации. Ахилу она не нравилась. Он ожидал увидеть в новом Совете Города всё тех же людей и существ, что и в старом – просто потому, что возможностей для манипуляции общественным сознанием у них было гораздо больше. Больше половины города подчинялось тому или иному колдуну, и весь этот цирк казался индусу тратой времени. Он втайне хотел, чтобы никакого Совета не было вообще. Но всякий раз, как Ахил об этом думал, то вспоминал бегущую на него массу людей, в панике, в безумии, и у него вновь появлялось такое знакомое сосущее чувство в животе... Ему было страшно.

Ахил прошел уже полдороги до кирхи. Они продолжали называть ее между собой именно так, а официальным названием теперь стало безликое «Полицейское управление Берлина». Вместо креста на шпигеле теперь висел яркий, мерцающий и днем, и ночью белый шар. Именно таким Лу решила сделать символ новой полиции. Полицейские значки, один из которых холодил сейчас карман Ахила,

тоже были этой формы – гладкие, блестящие шары размером чуть меньше шарика для пинг-понга. Ахил вытачивал их колдовским образом из кирпичей кирпичи, затем кропотливо наносил на каждый вязь из рун, а сверху красил белой краской. Шары были и оружием, и защитой, и символом, а главное – одним из редких предметов связи на расстоянии. Это было источником особой гордости Ахила. Он полагал, что открыл первое проявление квантовой запутанности в макромире. Два одинаковых полицейских шара вытачивались из одного и того же кирпича. На них наносились одни и те же особые, разработанные Ахилом руны, в результате чего они начинали вести себя как один объект. Всё, что происходило с одним, происходило и со вторым. Ахил назвал это Вишну-эффектом, а сами шары – Вишну-камнями, в честь бога, известного своими аватарами. В результате в случае опасности любой полицейский мог зажечь свой шар ярким синим огнем – и его брат-близнец в кирпиче тут же оповестит об этом других. А в случае смерти хозяина оба шара раскалывались на кусочки. Второй шар Ахила вместе с другими Вишну-камнями размещался на специально для этого сделанном стенде в кирпиче, подписанный его именем.

Ахил дошел до места назначения – кирпич возвышалась над ним, красная и слегка угрожающая. Место мозаики на входе теперь занимал символ полиции Берлина – белый флуоресцентный круг на черном фоне. Ахил вошел внутрь, поздоровался со встреченными знакомыми и сразу спустился в подвал, в свою лабораторию. Там уже трудились Шао и Торстен, два его помощника, оба очень сильные колдуны из Цоо. Шао, немолодая пухлая китайка, занималась тем, что в нормальном полицейском участке называли бы судмедэкспертизой – поиском улик на местах преступления и телах жертв. Торстен, здоровенный, почти доходящий по габаритам до Пшигоды, всю жизнь проработал на заводах «Сименс» и был отличным инженером. Он помогал Ахилу собирать оружие и различные приспособления для полицейской работы. На данный момент они пытались повторить успех с «черным окном», которое дало им так много информации о взрыве Поезда. Лу решила, что такой инструмент может быть незаменимым в дальнейших расследованиях. Кроме того, в разработке было еще несколько более боевых проектов.

Подвал-лаборатория был темным, тихим и почти пустым. Но там были огромные возможности для интересной работы, и Ахил был готов провести в нем всю жизнь.

СХ.

Из зеркала на Лу смотрело немного чужое лицо. То есть лицо-то было ее, но в нем произошли неуловимые изменения, создающие странный общий эффект. Взгляд стал жестче, увереннее. В уголках вокруг глаз стали скапливаться морщинки, которых раньше не было. Волосы отросли и были стянуты в тугий узел. Начальник полицейского управления Берлина Лу Оспри вздохнула, кинула последний взгляд в зеркало, вышла из уборной и вернулась к работе. День обещал быть тяжелым.

Вчера она провела полдня в спорах с разными членами Совета об одном из вопросов, который волновал ее больше всего. Вот уже несколько недель Лу вела агрессивную и точечную кампанию, направленную на принятие одного очень важного для нее закона. Закона о миньонах. Большинство колдунов, с которыми она говорила в последнее время, соглашались, что это не просто похоже на рабство, а рабство и есть – причем в своей самой базовой, самой страшной форме. С признанием этого проблем почти не было. Гораздо сложнее оказалось уговорить всех от этого добровольно отказаться. Для принятия закона о запрете владения миньонами в Совете ей нужно было убедить еще шестерых. Из всех одиннадцати ее открыто поддержали только Скелет из Моабита и Куб из Гезундбруннена. На Лихтенхерцев рассчитывать не приходилось. Александр, как она предполагала, проголосует за закон, но с того памятного Совета в Трептов-парке его никто не видел. Остальные колебались: на словах уверяли ее, что они абсолютно против рабства, и, мол, как такое вообще возможно, но на деле заручиться их голосом она не могла. Их лицемерие выбивало ее из сил. Единственное, что она могла – подгонять всех, потому что этот вопрос необходимо было решить до выборов. И надеяться, что кучка всемогущих, избалованных и капризных колдунов посмотрят друг на друга и застесняются выглядеть плохо. Не так уж много.

Дома, когда Лу было пятнадцать или шестнадцать лет, они с друзьями часто собирались в местном баре и играли в пинбол – на старом, еще из 80-х, автомате. Стальной шарик летал по накрытому толстым слоем плексигласа корпусу, отражаясь от стенок и десятков штырьков и фигурок, набирая очки, залетал в раскрашенные жестяные воротца, только чтобы вылететь из них с удвоенной силой. Лу представляла себя таким шариком и чувствовала на себе каждый удар об стенку.

Слава богу, рядом был Пшигода. Он взял на себя почти всю повседневную полицейскую работу, нанимал персонал, выслушивал жалобы населения, расследовал дела, распределял ресурсы и торговался с Теофаном, представляющим Совет, за них и за новые полицейские участки. Первые месяцы для полиции были небезопасным временем – уже три белых шарика лежали в своих ящиках расколотые. Тела погибших полицейских покоились на кладбище рядом с могилой Арка. Имена их Ирджих сам выбивал на жестяных табличках и вешал напротив шкафа с Вишну-камнями. Каждый день, проходя мимо них, Лу внимательно смотрела на шар номер два. Шар Пшигоды.

СХІ.

Помимо тысячи дел, которые он делал в открытую, у Пшигоды было еще одно, тайное дело. Его небольшая, но верная агентурная сеть, раскиданная по всему городу, собирала информацию о том, что может происходить в музее Боде. Кто-то

дежурил в барах и борделях, пытаюсь выловить Армина или Фарука. Кто-то старался разговорить немногих человекоголовых людей, заходивших на Музейный остров, в основном торговцев и почтальонов. Всё это тянулось невероятно долго, но Доротею Лихтенхерц нельзя было брать наскоком. Требовалось терпение, а терпеть Пшигода умел.

Он грузно сидел в кресле и постукивал карандашом по столу. В его сосискообразных пальцах тот казался тонким, как спица. В кабинете, кроме него, сидели Пилар, Ульрих, Акхил и Янек. Последний докладывал:

– В среду его опять видели в Кройцберге. Как обычно, «Под каблуком».

– Который уже раз? – спросил Пшигода.

– Третий за две недели. Пока нет никакой последовательности.

– Известно, что он там делает?

– А то же, что и все. Пользуется. Мадам Роза не отметила ничего из ряда вон выходящего.

– Все они одинаковы, – резюмировал Пшигода. – И всех в конце концов можно найти. Ульрих, нам нужно удвоить наблюдение за барами в Кройцберге, рядом с «Под каблуком» и дальше на север.

– Ясно, – Ульрих сделал пометку в маленьком блокноте. Он на глазах превращался из раздолбая в исполнительного сержанта.

– Действовать пока рано. Мы должны дать ему время расслабиться. Вжиться в рутину, – продолжил Пшигода. – А что-то про Армина есть?

Все покачали головами. Второго ученика Доротеи нигде не видели.

– Если Фарук продолжит, мы возьмем его на следующей неделе и как следует прижмем. Насколько готов Сачок?

– К четвергу мы постараемся закончить, – сказал Акхил. – Нам нужен будет кто-то могущественный для тестирования. Может быть, Лу...

– Нет, Лу пока не сможет нам помочь. Придется тестировать на Фаруке. Жаль будет, конечно, раскрывать эту карту так рано, но поймать его – это задача первой необходимости.

– Какой у нас шанс его расколоть? – спросила Пилар.

«И как далеко мы зайдём, чтобы это сделать?» – прочитал Пшигода в ее глазах.

– Не знаю, – честно ответил он на оба вопроса. – Но он – наш самый лучший шанс подойти поближе к Лихтенхерцам. Хундескопфы абсолютно неподкупны, а Доротея – единственная, у кого есть человеческие ученики.

– А что, если на них тоже Амулеты Верности? В какой-нибудь необычной форме? Разве смерть Фарука не станет полновесным объявлением войны? – заявил Акхил.

– Станет, – кивнул Пшигода. – Мы многим рискуем. Но давайте решать проблемы по мере их поступления.

– А что об этом думает Лу? – спросил Ульрих.

– Она слишком близко общается с сильными телепатами. Пока Совет не торопится рассказать нам, как защищаться от подобных атак. Поэтому пока что данный разговор не выходит за рамки этой комнаты.

СХII.

«Я не камень. Я не камень. Я всё еще не камень». С каждым днем Арку становилось всё сложнее себя в этом убеждать. План с телепатией дальнего действия явно не работал. Лу не отвечала. Потратив еще какое-то время на панику и убежденность, что про него все попросту забыли, Арк пришел к решению, что требуется смена концепции. Телепатия всё еще остается единственным возможным способом коммуникации с остальным миром. Но, пожалуй, следует попробовать на прочность второе условие телепатии – наличие стойкой эмоциональной связи. Возможно, Фарук или Армин, иногда проходящие по коридору, окажутся интересными собеседниками. Или даже можно будет связаться с Доротеей, помочь ей в разгар ее личностного кризиса. Может, Виктор придет, еще раз над ним посмеяться. Может, Царь-гриб из недр реки снова захочет потравить анекдоты. Может быть, даже какой-нибудь хундескопф не откажется побыть в роли Лэсси... «Лу, Лу, Арк опять свалился в колодец!» Арк чувствовал, что сходит с ума от скуки. «Хотя бы я не камень, – думал он, – камни сумасшедшими не бывают. Камни вообще никуда не ходят». Именно после этих размышлений свой следующий телепатический сеанс Арк сфокусировал не на даль, а на ширь. «Кто-нибудь! – мысленно возопил он. – Алло!» Ничего лучше придумать не получилось. Ответом ему была пустота. «Эй! Прием! Ау! – орал он что есть сил. – Помогите! Пожар!» Когда он окончательно выдохся, заработал легкую мигрень и еще один приступ паники, то перестал кричать и вернулся к убеждению себя в собственной некаменности. Именно тогда он в первый раз услышал это.

– Арк? – спросил кто-то. Это был не звук, а что-то похожее на слабое ментальное эхо.

«Наконец-то, безумие, – подумал Арк. – Может быть, у меня раздвоение личности? Может быть, наконец-то можно будет с кем-то поговорить?»

– Арк? – услышал он снова. – Это ты?

– Это я! – транслировал он, старательно подавляя, вбивая ногами в пол воспрявшее было чувство надежды. – Кто это?

– Это Юджин. Я тоже статуя.

Юджин тоже когда-то был учеником Нигоша. Вернее, не учеником, а... как Клаус и сам Арк. Когда они еще были с Нигошем, Арк не любил называть себя учеником. Суть их отношений с Хозяином была другой. Они были питомцами, выкорышками. Спасенными от ужаса Смещения. Юджин был первым из них, самым колдовски одаренным, самым знающим. По словам Хозяина, Юджин пропал за несколько дней до исчезновения самого Нигоша вместе с Башней. Теперь стало ясно, куда.

– Ты здесь с октября? – спросил Арк.

– Да. А что сейчас? Точнее, какой месяц был, когда ты окаменел?

Арк рассказал, а потом стал пересказывать события, происходившие до сих пор. Говорить с кем-то было прекрасно. Юджин реагировал. Он задавал вопросы. Арк не на сто процентов был уверен, что не галлюцинирует, но это было упоительно.

– Мне повезло, что ты стал орать во все стороны, – наконец сказал Юджин. – Я боюсь, что достаточно глубоко заснул. Например, всех ваших разговоров с Виктором и Доротеей я не слышал. Хотя стоял в той же комнате.

– А ты где вообще?

– Я в правом углу, если смотреть от двери. Ты мог не заметить меня, когда входил. Я сейчас, кажется, вижу твою вытянутую руку.

– Это хорошо, что мы в одной комнате. Можно будет что-нибудь придумать. А как ты здесь оказался?

– Нигош вел какие-то шашни с Доротеей. Мне кажется, они действительно копали под Виктора. Я думаю, Доротея ему платила или как-то иначе с ним договаривалась. Но Нигош не доверял ей на сто процентов. Мы с ним сделали колдовскую маскировку хундескопфа, и я перебрался на Музейный остров, чтобы следить за ней.

– Это здорово.

– Да, он был мастером на такие штуки. Маскировка была отличная, но, судя по всему, не для Доротеей. Она меня раскусила и превратила в камень.

– Ты что-то успел разведать?

– В смысле, что-то, что могло бы нам помочь выбраться? Нет. Я узнал, что Доротея спит с одним из своих учеников, кажется, с Фаруком. Информация средней полезности.

– Ясно. Слушай, ты знал Хозяина, наверное, лучше всех.

– Может быть, да.

– Как ты думаешь, где он?

Юджин задумался. Молчание длилось долго, и Арк испугался, что тот снова заснул.

– Ты знаешь, – сказал наконец Юджин, – мне как-то совершенно наплевать.

СХІІІ.

Пшигода кивнул, и полицейские пошли в атаку. В три часа ночи улица в Кройцберге уже была темной и пустой. Из небольшого бара в полуподвальном помещении выкарабкался Фарук. С трудом, крепко держась за перила, раскачиваясь из стороны в сторону. Трое полицейских в новой униформе – белые рубашки и брюки, черные пиджаки – направились к нему в открытую, а Пшигода и Янек в штатском стали обходить с боков. Фарук, даже с заторможенной алкоголем и наркотиками реакцией, всё еще был крайне опасен. Полицейские в форме вытянули вперед белые шары.

– Стоять! Ни с места! – громко сказал один из них.

Фарук ударил без предупреждения. Улица озарилась вспышками, зеленый огонь встретился с белым. Пшигода, не мешкая, накинул на Фарука Сачок.

Строго говоря, это был не сачок, а скорее что-то вроде платка с утяжеленными краями. Платок умел считывать колдовские выбросы и отправлять часть из них назад. Тот, кто оказался под ним и попытался колдовать, начинал испытывать страшную боль, пропорциональную мощи используемого заклинания.

Фарук закричал, замахал руками, попытался стянуть Сачок с головы. Полицейские окружили его и при помощи Вишну-камней полностью обездвигили. Это было филигранное задержание превосходящего по мощи противника.

Пшигода подошел, снял Сачок с задержанного. Тот был без сознания, из его носа и ушей текла кровь. «Первый тест прошел успешно», – чуть мстительно подумал Ирджих.

Фарука на дрезине отвезли в тюрьму. Пшигода с Пилар нашли буквально напротив кирхи развалины старой водонапорной башни на холме, а внутри самого холма – древнюю систему залов и тоннелей. Это было отличное место для содержания преступников – темное, глухое, дезориентирующее. Тюрьму срочно отремонтировали и привели в действующий вид. Ахил и его команда сразу стали разрабатывать удерживающие заклинания и руны, которые можно было бы нанести на стены. Отсюда через какое-то время родился и проект Сачка.

Фарука обыскали и отвели в одну из подготовленных камер. Стены пока отражали заклинания не полностью, и для верности на Фарука надели обычные наручники, крепко зафиксировав руки за спиной, и к тому же завязали глаза. «Всё это больше похоже не на работу современной полиции, а на подвал маньяка-насильника, – с сожалением подумал Пшигода. – Но ничего, потихоньку освоимся».

Фарук пришел в себя через пару часов, завертел головой, закричал.

– Мы тут, – сказал Пшигода и сразу почувствовал себя глупо. Это было не то начало, на которое он рассчитывал.

– Доротея об этом узнает, – грозно сказал Фарук. – И вы все сдохнете.

– Значит, еще не знает, – обрадовался Пшигода. – Значит, Амулета Верности на тебе всё-таки нет. Как насчет кооперации с нами?

Но Фарук понял, что сболтнул лишнего, и заткнулся. Только когда после длительной паузы Пшигода собрался уходить, он поднял голову и сказал:

– А как же адвокат?

– Мы только начали строить свободное демократическое общество, – ответил Пшигода. – Как видишь, некоторые вещи до сих пор не готовы.

И скрипнул тяжелой металлической дверью.

СXIV.

Мариноваться Фаруку пришлось недолго. Пшигода сам не ожидал, как быстро тот сломается. Через три дня темноты, неудобных наручников и весьма скудного питания Фарук позвал охранника и попросил поговорить с главным. Еще через день, для закрепления эффекта, Пшигода вошел к нему в камеру.

– Я готов стучать, – сказал Фарук угрюмо. – Но мне нужна защита.

– Это можно обсудить, – ответил Пшигода, подошел поближе и снял с заключенного повязку. – Чем ты хочешь поделиться?

– Ваш друг жив. Всё остальное – после того, как мы договоримся о моей безопасности.

Пшигода ликовал. Всё было не зря. Интуиция его не подвела. Непонятно, как, но малыш Мигель оказался прав. Для вида Ирджих кивнул, словно раздумывая над ответом. На самом деле он с помощником Акхила Торстеном обсуждал разные варианты этого последние пару дней.

– Мы готовы предоставить тебе постоянно заряженную грим-брошь. Кроме того, мы даем тебе квартиру и платим пенсию. Как жертве колдовского произвола.

– Где квартиру? – жадно спросил Фарук.

– Александрплатц, Пренцлауэр-Берг, Моабит, выбирай.

– Я хочу в Роцце.

Пшигода хмыкнул. Он вспомнил, как быстро пропал оттуда профессор фон Штейниц. Может быть, это и неплохой вариант.

– Это будет зависеть от того, что ты нам расскажешь.

– Еще я хочу настоящую колдовскую защиту. Маскировки недостаточно. Я хочу колючую фигию, которой вы заблокировали меня тогда, на улице.

– Твоя очередь, – сухо сказал Пшигода. Растущая наглость Фарука ему не нравилась.

– Как я сказал, ваш друг жив. Доротея добавила его в свою коллекцию. Превратила его в статую. Живой мрамор, конченное колдовство. Я его не знаю, но его можно повернуть, точно. Нас с Армином, когда брали в ученики, тоже окаменяли, недельки на две. Абзац просто. Всё видишь, всё чувствуешь, а двинуться не можешь.

Во рту у Пшигоды пересохло. «Бедный Арк, – подумал он, – как ему не везет...»

– Я могу сказать вам, где он стоит, и вы тогда сможете его как-нибудь спереть.

– О нет, – Пшигода чуть наклонился, и его лицо угрожающе нависло над Фаруком. Тот вспомнил слухи, ходившие о Пшигоде, и непроизвольно сглотнул. – Переть мы никого не будем. Мы его освободим, в ходе совершенно законной полицейской операции. И ареста. Расскажи мне про Доротею.

Фарук замялся. Было видно, что он взвешивает все за и против. Но отступить уже было поздно.

– В последнее время она... слегка не в себе. Она всегда была импульсивной, но сейчас... как будто чердаком потекла. Она постоянно шастает по Изнанкам. Места себе не находит. Постоянно в истерике, орет на нас. Гора наркоты. Это, кстати, одна

из причин, по которой я тут с вами разоткровенничался. Вам бы никогда не сковырнуть Доротею на пике.

– А сейчас, получается, шанс есть, – Пшигода задумался. – Значит, ты Сачок хочешь?

– Что?

– Колочую фигну.

– Да.

– А как насчет белого шара? Помоги нам взять Доротею, помоги изнутри – и тебя ждет отличная полицейская карьера. Не нужно будет прятаться, никаких грим-брошей. Получать будешь неплохо.

Фарук глубоко задумался. Страх в нем боролся с жадностью.

«Он так же легко предаст и нас, – подумал Пшигода. – Kurva, я прямо в реальном времени сейчас создаю коррупцию в полиции. Уверен ли я, что этого хочу?»

– Что нужно сделать? – спросил Фарук, и Пшигода принял решение.

– Для начала нужно поучаствовать в составлении плана. А потом сбежать из тюрьмы.

СХV.

– Но почему?! – спросил Арк. Они с Юджином, по ощущениям, спорили уже несколько часов, с длительными перерывами на подышать. Если бы Арк мог, он бы уже давно охрип. – Как можно быть таким неблагодарным?

– С чего вдруг я неблагодарный? – вскинулся Юджин.

– Разве он тебе не помог? Не спас от смерти? Не научил выживать? Не подобрал на улице, как потерянного щенка?

– Уф-ф, – Юджин, похоже, тоже начал уставать. – Это всё так. Но...

– Вот видишь!

– Но! Мы не собаки, Арк. Даже не хундескопфы. Мы люди. Люди, понимаешь? Никакое Смещение это не изменило. Конечно, Нигош помог мне. Спас от смерти, допустим. И я ему благодарен. Я у него в долгу, до сих пор. Но это не значит, что я буду носить ему тапочки и газету. Благодарность не делает меня собакой.

– Ты не понимаешь! – Арк почти кричал, мысленно, конечно. Непонятно, почему, но эта тема крайне его будоражила, а до Юджина обсудить ее было не с кем. – У меня ничего не было. Хозяин дал мне всё.

– Не всё! В том-то и дело, Арк. Не всё. Прислушайся сам к себе. Ты зовешь кого-то Хозяином. Вы два взрослых человека...

– Он не человек, он сгусток мудрости, тьмы и мрака.

– Он человек, конечно. Просто выпендриваться любит, как и все эти колдуны. Он не такой могущественный и не такой умный, каким представляется, уж поверь, я-то знаю. Хитрый – да, коварный – да. Очень изобретательный. Но человек. Как я и ты.

– Я не... Ты просто не можешь понять.

– Я как раз понял. Вот скажи, Арк, ты сам скольким людям помог? Скольких людей спас от смерти?

Арк задумался. В его сознании промелькнули картинки с Александрплатц. Потом то, как они вчетвером боролись с мебельным драконом. Потом всё заполнило лицо Лу.

– Ну, нескольких, – растерянно сказал он.

– И сколько из них сейчас зовут тебя Хозяином?

– Ну... начальником...

– Не говори, что не видишь разницы. Нигош Черный действительно нам помог: Клаусу, тебе, мне. Спас нас от смерти и безумия. Дал каждому занятие, цель в жизни. Этого всего я не отрицаю. Но также он совершенно безмерно пользовался нами, как пешками, как ресурсами, в своих собственных корыстных целях. Как и все другие колдуны, повторяю. Он подавлял нашу самостоятельность, жертвовал нами ради ему одному известной цели, когда ему это было нужно. Ты знаешь, например, что до вас с Клаусом у него был еще один... питомец? Девушка по имени Клара. Она погибла в драке с миньонами Иммануила. И сразу после этого он подобрал тебя и начал обучать тому же самому. Ему было наплевать, Арк. А потом, когда я всё это обдумал как следует, когда решил с ним про это поговорить, когда попытался с ним спорить, он послал меня шпионить на Музейный остров. Думаешь, он не знал, что для меня это фактически самоубийство? А думаешь, я не знал?! Я знал – и всё равно пошел, потому что во мне были преданность, благодарность, чувство долга и вся эта чушь, которую ты мне тут выложил. Я думал, он мне поможет. Я думал, он меня спасет. И я бы тут умер, легко. Но всё-таки не умер. И у меня было время подумать еще.

– И что ты надумал?

– Нигош бросил меня, Арк. Как только я стал ему не нужным. Это было в чистом виде предательство. Мало того, я тебе сейчас неприятную вещь скажу. Он бросил и тебя тоже.

– Нет!

– А где он тогда, Арк? За последнее время ты несколько раз чуть не умер. Тебе грозили безумие и полное истощение. Он бросил тебя, и не сейчас, не когда ты попался Доротее, а уже давно. В тот самый момент, когда исчезла Башня, он использовал какой-то трюк, какой-то дешевый фокус и оставил тебя с твоей собачкой вдвоем отбиваться от толпы хундескопфов и миньонов. Как это еще назвать?

Юджин что-то еще возмущенно говорил, но Арк уже перестал его слушать. Что-то, долгое время не дававшее ему покоя, вдруг вылезло наружу. Он подумал о Нигоше, о его колдовстве, о себе, о том моменте, когда пропала Башня. О том, что сказала ему Доротея, и о том, что сейчас в сердцах выпалил ему Юджин. Обрывки информации, маленькие намеки наконец-то сложились в его голове в единый пазл.

Арк понял, где Нигош. Где Нигош прямо сейчас.

– Юджин, – перебил он поток сознания собеседника. – Нам нужно бежать отсюда.

– Это невозможно, – сказал Юджин, ничуть не смущенный сменой темы. – Я уже думал об этом. Даже если бы мы смогли распутать заклинание Доротеи телепатически, один расколдовать другого, ни у одного из нас не хватит сил на целого человека.

– У меня в кармане куртки две взрывахи, – медленно, осмысливая детали сказанного, произнес Арк.

СХVI.

Дитрих не подвел. Он нашел план музея Боде. Масштаб был не крупным, и всё довольно схематично, но Фаруку этого было достаточно. Он склонился над ветхим буклетом, который раздавали туристам, чтобы те не заблудились в одинаковых залах. Разобравшись в рисунке, Фарук ткнул пальцем в одну из комнат на первом этаже. Комната была маленькой и не имела окон.

– Вот тут. Охраны специальной нету.

– Отлично, – сказал Пшигода. – Отправляйся с Ульрихом, завтра он организует тебе побег.

Отпустить Фарука, для достоверности, решили в момент перегона от тюрьмы на Александрплатц. Пшигода прикинул, что это не будет казаться слишком подозрительным – в конце концов, наверняка Александр лично приказал поймать такого ценного ученика колдуньи. Или, по крайней мере, это не будет казаться притянутым за уши для параноидального сознания Лихтенхерцев. Во время транзита Фарук поймет, что побег возможен, убьет трех полицейских и убежит. Акхил с Торстеном и Шао сделали убедительные поддельные трупы. Фарука потеряют в Фолькспарке, он там затаится на пару часов. Он даже захватит трофеи – белые Вишну-камни, форму полицейского и взрывахи. Всё это он с триумфом доставит Доротее.

Пшигода же, со своей стороны, должен провернуть более деликатное дело. Пришла пора вскрывать карты. Он ждал, что Лу одобрит его план и обрадуется, но и немного надеялся, что ее политические амбиции всё-таки перевесят. Без нее же вся операция не имела смысла. Лу всё еще была самой большой доступной им силой, причем единственной, кто мог потягаться с Доротеей и пережить это. Очень этого не хотелось, но опять пришла очередь рисковать всем. И на этот раз всё казалось гораздо большим, чем когда-либо. Пшигода впервые в жизни испытывал неуверенность перед большой дракой. И причиной была Лу.

Он постучался к ней в кабинет, дождался ответа, вошел.

Лу сидела за большим заваленным бумагами столом и что-то писала.

– Чертовы бюрократы, – проворчала она, не поднимая головы. – Даже после апокалипсиса немцы не могут без документа.

– Нам нужен еще один, – заявил Ирджих.

Лу посмотрела на него.

– Арк?

Сердце Пшигоды болезненно сжалось. Проскользнула гадкая мыслишка пойти на попятную, всё отменить, всё вернуть обратно. «Слишком большой риск, – подумал он, – для нее... И для нас». Мысль прошла, и Пшигоде стало стыдно.

– Да, – сказал он. – Пора.

Щеки Лу порозовели, в глазах вспыхнула надежда.

– Наконец-то. Какой план?

– Мы штурмуем музей Боды. Нам нужно разрешение Совета, хотя бы большинства.

– Тут проблема. На нашей стороне только Скелет, Падишах, Куб, Сивилла и Ведьма.

– А Александр?

– С тех пор, как в последний раз подожгли телебашню, его никто не видел. Он вообще не выходит на связь.

– Kurva...

– Погоди. Нам всё равно нужно будет разрешение кого-то с Музейного острова. Иначе нам не дадут зайти на остров, уничтожат прямо на мосту. Виктор и Доротея отпадают...

– Клавдия?

– Знаешь, я попробую. Она... более нормальная из всех троих. Может быть, удастся ее убедить, что штурм оправдан. Какие у нас доказательства? И, что еще важнее, какие у нас шансы на успех?

– Мы перевербовали Фарука. Он оказывает нам полное содействие.

– Ух ты!

– Там не всё в порядке, у Доротеи. Крыса бежит с корабля.

– Это просто козырная крыса. Крыса пик.

Пшигода улыбнулся:

– Ты заходишь на мою территорию. Глупые шутки – это моя вотчина.

– Учусь у лучших. Мне кажется, у нас что-то есть. Когда мы шли против Иммануила, шансов было гораздо меньше. И теперь у нас есть армия.

– У нас есть ты. Думаешь, ты справишься с Доротеей?

– Не знаю. Она необычайно сильная колдунья, кроме того, она будет на своей территории. Нам нужен элемент неожиданности, тайное оружие. Как тогда, с Иммануилом. Это единственный шанс.

– Сачок работает. Она о нем пока не знает.

– Это прекрасно. Надо попробовать. За Арка.

– За Арка, – и Пшигода вышел из кабинета Лу, полный предчувствий и дурных мыслей.

СХVII.

Лу вздохнула и вступила на мост. Здание музея Пергамон, традиционно покрытое строительными лесами, казалось неприветливым, мрачным. С Лу, впрочем, ничего не случилось: она прошла по мосту, обогнула заколоченный главный вход и вошла в Пергамон через маленькую дверь с торца. Ее встретил невысокий хундескопф с головой спаниеля.

– Пожалуйста, госпожа Оспри. Леди Клавдия ждет.

Лу прошла по темным коридорам и вышла в большой зал, заставленный античными колоннами и постройками. Она когда-то была тут, до Смещения, друзья затащили ее посмотреть на древности. Ценности этих древностей и их просмотра понять она не могла. Сейчас же само понятие ценности перевернулось с ног на голову. Лу многое бы отдала, чтобы организовать такой зал где-нибудь в кирхе. Зал просто сочился колдовской энергией. Клавдия оказалась традиционалисткой – она не поменяла внешний вид древних каменюк, не сделала вообще никаких изменений в интерьере, только улучшила свет. И поставила сбоку удобный письменный стол с мягким креслом. «Слава богу, что не трон, – подумала Лу. – Слава богу, она не одна из этих».

Из-за стола навстречу ей вышла Клавдия Лихтенхерц. Внешне она отчетливо напоминала Доротею, хотя, конечно, была чуть ниже ростом, потяжелее и постарше. Длинные сидящие волосы были расчесаны, но распущены, из-за чего Клавдия неуловимо походила на Дамблдора из фильмов про Гарри Поттера, которые Лу смотрела в детстве.

– Лу Оспри, – сказала колдунья, – добро пожаловать. Я ждала этой встречи. Не возражаете, если я позову Отто и Франсуа?

«Это младший сын Клавдии и муж Доротеи, – смутно вспомнила Лу. – Оставшиеся, более слабые Лихтенхерцы. Зачем они ей, интересно? Она же и так может меня раздавить одним пальцем».

– Разумеется, не возражаю, – улыбнулась Лу.

Хундескопфы принесли еще несколько кресел, и в зал вошли два относительно молодых человека. Отто, сын Клавдии, не был похож внешне ни на нее, ни на Виктора: он был высокий блондин с длинными, до плеч, волосами. Франсуа – невысокий, чернявый, с мелкими кудряшками. Оба они не были сильными колдунами. Оба выглядели смущенными, как будто их застали врасплох за каким-то малоприличным занятием.

– Садитесь, дети, – сказала Клавдия. Сама она вернулась за письменный стол.

Пока все вежливо кивали друг другу и рассаживались, царило неловкое молчание.

– Госпожа Оспри навестила нас, – продолжила колдунья после небольшой паузы, – чтобы попросить нашего разрешения для проведения боевой операции на Музейном острове.

Лу поежилась. По крайней мере, по телепатическим способностям Клавдия, пожалуй, не уступала Виктору. Защититься от нее в ее же доме не представлялось возможным.

– Операции против нашей дочери, сестры и жены, Доротеи.

При этих словах Клавдии Отто нахмурился, а Франсуа ощутимо вздрогнул.

«Не всё в порядке в доме Лихтенхерцев», – подумала Лу прежде, чем смогла себя остановить.

Клавдия улыбнулась, но только губами. Глаза ее оставались спокойными и холодными.

– Я не была довольна тем, как разрешился вопрос с Вильгельмом, – сказала она. – У нас с Виктором... был ряд соглашений, но здесь, как мне показалось, он пересек черту. У всего есть последствия. Я дам вам возможность пройти на Музейный остров незамеченными для Доротеи и Виктора. Ему будет полезно убедиться в том, что он не всеведущ.

«За всем этим скрывается какая-то античная драма, – подумала Лу, – но дареному коню в зубы не смотрят. Лишь бы он не оказался троянским, как сказал бы Пшигода».

Лу видела фильм «Троя» и знала, о чём речь.

– Мне нужно быть уверенной, что это не ловушка, – сказала она. – Я не могу рисковать своими людьми.

– Дорогая, – произнесла Клавдия, – никаких гарантий нет и быть не может. Наши отношения будут строиться только на доверии. Это единственное человеческое свойство, которое Виктору недоступно.

Лу нахмурилась и промолчала.

Клавдия вздохнула.

– На данный момент у тебя есть шанс. Шанс всегда сопряжен с риском. Я не могу ничем подтвердить это в данный момент, но если вы в ближайшее время придете на остров, чтобы арестовать Доротею за ее темные делишки с Виктором или за то, что она любит превращать людей в камень, вы пройдете защиту беспрепятственно. Виктор об этом не узнает. Это и есть ваш шанс. Он существует потому, что в данный момент моя мотивация совпадает с вашей. Я очень хочу убрать Доротею из Совета Одиннадцати и посадить на ее место Отто. Это всё, что я могу тебе предложить на данный момент. Это станет неверным в первую секунду, как только ты встретишься с Виктором. Кроме того, это может стать неверным в любой другой момент, если изменится политическая обстановка. Поэтому вам нужно действовать быстро.

– Я подумаю, – Лу встала с кресла. – Спасибо за эту встречу.

За ее спиной невесть откуда возник хундескопф-спаниель, поклонился и повел ее к выходу.

– Лу! – крикнула Клавдия, когда та уже почти вышла из зала.

Лу остановилась.

– В политике ничего важного не происходит без доверия.
Лу кивнула и вышла.

СХVIII.

Тем же вечером Вишну-камень в кармане Фарука потеплел. Это был сигнал. Фарук дождался трех часов ночи, унял дрожь в коленях и пошел гулять по большому пустому зданию музея. На счастье, Доротеи нигде не было, и он мог выполнить свою часть плана беспрепятственно. Штурм музея основывался на уже проведенном однажды ограблении: два взрывных устройства, снаружи и внутри, запускались почти одновременно. Наружное ослабляло стену и сопутствующую колдовскую защиту, внутреннее ломало ее, позволяя штурмующим проникнуть внутрь. На этот раз минировать нужно было все три стороны треугольного здания, для устрашения и отвлечения внимания. Но для начала он должен был сделать еще кое-что, в плане не оговоренное.

У Фарука был большой опыт предательства, и он знал, что основополагающей частью этого древнего искусства являются отведение подозрений и поиск козла отпущения. На этот раз он с большим удовольствием назначил в козлы Армина. Он никогда не любил этого маленького верткого крысеныша, а особенно презирать его начал недавно, когда тот стал любимым учеником Доротеи. И, как подозревал Фарук, очередным любовником, на смену ему самому. А это означало, что пришла пора сваливать, потому что больше всего великая колдунья не любила, когда под ногами у нее путались напоминания о прошлом. А это означало, что его ждет отличная полицейская карьера.

Фарук улыбнулся, неслышно открывая дверь в комнату Армина. Он любил свою собственную холодную и резкую логику, неоспоримую, как лезвие ножа.

Наклонившись над посапывающим Армином, он одним резким движением перерезал ему горло. Фаруку всегда нравился этот момент, когда в предсмертном булькании соединяются страх, боль и искреннее удивление. Фарук вообще ценил искренность. Она была одним из его самых важных орудий.

Когда Армин затих, Фарук сжег ему голову зеленым огнем, чтобы скрыть перерезанное горло. Его новые работодатели наверняка будут в этом вопросе щепетильными. Лучше представить всё как результат честной колдовской дуэли. А еще лучше самому прийти и во всём признаться. Искренность – это очень ценно. Далее Фарук подложил Армину в шкаф несколько взрывов – на случай, если полицейские всё-таки облажаются и Доротея будет искать виновного. А потом пошел минировать здание, в котором прожил более четырех лет. Первая мина была установлена на южной стене, ближе всего к комнатке с живыми статуями. Фарук на секунду заглянул в эту комнатку и убедился, что Арк стоит на месте. Было бы, конечно, здорово первым освободить его, снять с него заклинание окаменения и таким образом приобрести верного друга среди начальства. Но Пшигода был

непреклонен: Фарук должен ждать их у дыры в северной стене. Спорить с Пшигодой не следовало: Пшигода заслужил уважение Фарука, когда без либеральных условностей бросил его в тюрьму на несколько дней. Это было неожиданно и круто: с таким начальником Фарук хотел поработать. До поры до времени, конечно.

Он заминировал восточную стену, обошел здание по длинным заставленным статуями коридорам, установил взрываху на северную стену. Отошел в соседнюю комнатку, достал Вишну-камень. Еще один сюрприз полиции. Великие колдуны при всей их мощи не смогли придумать такой простой фокус. Еще один признак того, что он делает правильный выбор. Работа в полиции пойдет ему на пользу. Свежий воздух, общение с людьми. И власть – над городом, а не над псарней. Он сжал Вишну-камень в ладони, и камень потеплел, а потом быстро остыл. Фарук стал ждать. Минут через пять камень потеплел еще раз. Это значит, что его сигнал принят и люди Пшигоды уже на позиции, спускаются на веревках к условленным точкам на стенах, устанавливают взрывчатку. Фарук досчитал до трехсот, и со всех сторон здания послышались взрывы. Фарук в ответ активировал свои взрывахи. Внешняя стена рядом с ним дрогнула и просела, образовалось отверстие, и через него в здание шустрой вереницей потекли полицейские. Они были в какой-то новой, красивой черной защите, с надписью **Polizei** на груди. Фаруку очень захотелось такую же.

Последним в проделанную дыру заскочил Пшигода, поманил Фарука в сторону.

– Отличная работа, – сказал он.

– Рад стараться, шеф, – искренне улыбнулся Фарук. – Буду счастлив работать под вашим руководством.

– Да, кстати, об этом. Я тебе кое-что принес.

Пшигода сунул левую руку в карман. Фарук уставился на нее в предвкушении чего-то нового и интересного, поэтому не сразу заметил револьвер, появившийся в правой руке чеха. Не говоря ни слова, Пшигода выстрелил Фаруку в лицо. Звук выстрела побился о толстые стены и слился с другими звуками этой ночи.

СХІХ.

Лу-оспри кругами летала над музеем Боде. Ее задачей было засечь появление Доротей и защитить своих людей. Даже ночью она явственно видела, как в стенах здания с громкими двойными хлопками открываются пробои, как в них на веревках залезают команды полицейских. Внутри сразу слышались крики, выстрелы. В окнах здания мелькали всполохи молний. На северной стороне последний из штурмующих, крупная фигура в темном балахоне, поднял голову, поискав взглядом Лу. Она хотела ему что-то сказать, послать успокоительную мысль, но он был очень далеко и вскоре исчез внутри. Лу почувствовала, буквально физически ощутила, как собакоголовые защитники музея яростно оказывают сопротивление. Молнии и пули останавливались защитой Вишну-камней, которые были связаны с кирхой, а

та, в свою очередь, неразрывно связана с Лу. Два белых шара подряд – один, потом второй – не справились с защитой, треснули под напором вражеских заклинаний. Лу крикнула, не по-человечески, по-птичьи, горько, громко, скорбя по погибшим, изо всех сил желая помочь. Но рано. Нужно ждать.

Лу охотилась, а охота требует терпения.

Наконец на южной стороне здания открылся портал, и в музее появилось нечто гораздо опаснее обычного хундескопфа. Лу спикировала, плавно влетела в отверстие в стене, серокрылой молнией пронеслась по коридору, очутилась в небольшом зале и успела отбить первое пущенное хозяйкой заклинание. Сама Доротея – растрепанная, взвинченная, окруженная толстой коркой колдовской защиты – заметила Лу и пустила в нее вторую молнию, переливающуюся ядовито-зеленым. Взмахом руки Доротея отшвырнула к стене зала полдюжины полицейских во главе с Пилар, которая пыталась набросить на нее Сачок. Лу сделала вираж под потолком, и пущенный в нее заряд оплавил и разъял верхнюю часть стены. Всё здание музея содрогнулось от страшного грохота. Пилар стала срочно уводить людей, а Лу хаотично заметалась под потолком, отвлекая внимание разъяренной колдуньи.

– Что вы себе вообразили?! – орала та, выпуская один заряд за другим. – Я член Совета!

– Доротея Лихтенхерц! – крикнула Пилар из-за прикрытия дверного проема. – Прекратите сопротивление! У нас есть разрешение Совета на ваш арест!

Это раззадорило Доротею еще больше, но на лице ее на секунду отразились изумление и паника. Она швырнула в Пилар боевым заклинанием колоссальной мощи, которое распылило дверной косяк, расширило проем вдвое и пустило сеть трещин по соседним стенам. Пилар, которая после своего объявления благоразумно отбежала подальше, опрокинуло взрывной волной и протащило по полу. Лу сделала еще один впечатляющий разворот в воздухе и когтистой птичьей лапой швырнула свое заклинание в Доротею. Это был вариант стандартного заклинания-тазера, но хитрый, перекрученный, умеющий впитываться в колдовские защиты, как вода в песок. Доротея скинула его движением оголенных плеч, метнула зеленую молнию в ответ. Лу опять увернулась – всё-таки рефлекс хищной птицы во много раз превышали человеческие, – и заряд пробил еще одну ощутимую дыру в потолке. Лу поняла, что сейчас произойдет, на миллисекунду раньше, чем Доротея. Юркнула в образовавшееся отверстие, взлетела как можно выше и успела увидеть, как потолок первого этажа заканчивает свое падение, разбрызгивая камень, поднимая облака мутной, душной пыли. Доротея оказалась погребена под тоннами гранита и мрамора. Следом рухнули несколько прилегающих стен – и Лу с болью почувствовала смерть еще одного полицейского. Остальные вовремя отбежали.

Лу уселась на край обвалившегося потолка и превратилась в человека. Отряд во главе с Пилар осторожно подбирался к груде камней. В развалинах виднелись обломки статуй, куски паркетной плитки, какая-то старинная мебель. Сверху ярким пятном торчал фиолетовый край шарфа Доротей. Всё это напоминало руины империи.

«Надеюсь, Арк в соседней комнате не пострадал, – подумала Лу. – Вроде бы трещины в потолке дотуда не дошли».

И вдруг груда камней разлетелась во все стороны, калеча и раскидывая ближайших полицейских.

СХХ.

Пшигода и его отряд ворвались в комнату сплоченным кулаком, отбивая куски гранита. До сих пор всё шло по плану: они пробились через защиту хундескопфов без потерь и слились с отрядом Ульриха с востока здания. Доротей предстала перед ними во всей своей злой мощи.

«Она всё-таки в чём-то прекрасна», – подумал Пшигода, глядя, как из пыли и каменной крошки медленно поднимается фигура, пылающая от колдовской силы, зависает посередине комнаты, готовясь, накапливая мощь для ответного удара. Одежда на Доротее превратилась в живописные лохмотья, макияж смешался с пылью, образуя серое месиво вместо лица, из которого сапфирами пылали глаза. «Даже в этой ситуации она привлекательна», – признал Пшигода и метнул Сачок. Ульрих кинул свой сразу за ним.

Попали оба. Две серые мелкозернистые вуали накрыли лицо Доротей в тот самый момент, когда она была готова исторгнуть из себя какое-то ужасающее заклинание. Хозяйка музея Бодэ на миг застыла, а потом закричала, страшно, больно, невероятно громко, выпуская через крик накопленные силы. У стоящих к ней ближе всего разорвало барабанные перепонки. Кто-то повалился на пол. Доротей орала, словно ее разъедало изнутри.

Лу ловко прыгнула со второго этажа, без труда приземлилась почти в самом эпицентре крика и со всех ног побежала мимо всей мизансцены в соседнюю комнату – туда, где, согласно донесениям Фарука, должен был стоять Арк. Вспомнив Фарука, Пшигода почувствовал укол совести, но тут же затолкал его обратно, поглубже в сознание. Потому что кричать Доротей перестала.

Пшигону подвело чутье. Он с облегчением решил, что колдунья просто вырубилась от боли, и сделал два осторожных шага по направлению к ней. Мелькнула вспышка, и что-то хлестнуло его по лицу. Это оказалась невзрачная серая тряпка. Кусок Сачка. А потом он встретился глазами с Доротеей.

Вся ее былая привлекательность испарилась. Кровь текла из ушей, глаз, носа, рта, смешивалась с пылью, покрывала лицо гротескной бурой маской. Пшигода выстрелил прямо в это лицо – один раз, два, три. Третий выстрел прошел мимо

колдуньи, потому что непреодолимая сила швырнула его в дальнюю стену. Он отчетливо услышал хруст собственных ломающихся костей. Потом пришла боль. Пшигода осел на пол. Его дыхание стало хриплым и прерывистым.

Доротея повернулась, искала глазами Лу.

– Нет! – крикнула она и снесла стену, за которую убежала та. Две статуи из четырех, стоящих по углам маленькой комнаты, разлетелись вдребезги. Рядом с двумя другими стояла Лу и, быстро перебирая пальцами, пыталась развеять сложное трансформационное заклинание, превращающее плоть, одежду и вообще любую материю в камень.

– Лу! – просипел Пшигода из последних сил и потерял сознание.

СХХІ.

Лу услышала Пшигodu и прервалась вовремя, чтобы увидеть опасность. Она махнула рукой, и зеленая молния прошла сквозь нее, чуть оплавив статую неизвестного человека слева.

– Лу, – услышала, а точнее – телепатически почувствовала она слова Арка. – Тебе нужно поменяться с ней местами.

Ни тени сомнения. Абсолютное доверие партнеру. Как раньше. Лу прыгнула, в воздухе превратилась в скопу и впиалась когтями в лицо Доротеи. Защита той была настроена в основном против пуль, молний и боевых заклинаний, а не против трехкилограммового комка когтей и перьев. Колдунья замахала руками, с ее тонких окровавленных пальцев стали срываться разноцветные искры. Лу облетела вокруг ее головы и продолжила атаку, заставляя Доротею отступить на свое прежнее место, между двух уцелевших статуй. Быстрее, пока колдунья не спохватилась, пока не прошел шок. Птица страшно, хищно кричала. Лу царапала, кусала, вырывала у Доротеи клочки волос. В глазах колдуньи под страшной засохшей кровяной коркой появился ужас. Она отступила на шаг, другой...

– Назад! – грохнула в голове Лу мысленная команда Арка.

Она отлетела, превратилась в человека и еще раз направила на дезориентированную Доротею замораживающее заклинание. К ней присоединились Пилар, Ульрих и дюжина оставшихся на ногах полицейских. Белые полосы лучей сливались в мерцающий пучок. Доротея немного пришла в себя, снова сфокусировалась на своей защите, не позволяя этому командному залпу взять верх, проникнуть под ее кожу, холодной свежей струей пробежаться по ее венам, остудить и заморозить боль и усталость... Она стряхивала с себя заклинание, но поток не утихал. Ее движения становились всё менее резкими. Лу видела, как колдунья слабеет, как дрожат ее веки. «Еще немного, – думала Лу, – еще совсем чуть-чуть. Мы уже почти там».

Но Доротея оказалась слишком сильна. Она воспряла, подняла руки и мощной телекинетической волной разбросала нападающих в стороны. На ногах устояли

только Лу и Пилар. Доротея победно вскинула голову. Лу моментально стала возводить собственные многослойные защиты, понимая, что сейчас они с Пилар находятся в самом эпицентре силы колдуньи, что даже если она, Лу, увернется от следующего удара, неизбежно пострадают ее люди. Но и защиты может не хватить. Ничего может не хватить.

Краем глаза Лу заметила, как к левой ноге хозяйки музея Боду подкатился, словно сам по себе, круглый камень, ткнулся в ее ногу, как верная собачонка, и застыл.

– Ложись! – мысленно заорал Арк.

СХХII.

На протяжении всей битвы, о которой они поначалу только догадывались и только в самом конце могли наблюдать ее воочию, Арк и Юджин занимались лишь одним делом. Они последовательно и кропотливо расколдовывали карман Арка, в котором лежали взрывахи. Арку приходило в голову дурацкое сравнение с игровым автоматом, которые раньше стояли во всех торговых центрах. Управляя при помощи джойстика неуклюжим, непослушным манипулятором, требовалось поднять из груды мягких игрушек одну, пронести ее, не роняя, на некоторое расстояние за определенное время, а потом выпустить точно над отверстием. Сейчас они занимались примерно тем же, разве что задача Арка и Юджина была сложнее – как если бы манипулятор активно сопротивлялся управлению, а джойстик можно было двигать, только находясь в другом конце комнаты. Тем не менее действие заклинания потихоньку, нехотя ослабевало. «Я не камень, – мысленно твердил Арк, – и мой карман не камень». Сначала карман вместе с его содержимым поменял цвет с бетонно-серого на болотно-зеленый. Потом его текстура всё меньше стала напоминать камень и всё больше – брезентообразную ткань. Внутри кармана прошел воздух, взрывахи отклеились друг от друга и превратились в два отдельных объекта.

На этом мучения Арка и Юджина не закончились. Оказалось, что левитировать предметы силой мысли, если ты статуя и никогда прежде такое не делал, очень тяжело. Поначалу Арк с Юджином пытались поднять одну из взрывахов, вытянуть ее из кармана и перенести в зону боевых действий. От этой идеи пришлось отказаться, потому что взрываха зависала где-то посередине кармана и дальше двигаться не желала, несмотря на весь пролитый мраморный пот. К этому моменту в комнату вбежала Лу и принялась распутывать заклинание на Арке. Но не успела – Доротея вбежала сюда вслед за ней.

– Расплетай нитки на заплатке, – сказал Арк Юджину.

Его куртка была уже много раз порвана и залатана, и карман с взрывахами украшала крупная заплатка. Юджин моментально стал дергать за нитки. Арк сказал Лу, чтобы она поменялась с Доротеей местами, и присоединился к Юджину, благодаря всех богов за дрянные самопальные стежки.

Заплата отлетела от кармана как раз в тот момент, когда Лу достигла своей цели и заставила Доротею отступить в пространство между двумя статуями.

– Назад! – телепатически скомандовал Арк Лу, и они с Юджином совместными усилиями вытолкали взрываху из кармана. Она с тихим стуком упала на землю и покатилась. Арк силой мысли затормозил ее, и они вдвоем стали подкатывать ее ближе к застывшей в напряженной битве колдунье. Осложнялось это тем, что никто из них не видел пола. «Бильярд вслепую» всё-таки завершился успешно, и Арк мысленно крикнул:

– Ложись!

– Стой! – мысленно сказал Юджин. – Это довольно крупная взрываха.

– И что?

– Живой мрамор – весьма ломкий. Мы, скорее всего, не выживем. Прощай, Арк.

Арк на секунду представил себе комнату. Доротею на пике накопленной энергии. Бомбу у ее ноги. Лу, Пшигоду, Пилар, пришедших его спасти.

– Прощай, Юджин.

И грянул взрыв.

Доротею, копившую силы для финального удара и не ожидающую атаки снизу, резко подкинуло в воздух. Ее защита остановила огонь, но не взрывную волну. Она ударилась о потолок и изломанной гротескной куклой упала на пол. Ее смертельные заклинания рассосались. Хозяйка музея Бодэ лежала без сознания. Полицейские по большей части уже лежали на полу, и взрыв их почти не задел. Кроме того, они находились довольно далеко. Пилар и Лу также уцелели благодаря защите и расстоянию, хотя их одежда и задымилась, а в волосах запутались тлеющие угольки.

Арка спасла Лу. В последний момент она перекинула немалую часть защиты на него, экранируя и от взрыва, и от ударной волны. Арк лишь покачнулся, упал на лицо, впервые за много месяцев увидев черно-белую плитку, и остался лежать в нелепой позе, как и полагается статуе.

Пока Пилар и все остальные пеленали Доротею сковывающими и парализующими заклинаниями, Лу всё-таки оживила Арка. Он поднялся, чувствуя необычайную свежесть и живость в мышцах, словно не простоял столбом всё это время. Обернувшись, он увидел, что Юджин разлетелся на куски.

СХХIII.

Арк наклонился, чтобы рассмотреть обломки друга. Голова Юджина откатилась далеко в сторону. Арк нашел ее, поднял, заглянул в мраморные глаза.

– Положи на место, – сказал Юджин. – Мне нехорошо.

Арк обернулся, но никто, кроме него, этого не заметил. Юджин, как и раньше, общался телепатически.

– Арк, – обратилась к другу Лу. Она выглядела усталой и озабоченной. – Пшигода... Ему... совсем плохо. Я отвезу его и других раненых к Оксане. Пилар и еще пара человек должны доставить Доротею в тюрьму, а Ульрих и десяток полицейских останутся здесь, для охраны... Как ты себя чувствуешь? Может, в госпиталь?

«Полицейские? В тюрьму?» – удивленно подумал Арк, но времени на вопросы не было.

– Я в порядке, Лу, правда. Это неожиданно, но я на самом деле нормально себя чувствую. Мы с Юджином... – Арк кивнул на мраморную голову у себя в руках, – отлично доберемся до кирхи своим ходом. Со мной уже ничего не случится.

– Спасибо, – Лу выглядела виноватой.

– Тебе спасибо, – Арк улыбнулся. – Вы меня спасли.

– Завтра поговорим, Арк, – Лу положила руку ему на плечо. – Иди, отдыхай. А пока возьми вот это, чтобы тебя пустили в кирху без проблем.

Она протянула ему гладкий белый шар. Он был чуть теплым на ощупь, и когда Арк взял его в руки, то ощутил какое-то знакомое, давно ушедшее чувство. Спустя несколько мгновений он понял: это была связь с кирхой, с потерянным домом.

Арк кивнул, сунул шар в карман и пошел к выходу.

Пшигода лежал без сознания, рядом с ним хлопотали люди в темной одежде под присмотром Пилар.

«Полицейские, надо же!.. – подумал Арк. – Это сколько же времени прошло с нашего маленького стартапа?» Арк обнял Пилар, кинул взгляд на спеленутую десятком сдерживающих заклинаний Доротею и впервые за полгода покинул музей Бодэ. В лицо ему непривычно ударил ветер. Стояла глубокая тихая ночь. Шпрее под мостом еле слышно колыхалась.

– Теперь куда? Отдыхать? – спросил Юджин.

– Я уже наотдыхался, – сказал Арк. – Мне нужно кое с кем поговорить.

До кирхи они добрались мирно; правда, Арк по непонятной для себя причине сделал крюк и обошел Александрплатц стороной. Некогда его любимое место в городе показалось ему пугающим, особенно сейчас, во мраке ночи, навевающим тяжелые воспоминания, пахнувшим смертью и чем-то хуже.

На подходе к кирхе Арк обратил внимание на небольшой сквер, всего в пару деревьев, уютно притаившийся прямо у ее правой стены. Пройдя пару шагов внутрь, он увидел там несколько могил. «Здесь захоронены погибшие полицейские», – понял он. На одном из надгробий внезапно прочитал: «Аркадий Колесничий. Раньше, чем первые». Арк пока не осознал, что думает по этому поводу, и решил отложить этот вопрос на потом.

Белый шар обеспечил ему беспрепятственный проход в кирху. Поднявшись наверх, он с удивлением обнаружил, что его кабинет оказался не тронут. Поставив голову Юджина на стол, Арк огляделся. Полки слегка запылились, подоконник засижен мухами, и в целом комната больше была похожа на музей, чем на что-нибудь еще.

Но это была единственная его ниточка в прошлое, и он уцепился за нее изо всех сил.

По коридору раздался цокот коготков, и в кабинет вбежал Карман. Кинувшись к хозяину, песик стал вилять хвостом и лизать ему руки. На глаза Арка навернулись слезы, пока он гладил собаку. Он очень соскучился, но было и что-то еще. Чуть хриплым голосом Арк произнес:

– Здравствуй, Нигош.

Глава 10. Черная Башня

СХХIV.

Арк встал и начал ходить по комнате. Карман вопросительно наклонил голову, наблюдая за хозяином.

– Я знаю, что это ты. Точнее, что ты там, в Пасти. Где же еще мог прятаться великий трикстер Нигош Черный? Где еще Виктор не смог бы тебя найти? Выходи, нам нужно поговорить.

Песик отвернулся и лег, свернувшись калачиком.

– Еще я знаю, что ты можешь управлять собакой оттуда, изнутри. Так что не притворяйся. Выходи.

Ноль внимания.

Арк не вытерпел.

– Я рисковал собой! Друзьями! Чтобы тебя найти! А ты всё это время был здесь? Я...

На улице раздались шум и крики. Здание моментально проснулось, послышался топот ног. Арк прислушался.

– Это за мной. Это Виктор, должно быть, услышал о штурме музея Бодэ. И теперь пришел по мою душу.

Он снова посмотрел на собаку, которая, казалось, не слышала происходящего снаружи.

– Я не дам ему разрушить всё... всё это. Нигош, слышишь? У меня наконец-то появилась карта в рукаве. Юджин прав. Я сдам тебя Виктору, с потрохами. Но, поскольку люблю свою собаку, я дам тебе время убежать. И перепрятаться. Забиться в самую дальнюю нору. А потом... я не хочу тебя больше видеть.

Арк проверил карманы. В одном из них всё так же лежал револьвер. Он был заряжен. Пришло время со всем разобраться. Арк спустился по лестнице, прошел мимо суетящихся полицейских, вышел на крыльцо. И обомлел.

На улице, прямо перед кирхой, во мраке ночи стояла гигантская антропоморфная фигура. Высотой она почти доставала до белого шара на шпиле бывшей церкви. Фигура была черной, почти сливалась с ночным воздухом и угрожающе нависала над кучкой людей, суетливо выстраивающих защиту.

У фигуры была собачья голова.

Больше всего это напомнило Арку Анубиса, египетского бога смерти. Возможно, идею Виктор почерпнул в одном из музеев на острове. Фигура была устрашающей, но не только внешне. Она была наполнена колдовской силой. Казалось, одним ударом она может расколоть кирху на части.

Арк вышел вперед и остановился у антрацитового ступни фигуры. Револьвер он сжимал в левой руке. Оружие казалось игрушкой по сравнению с мощью перед ним.

– Виктор, – сказал он. – Я знаю, что это ты. Если ты не уйдешь немедленно, если ты нападешь на полицейское управление, Совет оторвет тебе голову. И собачью, и человечью.

– Аркадий, – голос чудовища был мягок и бархатен, но в нем слышались отзвуки грозы. Слышались в нем также интонации Виктора. – Вы со своими друзьями переступили черту. Я вынужден вас уничтожить. И эту суку птицу, и жирного увальня, всех. Всех до одного. Берлину следует помнить, кто его настоящий хозяин. «Где Александр? – думал Арк. – Где все эти великие колдуны? Почему их нет именно сейчас?» Краем глаза он заметил, как за спиной чудовища, на другой стороне трамвайных путей, появилась Пилар с компанией полицейских. Нужно было торопиться.

– Тебе не нужны все эти люди, – сказал он. – Тебе нужен я. Только я представляю угрозу.

– Ты не уйдешь. Никто не уйдет.

– Если ты сейчас просто отступишь, я скажу тебе, где Нигош.

Воцарилась пауза. Пилар с ее людьми на другой стороне готовили какое-то заклинание.

– Ты врешь, – сказал Виктор. Но его голос уже не звучал так уверенно. Судя по всему, он не мог читать мысли через гигантского Анубиса.

– Не вру. Я узнал об этом совсем недавно. И если ты оставишь всех в живых, я скажу тебе. Они мне важнее, чем Нигош.

– Я убью всех и вытяну это из тебя!

Ответом ему был щелчок револьвера. Дуло Арк со всей силы прижимал к своему виску.

– Только я об этом знаю, Виктор. Я не успел никому рассказать. Если я сейчас выстрелю, ты никогда не найдешь Нигоша.

Повисла пауза. Пилар на другой стороне улицы была готова к атаке.

– Раз! – сказал Арк. Костяшки его пальцев на рукояти пистолета побелели. – Два! Черная фигура стала как будто ниже ростом. Анубис наклонился ближе к земле и протянул Арку гигантскую ладонь. Она была размером с небольшой автомобиль.

– Мне нужен только ты, – сказал Виктор. – Брось пистолет – и пойдём. Я не трону остальных.

«Надеюсь, Нигошу хватит времени, чтобы убежать, – подумал Арк. – Надеюсь, я смогу потом найти Кармана». А потом он подумал, что никакого «потом» уже и не будет.

Арк отшвырнул револьвер в сторону и залез в ладонь монстра.

СХХV.

Несмотря на всё случившееся с ним за последнее время, полет над ночным Берлином в лапе гигантского Анубиса был для Арка, наверное, самым

запоминающимся. Арк готовился умереть – у него не было иллюзий относительно намерений Виктора. Но всё-таки вид открывался потрясающий.

С высоты Арк видел телебашню – темную, потерянно торчащую посреди затихшей площади, озаренное маревом люминесцентных насекомых дерево Танненбаума, мягко светящееся русло Шпрее, пути Поезда. По огням можно было различить Цоо. Вдалеке виднелся дворец Падишаха – там никогда не прекращался праздник. С другой стороны были заметны окна Фридрихсхайна и Осткройца, чуть сбоку мерцал огоньками Кройцберг. Остальной Берлин почти не подсвечивался, лежал внизу черным плотным покрывалом. Чем-то он напоминал Черную Башню Нигоша, точнее, она напоминала его: опасная, хищная, сотканная из тьмы. «Плоть от плоти города, – понял Арк. – Без нее Берлин не полон».

Анубис ступал плавно, Арка почти не трясло в его гигантской ладони. Сама лапа оказалась мягкой на ощупь, покрытой легким пушком. Если бы не обстоятельства, Арк мог бы сказать, что поездка весьма комфортна.

Наконец Музейный остров стал ближе, и можно было рассмотреть его во всех деталях. В предрассветной темноте Берлинский Дом – главный кафедральный собор города, с огромным, покрытым благородной зеленой патиной куполом на мощном основании – казался почти черным. Внутри не горело ни огонька. Вообще, Музейный остров был тих и темен, как будто на нем полтора часа назад не произошло задержание великой колдуньи, члена Совета, силами двух десятков организованных, тренированных, но всё-таки обычных людей.

«Боятся, суки, – чуть самодовольно подумал Арк. – С сегодняшнего дня все они, абсолютно все будут нас бояться». А потом вспомнил, где находится, и передумал. Начиная с Александрплатца, нет, с того самого, первого визита Доротей он постоянно участвовал в чём-то неизменно большем, чем он сам. Врезался в айсберги, не видя подводной части. Он потерял возможность планировать каждый свой шаг и каждый шаг противника и из-за этого проигрывал из раза в раз. В лучшем случае выкарабкивался вничью. «Всё-таки, видимо, Иммануил был моим потолком, – думал Арк, пока гигантская фигура Анубиса подходила к Берлинскому Дому. – А я решил до Виктора допрыгнуть. Вот и сейчас: револьвер я выбросил, аргументов у меня больше нет. Он выдоит меня досуха, убьет, а потом вернется и убьет всех остальных. И ничто и никто ему не помешают».

Арку стало страшно.

Ладонь Анубиса, в которой он был зажат, неожиданно стала сжиматься, и, оглядевшись, Арк понял, что монстр просто уменьшается в размерах, сдувается, как inferнальный воздушный шарик. Арк расправил руки, лапа разжалась, и он мягко скользнул на землю прямо перед входом в собор. Двери вышиной в три человеческих роста были приоткрыты. Выбора больше не было. Ничего больше не было. Трюки кончились.

СХХVI.

Пшигода открыл глаза. Всё тело горело. Правая рука не двигалась. Он был в госпитале. Тускло горели ночники. Рядом с его кроватью на табуретке сидела Лу. Она заметила, что Ирджих проснулся, робко улыбнулась, как когда-то давно, когда она еще не была начальником полиции, когда она, маленькая девчонка, еще побаивалась его, здорового бугая. Пшигода почти физически ощутил, как ее любит.

– Мы победили? – спросил он.

– Да. Арк жив, он в безопасности. Доротея арестована.

– Потрясающе, – усмехнулся Ирджих.

Он попытался встать, обнять Лу, но конечности плохо его слушались. Волна боли перекрыла волну любви.

– Лежи, лежи, что ты! Тебя сильно приложило.

– Что-то сломано?

– Почти всё.

Пшигода улыбнулся сквозь боль.

– Что говорит Оксана?

– Тебя ждут несколько неприятных месяцев. Потом выкарабкаешься.

– Какие потери?

– Шестеро погибших. Еще девять человек ранены, но мало кто пострадал сильнее тебя. Ты получил от Доротеи прямой удар, остальных задело по касательной.

– Ты как? Пилар? Арк?

– Мы в порядке. Арк отдыхает в кирхе, Пилар охраняет Доротею. Она подозревает, что первая ночь будет самой тяжелой. Главное – сломать дух этой колдуньи. Если верить Фаруку, это должно быть не очень сложно. Кстати, Фарук – один из шести погибших. Пуля в лицо, представляешь? Не успел защиту поставить, наверное, не привык к Вишну-шару.

«Фарук...» В памяти Пшигоды всплыло его лицо, самодовольное, веселое. Было видно, как он наслаждается совершаемым предательством. Предвкушение, когда Пшигода полез в карман. Изумление за мгновение до выстрела. Пшигода не планировал его убивать. Это произошло на уровне инстинкта, как, не задумываясь, со всей силы хлопаешь себя по щеке, на которой сидит комар. Пшигода сделал это, чтобы не допустить эту гниль в организацию, которую они создали. Которую создала Лу. Но, таким образом, он сам стал этой гнилью. Пшигода убивал и раньше, много раз, но никогда так хладнокровно, исподтишка. «Я дерусь, потому что дерусь», – вспомнил он свою любимую цитату. Что же, это уже не совсем так.

– Всё в порядке? – спросила Лу. – Ты надолго замолчал.

– Да, просто задумался. Всё хорошо, – улыбнулся Пшигода.

Надо сказать Лу. Но говорить нельзя. Кто-то должен остаться чистым, а кто-то – принять всю гниль на себя. Так будет лучше для всех, кроме него. Принять, проглотить ее своим большим телом, растворить в желудочном соке, запить пивом

или чем-то покрепче. Нет, Лу не должна знать о Фаруке. Это его решение и его проблема.

– Я люблю тебя, Лу, – сказал Ирджих.

– И я тебя люблю, – она погладила его по вспотевшему лбу. – Всё будет хорошо. В комнату, задыхаясь, вбежала Пилар.

СХХVII.

Многим в Берлине спалось беспокойно в ту ночь. Может быть, конечно, дело было в гигантском псоглавом фантоме, который прошагал по улицам прямо перед рассветом. Может, причина в переделе власти, который произошел на Музейном острове. А может, корни лежат еще глубже – впервые великая колдунья, практически божество в своем доме, была побеждена командой обученных, целеустремленных, но всё-таки людей. Но кто знает, отчего боги плохо спят?

Скелет из Моабита и Куб из Гезундбруннена даже не ложились. Они находились в Башне Куба – приземистом, массивном бетонном комплексе, когда-то бывшем элементом противовоздушной обороны. Время они проводили за игрой в шашки, как самой простой из игр. Оба были сторонниками философии симплицизма, то есть упрощения, но каждый понимал ее по-разному и подходил к ней с другой стороны: один отказался от плоти, второй – от формы. Куб висел в воздухе где-то в метре от пола и тревожно мерцал нежно-розовым, ловя эманации Изнанок. Скелет курил сигару, и вдыхаемый дым проходил сквозь него, выходя непослушными клубами из грудной клетки и из-за позвоночника, окутывая колдуна мягким облаком. Они провели за одной партией уже много часов. На доске по-прежнему стояли всего две шашки – черная и белая.

Чуть западнее, в Шарлоттенбурге, в своем роскошном дворце Падишах ворочался и не мог заснуть. Сам этот факт его волновал – значительную часть своей колдовской мощи он черпал именно из сновидений, своих и своих подданных. В эту ночь сны были дрянные, рваные, обугленные. Падишах открыл глаза, выругался по-шумерски. Крякнул, перевернулся на другой бок на своей королевской кровати с бархатным балдахинном. Сотворил себе бокал Шато Лафит, галету с фуа-гра, нубийскую наложницу. Не удовлетворился ничем.

Этвас Андерес лежал недвижно, уставившись своими оранжевыми глазами в потолок. Во Дворце Стонов, его обители, возведенной на месте большого городского парка, никогда не гаснул свет и не стихали звуки, но никогда раньше это не мешало ему спать. Он первым из великих колдунов узнавал все новости Берлина. Так было и сейчас: он уже знал о произошедшем на Музейном острове и даже догадывался об ответе Виктора. Изменение статус-кво ему не нравилось. Ночь пахла войной. Этвас почувствовал, как его глаза наполняются слезами, не стал сдерживаться и разрыдался – искренне, глубоко, как умеют только дети. Потом встал с кровати, сделанной из бесформенного куска живой, чувствующей плоти,

подошел к большому платяному шкафу, занимавшему полкомнаты. Известным ему одному заклинанием распахнул створки. В шкафу, насаженные на аккуратные крюки, висели тела детей, в основном в возрасте от девяти до тринадцати лет. Тело, которое он носил сейчас, мягко свалилось на пол, и один из висевших на крюках мальчиков открыл свои ярко-оранжевые, без радужек и зрачков, глаза.

В центре города Танненбаум беспокойно шевелил ветвями, из-за чего колыхалась вся Роща, и казалось, что дует ветер, хотя на самом деле никакого ветра не было. Колдун-дерево чувствовал опасность всем телом, впитывал ее корнями из пережившей бессчетное количество опасностей земли. Что-то случилось этой ночью, и что-то еще случится. Танненбаум вспоминал битвы между великими колдунами, борьбу за власть, раздел территорий, основание Совета, пресекшего эти внутренние склоки. Деревья никогда не хотели войны. Долгое время Танненбаум думал, что Виктор Лихтенхерц разделяет эти ценности. Теперь к чувству опасности примешивалось сомнение. Война, кровь, массовые убийства всегда плохи для деревьев. Им, чтобы расти, нужен углекислый газ. Пока что люди были его надежным источником.

На юге, в Вильмерсдорфе, рыжеволосая Ведьма высунулась из бассейна, в котором пыталась уснуть. Прислушалась к Луне, вздохнула. Откинулась назад, отпустила бортик и поплыла на спине, распутив, раскидав свои роскошные волосы, давая им как можно больше пропитаться водой. Вода вошла в нее, просочилась внутрь. Ведьма сама стала превращаться в воду. Сначала из нее вытек весь цвет, растворился, исчез в глубине бассейна. Затем пальцы ее стали тоньше и тоньше, начали таять, как сосульки. То же самое происходило с ногами, всем телом. Ведьма из Вильмерсдорфа некоторое время побыла просто лицом, беспечно лежащим на холодной прозрачной воде, но потом растворилось и оно. Только пучки рыжих волос, как диковинная ряска, остались плавать на поверхности. Сивилла из Кёпеника проснулась в своей пещере. Первым делом проверила отпрысков – все были в порядке, все до одного. Женщина-ящер лениво потянулась, устроилась поудобнее и снова погрузилась в приятную дрему. События в центре Берлина мало ее волновали. Вместе с ней в теплой влажной пещере спокойно спали тысячи и тысячи отложенных яиц.

Из Лихтенхерцев в ту ночь не спал никто. Клавдия, Отто и Франсуа внимательно следили за штурмом музея Боде, собравшись вместе в скрытом наблюдательном пункте на крыше Пергамона. Отто вел подробные записи. Несколько раз Клавдия чувствовала страшную боль Доротеи и каждый раз презрительно морщилась. Потом, когда шум в музее Боде стих, мужчины отправились к себе, а Клавдия осталась сидеть наверху, как старая ворона, ожидая возвращения Виктора. Музейный остров маленький, и выплеск эмоций долетел до нее, захлестнул, как сильный прибой. Она мстительно расхохоталась, посмотрела на рождение темного собакоголового фантома, докурила сигарету и пошла спать.

Шпрее неспешно колыхалась всю ночь, улавливая малейшие изменения в атмосфере города.

Александр смотрел на происходящее через свой кристальный шар. Он не покидал телебашню уже много месяцев и пользовался исключительно колдовскими способами, чтобы следить за миром вокруг. Несмотря на расхожие слухи, он не был всеведущ, он просто знал очень, очень многое, а для всего остального он вырастил этот шар из единой песчинки оксида цинка с вкраплениями алюминия. При помощи шара он мог наблюдать за многими происходящими в городе событиями, если, конечно, хотел, потому что чаще всего его взгляд был обращен в другие места. Но не в эту ночь. Александр чувствовал ее важность, чувствовал, как в эту ночь Вселенная кидает и кидает игральные кости, как вероятности схлопываются, открывая одно будущее и навсегда закрывая другое. Будущее Берлина, будущее Арка, даже будущее его самого. Это стоило того, чтобы отвлечься от исследований.

СХХVIII.

Арк подавил боль в горле и вошел в Кафедральный собор Берлина. Тяжелые створки дверей захлопнулись за ним. Внутри было довольно светло, и Арк легко сумел рассмотреть интерьер. Никаких черных пентаграмм, кровавых алтарей или выпотрошенных трупов он не заметил. Больше всего Берлинский Дом изнутри напоминал канцелярию, офис какого-нибудь богатого нотариуса или адвоката. Виктор, кажется, был единственным колдуном, который внутри своей Башни не расширил, а сузил пространство. В центральном нефе повсюду стояли письменные столы с пишущими машинками, конторские шкафы с выдвижными ящиками, пол был застелен зеленым ламинатом. Под каждым столом аккуратно лежал коврик. На некоторых ковриках виднелась собачья шерсть. Арк шел мимо рядов письменных столов. Было видно, что хундескопфы тяжело работают тут каждый день, что-то печатают на своих машинках, считают на калькуляторах, ставят печати, и Арк никак не мог понять, что же именно они делают, а главное – зачем. Арк посмотрел вверх. Виктор оставил оригинальную высоту собора, и Арк проходил прямо под куполом. Потолок был белым, без каких-либо украшений или вычурностей. Массивные стены, колонны, арки поддерживали совершенно непримечательный потолок. Тускло светили вытянутой формы неоновые лампы, идущие по периметру купола. Отчего-то эта Башня смутила Арка больше, чем смутили бы любые щупальца, слизь, глаза или прочие лавкрафтианские ужасы. Впрочем, возможно, на это и был основной расчет.

Арк прошел основной неф и дошел до небольшого барьерчика, которым в соборах алтарь обычно отделялся от основного зала. Боль в горле усилилась. Рядом с невысоким деревянным ограждением стояли три хундескопфа – два добермана и бульдог. У одного из доберманов был высунут язык, и слюна мерно капала на гранитный пол. Арк заметил, что в альковах по бокам скрываются и другие миньоны

Виктора, их собачьи морды, крупные и маленькие, хищно следят за каждым движением гостя. Один из доберманов предупреждающе зарычал, и Арк остановился. Пересекать барьер, судя по всему, не следовало.

Алтарь находился на небольшом возвышении и был огорожен чем-то вроде пластиковых ширм с дешевым узором. Из-за них слышались сухие хлопки, похожие на выстрелы. Одна из них отъехала в сторону, и Арк увидел письменный стол Виктора. Он был побольше остальных, но, как и они все, был завален кучей бумаг. Картонные папки лежали на нем стопками, из них свисали сотни закладок. По всему столу были разбросаны канцелярские скрепки. В центре всей конструкции стояла древняя мощная пишущая машинка, а за ней виднелся хозяин стола. Он печатал, медленно, буква за буквой, выбивая на зажатой в тисках машинки белой бумаге какие-то таинственные руны. Бумага тут же прогибалась под их тяжестью. На Арка Виктор не обращал никакого внимания. Наконец машинка щелкнула, плавно поехала каретка, звякнув в конце; Виктор нажал какие-то клавиши, и бумага вырвалась наружу, зазмеилась по поверхности стола и сама заползла в одну из папок. Виктор что-то записал золоченой ручкой на другом листе бумаги, поставил две разные печати, поднял взгляд и наконец-то посмотрел на гостя. Его взгляд был тяжелым, как бетонная плита.

СХХІХ.

Боль в горле усилилась. Арк чувствовал, как Виктор проскальзывает в его мозг, проминает все защиты, растворяет сопротивление. Арк уже не был камнем, но и это его не спасло. Виктору было всё равно. Он открыл и прочитал Арка, как содержимое одной из своих папок. А потом расхохотался.

– В собаке?! Это интересно. Неожиданно. Свежо! Нигошу удалось меня развлечь.

– Он уже давно убежал, – сказал Арк.

Виктор махнул рукой.

– Мелочи. Я понял принцип. Если нужно будет, я выверну наизнанку каждую собаку, крысу и клопа в городе – и наверняка найду его.

«Сейчас он поймет», – подумал Арк, прекрасно понимая, что и эта мысль будет прочитана.

– Но, – лицо Виктора мгновенно стало серьезным, – это также означает, что Нигош всё-таки не придумал, как телепортироваться на Земле. Это крайне досадно. Захват мира придется ненадолго отложить. Сосредоточиться на Берлине.

От этих слов у Арка пробежал мороз по коже.

Виктор оценивающе посмотрел на него.

– Есть восемь способов тебя уничтожить, тут же, на месте. Но ты мне нравишься, Аркадий. У тебя имеется интересное свойство – ускользать от смерти. Даже превращение в статую тебя не успокоило. Я предлагаю тебе стать моим учеником. Не безмозглым хундескопфом, а настоящим, полноценным учеником. Первым в

своем роде. Вместе мы многого добьемся. Ты получишь свое жилье на острове – в последнее время тут много вакансий...

«Тут какой-то подвох», – подумал Арк.

Виктор снова засмеялся:

– Конечно. Моим первым приказом будет пойти и убить всех полицейских Берлина. Начиная с твоих друзей. С Советом мы потом разберемся вместе.

Арк даже не успел сформулировать ответную мысль, как Виктор уже качал головой, прочитав только его эмоции.

– Как ты понимаешь, они уже мертвы. Что бы ни случилось, им не пережить этих нескольких дней, за которые я отловлю их и передую, как котят. После их фокусов в музее Бодэ я просто обязан это сделать. Следующими будут Клавдия и эти два мальчика-с-пальчика. Я, видишь ли, сторонник не угроз, а демонстраций.

– Но ты пообещал! – напомнил возмущенный Арк.

Виктор фыркнул:

– Что стоит обещание, данное муже? Травинке у меня под ногами?

Он встал из-за стола, размял ноги, потер затекшие колени.

– Это было не обещание, это была капля меда, к которой ты прилип и теперь никуда не улетишь. Справедливости ради, это был твой единственный шанс, иначе я сравнял бы Иммануилкирхе с землей, как должен был сделать уже давным-давно. Я так понял, ты не принимаешь мое предложение?

Он подошел на два шага ближе к Арку и как будто стал выше ростом. Тени сгустились вокруг него, образуя темную ауру. Его очки хищно блестели в свете неоновых ламп.

И тут Арку на секунду стало жалко Виктора. Он изо всех сил постарался удержать это чувство, но оно прорвалось. Виктор, такой умный, такой могущественный, так хорошо всё рассчитал. Повелитель Берлина, потом мира. Обманул весь Совет, сбросил главного конкурента с пьедестала. Выследил единственного колдуна, который мог помочь с его планами. Силой, шантажом выведал, где тот прячется. Нес победу в ладони, как Анубис Арка. Но это у него не получилось, то сорвалось, здесь его предали, тут обманули. Нигош ему не поможет, все планы, все козни пошли к черту. Бедный, бедный всемогущий Виктор...

Арк посмотрел противнику в глаза и увидел, что тот в бешенстве. Губы Виктора превратились в две белые полоски, лицо пошло пятнами. Опасно жалеть тех, кто умеет читать мысли. Боль в горле Арка достигла апогея. Он словно физически почувствовал там что-то острое, колющее, рвущееся наружу. Даже ощутил привкус крови.

Виктор сделал молниеносный сигнал рукой, и два добермана схватили Арка за руки, силой поставив на колени. Из их пастей несло тухлятиной. Виктор подошел совсем близко, навис над Арком, так что тот смог почувствовать и его дыхание. И

вдруг зрачки Виктора расширились. На миллисекунду опаснейший колдун Берлина, без пяти минут хозяин мира, испугался. Увидел что-то, чего никак не ожидал.

А потом это случилось.

Началось со странной, агрессивной отрыжки. Она продрала Арково горло, и он только успел как можно шире открыть рот, как вдруг оттуда высунулось что-то острое и металлическое. И полезло дальше. Челюсть Арка отвисала всё ниже и ниже, надрывая плоть, ломая анатомию, и вслед за острым лезвием, которое он слишком поздно опознал как шпиль, полезла вся Черная Башня Осткройца. Шпиль, как швейная игла, проткнул грудь Виктора, увлекая его за собой, сминая пополам, и полетел вверх, к куполу собора, а за ним невероятным черным поездом, нарушая все законы приличия и геометрии, несло гладкое, толстое тело Башни. Купол ее не затормозил. Башня пробилась на вылет, по инерции пролетела чуть дальше и грузно осела, поднимая клубы пыли. Люминесцентные лампы замигали и погасли, и Берлинский Дом погрузился в темноту.

Всё это время Арк стоял на коленях, но как только нижние этажи Башни вылетели из его Пасти, он откатился в сторону, его вырвало, и второй раз, и третий, из него извергались кровь, пыль, мелкие камешки – и всё это было приправлено неопознанной черной слизью. С трудом поднявшись на ноги, он стремглав, не разбирая дороги, побежал вон из собора, остановившись лишь снаружи, упав на траву без сил, без ума, вытошнив из себя остатки слизи.

Потом он смог привстать и оглядеться. Всё выглядело так, как будто у собора сбоку купола вырос огромный черный флюс. Остальной купол медленно проваливался внутрь вокруг наверх Башни. Ее шпиль, освещенный мягкой предрассветной зарей, казался красным от крови. Останков Виктора на нем уже не было. Собор был мертв. Башня, а с ней и Нигош Черный полностью впитали его колдовскую силу. «Хозяин никогда не покидал меня, – подумал Арк, но эта мысль не обрадовала его, не ободрила, а наоборот – сделала что-то с его желудком, и его снова вырвало, желчью и водой. – Ну и черт с ним. Ну и черт с ними со всеми».

Весь Берлинский Дом скрипел и содрогался, как корабль с пробитым днищем. Из его дверей веселой гурьбой выбежала стайка собак. Арк узнал двух доберманов, которые держали его внутри.

Рядом с ним на траву приземлилась Лу-оспри, превратилась в человека, подбежала к нему. Он обнял ее, потом отстранился. Слова были не нужны. Она продолжала держать руку на его плече. Вместе они, замороженные, немые, смотрели на открывающуюся перед ними картину.

Новое солнце всходило над Берлином.

Эпилог

СХХХ.

Арк сидел и молча смотрел на свою могилу. В последние месяцы он делал это достаточно часто, во многом из-за скуки и отсутствия каких-либо занятий. Он играл в го с Аххилом, пил пиво с Пшигодой, мешал вечно занятой Лу, но большую часть времени просто слонялся по быстро меняющемуся городу или сидел вот здесь, на специальной скамеечке, и смотрел на свое имя на простом могильном камне. Полицейским он так и не стал. Политиком тоже. Как оказалось, поиск Нигоша был не препятствием на пути к спокойной жизни, а ее условием. Без этого знака вопроса, то и дело толкавшего Арка вперед, оказалось, что он совершенно не знает, чем заняться. Он вдруг начал понимать Доротеху, которая получила всё, о чём мечтала, и это привело к ее падению. Он несколько раз навещал ее в тюрьме, но она молчала, даже не смотрела на него, беспомощная, спеленутая заклинаниями, с грязным лицом и растрепанными волосами. Арку было ее жаль. Она, как и все остальные, была жертвой Смещения.

Со смертью Виктора в город также не пришло спокойствие. Он загудел, как разбуженный улей, сразу стали заключаться новые договоры и союзы, и после того, как колоду основательно перетасовало, к выборам всё вернулось на круги своя. Единственным, пожалуй, важным новым событием было полное отречение Александра. Он передал власть над Александрплатц в руки Оксаны и окончательно заперся в своей телебашне, замуравив ее от всего остального мира. Третьего октября прошли выборы, и Оксана легко стала Главой Совета. Падишаха выбрали Казначеем. Главной интригой выборов оказалось появление Нигоша, который вихрем вернулся в берлинскую политику, вскружил всем головы, а потом снова отошел от дел. Его Башня – теперь Черная Башня Митте – выровнялась, выросла в землю, стала потихоньку вбирать в себя развалины кафедрального собора, выросла на пару десятков метров и явно портила жизнь Клавдии и оставшимся Лихтенхерцам, поделившим между собой остальные богатства Музейного острова. Арку, впрочем, это было не важно. С Нигошем он так больше ни разу и не встретился, обнаружив в себе спокойное море безразличия. Юджин, чья роль всё больше становилась похожей на роль личного психолога для Арка, его в этом поддержал. Нигош тоже не выразил ни малейшего желания общаться со своим бывшим Карманом.

После успеха полиции на Музейном острове ее ряды пополнились десятками новых воодушевленных новобранцев. Почти выздоровевший Пшигода всюду занимался их муштрой, а по всему Берлину открывались новые полицейские участки. Особенно удивительно было видеть новый отстроенный участок на самом Музейном острове, в развалинах музея Бодэ. Отто Лихтенхерц, несмотря на свой

новый статус члена Совета, крайне заинтересовался работой этого участка и привлек сюда много бывших хундескопфов.

Да, сразу после выборов Лу также одержала уверенную победу. Владение миньонами и вообще подчинение разумов людей в любой форме стало в Берлине запрещено. Амулеты Верности ушли в прошлое. Конечно, осталось много нерешенных вопросов вроде статуса дуболомов Танненбаума и прочих колдовских созданий, не обладавших интеллектом в полном смысле этого слова, но первая тропинка была проложена, и члены Совета массово отказались от Амулетов.

– Мы должны сказать спасибо Доротее Лихтенхерц, – подчеркнула Лу на одной из их вечеринок. – Она была не в лучшей форме в ту ночь, и это нас спасло.

– А еще мы должны сказать спасибо Нигошу, – брякнул Ульрих, но, поймав взгляд Арка, быстро заткнулся.

В целом было видно, как Берлин из постапокалипсиса движется в сторону постпостапокалипсиса. И чем дальше он туда продвигался, тем больше Арку казалось, что в этом городе не остается места для него самого. Именно поэтому он всё чаще присаживался у своей могилы, иногда в компании с Карманом, а иногда с Юджином. Тот так и остался статуей – Оксана сказала, что превращение в человека неизбежно убьет его, а вот в виде мраморной головы он может просуществовать еще достаточно долго. Юджин отнесся к этому философски. Именно в разговоре с ним Арк и придумал, чем хочет заниматься в дальнейшем.

СXXXI.

Ближе к вечеру Арк зашел в офис Лу. Ее стол ломился от бумаг, пустых конвертов, полупустых чашек. Арк фыркнул. Он отлично помнил время, когда на столе у Лу лежал только пистолет. Он вынул из кармана белый шарик, покрутил в руках, потом положил на стол. Шарик, словно сам по себе, покатился в сторону Лу, умело огибая завалы.

Лу подняла глаза.

– Мне кажется, из меня выходит плохой полицейский, – заявил Арк.

– Да что вы все, сговорились? Сначала Ирджих начал заниматься каким-то излишним самокопанием, теперь ты. Всех надо утешать?

– Не всех, Лу. Я серьезно. В этом нашем стартапе я свое сделал. Время двигаться дальше.

Лу поймала шарик, который наконец-то докатился до ее края стола.

– И чем собираешься заняться?

Арк улыбнулся:

– У меня есть идея для нового стартапа. Скажи, ты когда-нибудь задумывалась о том, что происходит в других городах? В других странах? Виктор в своем мегаломаньяческом бреде подал мне неплохую идею. Он хотел их захватить, конечно. Я же думаю скорее о том, чтобы наладить коммуникацию. Наверняка в

крупных центрах типа Амстердама или Парижа всё еще остаются люди. Может быть, даже Дрезден еще стоит.

– Может быть, но добраться до них невозможно. Тебя съедят по дороге. Там такие монстры живут, что Тараск покажется милым котиком. Связи тоже нет, и вряд ли даже с помощью Ахила можно придумать надежный способ.

– Всё это не значит «невозможно», просто очень тяжело. И дорого. Но я, кажется, придумал, кто будет хорошим инвестором.

Позже, ночью, они устроили прощальную вечеринку – как раньше, впятером. Она была веселой и немного грустной, но главное – она была очень личной, поэтому подробности можно опустить. Арк не чувствовал, что прощается с друзьями навсегда, но на всякий случай постарался запомнить их такими – настоящими, слегка уставшими, любящими его. Ахила с его роем мыслей о том, как лучше обустроить будущее. Пилар с ее заботой о сыне, которая постепенно распространялась на весь город. Пшигоду, хромого, но всё еще весьма грозного снаружи и совсем другого изнутри. И Лу, открывшую в себе целый мир возможностей. Арк вспомнил Серба, жадного и хитрого старика, который по собственным корыстным мотивам собрал их вместе. Даже из самых эгоистичных семян могут прорасти прекрасные деревья!..

Следующим утром Арк с головой Юджина в рюкзаке пришел на Александрплатц. Карман с деловым видом семенил рядом. Октябрь уже давно вступил в свои права, поэтому шпиль телебашни, бесцветный, скромный, терялся в набрякших тучах. Арк подошел к ней поближе. Некогда перламутрово-серое, теперь ее основание было обугленным, размалеванным граффити и заплыванным. Место вокруг телебашни превратилось в помойку. «Sic transit gloria mundi», – сказал когда-то Пшигода. Наверное, рано или поздно любая gloria mundi становится свалкой. Пахло, как от Реки Гнили, всюду копошились крысы и муравьи размером с крыс. Арк задрал голову вверх. Фасеточный зеркальный шар неподвижно висел под облаками, ничего не отражая, как на самой скучной дискотеке. Карман было погнался за муравьем, но Арк свистнул, и они вместе вплотную подошли к телебашне. Арк несколько секунд смотрел на сплошную бетонную стену. И вошел внутрь. Карман просеменил за ним.

СXXXII.

В телебашне было темно. Арк почувствовал неожиданную легкость во всем теле, Карман удивленно тявкнул, и Арк понял, что они летят вниз. Полет был плавным и мягким, быстрым, но без ощущений перегрузок, какие бывают в скоростных лифтах. В какой-то момент ступни Арка снова коснулись пола. На ощупь тот был мягким и чуть колким, как экзотический ковер с длинным ворсом. Включился свет, а может быть, Арку разрешили видеть, и оказалось, что они стоят посередине зеленой весенней поляны. Неподалеку росло раскидистое дерево, под ним был накрыт

стол. За столом сидел Александр. Завидев Арка с собакой, он поднялся и помахал рукой.

Арка с опаской подошел к истинному богу Берлина. Слухи про Александра ходили разные. Арка не знал, насколько человек, способный на таком уровне менять физическую реальность, пойдет с ним на контакт. Виктор видел его мухой, попавшей в каплю меда. Шпрее описала его, как «микроба». Александр же...

Александр, очень высокий, нескладный, немного сутулый, в очках с тонкой оправой, протянул руку.

– Аркадий, – чувствуя себя глупо, сказал Арка и пожал ее.

– Александр, – сказал Александр. – Садись.

Арка сел за стол, который можно было бы представить на веранде какого-нибудь богатого загородного дома, а не в Башне самого могущественного существа в Берлине.

– Нравится? – спросил Александр.

Арка вздрогнул.

– Не бойся, я не читаю мысли, как Виктор. Я просто истолковал выражение лица.

– Это всё... необычно.

– Особенно после Башни Нигоша? И собора?

Арка кивнул.

– Виктор... – Александр задумался. – Виктор был мне почти другом. Вначале. Мы получили эти способности, познакомились. У нас были общие планы. Мы оба хотели, чтобы Берлин вернулся к мирному существованию. Собрали самых могущественных колдунов, помирили их, основали Совет. Но вот конечные цели у нас, судя по всему, были разными. Виктор видел других как инструменты, как ступени на пути к вершине. И окружал себя такими же людьми. Я не знаю, что бы он делал после того, как безраздельно захватил бы власть в Берлине.

– Он хотел захватить весь мир, – сказал Арка.

Александр вздохнул.

– А дальше что? И зачем? Я очень силен, Арка, – хозяин телебашни говорил серьезно, без тени хвастовства. – Но, в отличие от других великих колдунов, я сам никогда не искал ни силы, ни власти. Я был ученым и, хочется думать, им и остался. Это то, что Виктор никак не мог обо мне понять. Он видел во мне конкурента, угрозу. Меня же никогда не интересовала власть как таковая. Это была одна из его ошибок.

– Из-за этого он выпустил Тараска на площадь?

– Да, – Александр слегка отвел взгляд. – И это была одна из моих ошибок. Я... отвлекся. Когда я почувствовал темпоральное возмущение вокруг Башни и увидел, что происходит, было уже поздно. Я только успел поделиться своей силой с Оксаной, чтобы та победила монстра.

– Отвлекся?!

– Задумался... Это трудно объяснить. С таким количеством мощи и возможностей у тебя полностью меняются приоритеты, искажается восприятие реальности. Я ученый, я погрузился в предмет изучения. Мне очень жаль.

– Что же вы...

– Давай на «ты», пожалуйста.

– Что же ты изучал?

– Смещение.

– В смысле?

– Восемь с небольшим лет назад во всём мире произошла ужасная катастрофа, которая полностью поменяла всё, что происходит на нашей планете и в нашей Вселенной. Мы получили колдовство, но потеряли несоизмеримо больше. Потеряли физику, а с ней, парадоксальным образом, и себя. Трудно было представить, насколько наша мораль связана с физическим миром и его возможностями. Я пытался и до сих пор пытаюсь понять, что же именно произошло. И как можно всё вернуть.

– Вернуть?

– Да. Я убежден, что ключ – во времени, в его физическом течении. Время каким-то образом связано с энтропией, с порядком всех вещей во Вселенной. А он, в свою очередь, почему-то связан с человеческим сознанием, и именно эта связь рождает колдовство.

– Время и внимание, – произнес Арк.

– Что-что?

– Да так, слышал... где-то.

Александр кивнул, собравшись с мыслями, и продолжил:

– Что-то сломалось в этом механизме, какая-то песчинка попала между шестернями. И я думаю, что ее можно убрать. И либо запустить всё заново, либо как минимум восстановить статус-кво. Это то, чем я занимаюсь последние четыре года.

– И как успехи?

Александр замялся.

– Даже у моих возможностей есть ограничения. Кроме того, я отдал значительную часть своей силы Оксане и не вернул ее назад. Это тоже вносит свои коррективы. Есть многое, что мне неподвластно. Я не могу заглянуть в прошлое, как во многих Изнанках. Не могу повернуть время вспять на всей планете. Даже не могу свободно перемещаться по Земле, не могу физически добраться до точки, в которой неизвестная мне сила инициировала Смещение. Это всё усложняет. Телепортация на дальние расстояния здесь, судя по всему, невозможна. Я немного застрял...

Арк улыбнулся. Впервые за много дней он почувствовал, что находится в нужном месте и в нужное время. Что он наконец-то сделал правильный выбор. «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – вспомнил он стихотворную строчку откуда-то

из детства. Счастья действительно нет, даже у практически всемогущих. Наверное, это никак не мог понять Виктор. Может быть, сможет Александр. Может быть, он уже это понял.

– Виктор тоже искал способ телепортации. Вы, великие колдуны, постоянно пытаетесь решить проблему в лоб. Нам же, простым смертным, часто приходится изворачиваться. Я пришел сегодня, чтобы предложить вам...

– Тебе.

– Предложить тебе приключение. И, судя по всему, оно придется к месту. Я понимаю, что телепортироваться на Земле нельзя, иначе все мы уже жили бы под пятой Лихтенхерца Первого. Но люди путешествовали и раньше. Что насчет полета? На воздушном шаре, ковче-самолёте, космическом корабле? Неужели это тоже недоступно?

Александр очень долго смотрел Арку в глаза.

Пасмурным осенним утром обитатели Александрплатц могли наблюдать непривычную картину. Телебашня, долгое время остававшаяся безмолвным символом бессилия и бесчувственности колдунов, стала мелко дрожать. Спрятанная в ней колдовская сила потекла бурным потоком, обвила ее со всех сторон, образуя невидимый, но легко ощущаемый кокон. Вибрация усилилась, передалась всей площади. Люди оставили свои дела, застыли в ожидании. Ничего хорошего это не сулило. Оксана выбежала из госпиталя, на всякий случай собирая вокруг колдовскую энергию. С телебашни отовсюду посыпалась бетонная крошка, зеркальный шар стал медленно вращаться, всё больше напоминая взбесившийся дискбол. Замерцало розовым, желтым, ярко-белым. Тучи, набрякшие над Александрплатц, стали медленно расступаться, словно опасаясь происходящего. Из основания шара вылетело несколько молний, которые, впрочем, рассеялись, не долетев до земли. С ужасным грохотом он оторвался от бетонной опоры, поднялся выше, сначала на пару метров, потом еще и еще, оставив после себя лишь куцую лишнюю башню, обломанную бетонную иглу, мертвую и пустую. Шар же продолжил подъем, пока почти не скрылся в грозовых облаках. Его вибрация переросла в гул, он чуть сплюснулся и вытянулся, принимая более аэродинамическую форму. А потом он оставил Берлин позади, улетев, вместе с Арком и Александром, Юджином и Карманом, в веселое и злое будущее.